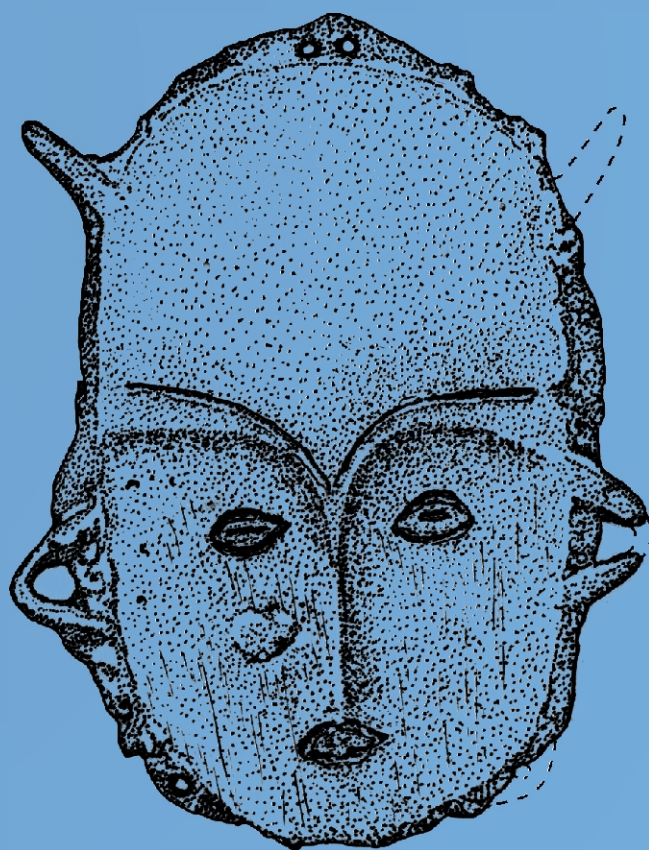

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск VII

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск VII

Красноярск
СФУ
2015

УДК 903.2(571.1/.5)

ББК 63.442(253)

Д73

Рецензенты:

В. С. Мыглан, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Лаборатории естественно-научных методов
в археологии и истории СФУ;

З. Ю. Жарников, кандидат исторических наук,
заведующий Лабораторией естественно-научных методов
в археологии и истории СФУ

Редакционная коллегия:

П. В. Мандрыка (отв. редактор), К. В. Бирюлёва,
П. О. Сенотрусова, Е. В. Акимова

Д73

Древности Приенисейской Сибири : сб. науч. тр. / отв. ред.
П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. –
Вып. VII. – 208 с.
ISBN 978-5-7638-3245-7

Представлены публикации работ ученых по древней и средневековой истории Сибири и сопредельных территорий. Рассмотрены вопросы изучения материальной и духовной культуры дописьменных народов. Приведены историографические исследования проблем и методов сохранения культурного наследия.

Сборник предназначен для археологов, историков, краеведов и интересующихся историческим прошлым народов Северной Азии.

Электронный вариант издания см.:
[http:// catalog.sfu-kras.ru](http://catalog.sfu-kras.ru)

УДК 903.2(571.1/.5)
ББК 63.442(253)

ISBN 978-5-7638-3245-7

© Сибирский федеральный университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Макаров Н. П., Конохов В. А., Вдовин А. С. «Работой своей в Красноярском музее я очень доволен». В. Г. Карцов. Начало научной деятельности	5
Мандрыка П. В. Николай Спафарий на Енисее	26
Титова Ю. А., Мандрыка П. В., Титов Е. В. Опыт археологического наблюдения на объекте археологического наследия «Творогово. Стоянка Красное кольцо» в Емельяновском районе Красноярского края	31
Акимова Е. В., Харевич В. М., Стасюк И. В., Орешников И. А., Томилова Е. А., Гурулев Д. А. Новые стоянки каменного века в северной части Красноярского водохранилища.....	36
Сенотрусова П. О. Стоянка Абакан-18 – новый памятник бронзового века в Нижнем Приангарье	52
Пушаева Л. А., Фокин С. М. Материалы бронзового века с поселения-могильника Скородумный Бык	59
Герман П. В., Леонтьев С. Н., Савельева А. С. Бронзолитейная площадка раннего железного века на стоянке Взвоз в Северном Приангарье.....	68
Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 (Северное Приангарье).....	87
Виноградов Д. А. Бронзовое антропоморфное изображение с поселения Проспихинская Шивера – IV на Ангаре.....	109
Лысенко Д. Н., Тарасов А. Ю. Исторические некрополи г. Енисейска (по данным археологических исследований 2004–2014 гг.)	114
Заика А. Л., Фокин С. М. Писаница Олёкма (новые данные).....	127
Заика А. Л., Степанов Н. С., Матвеев В. Е. Новые петроглифы Ангары (предварительное сообщение).....	135
Пахомова Т. А., Заика А. Л., Вдовин А. С. Петроглифы на оз. Тус в Хакасии	150

Заика А. Л., Дорохина А. А., Журавков С. П. Памятники наскального искусства на территории проектируемого музея-заповедника «Шалаболинская писаница»	162
Бирюлева К. В. Археологические памятники долины реки Хаус в Казачинском районе Красноярского края	174
Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Археологические памятники в окрестностях поселка Красногорьевский в Богучанском районе Красноярского края	180
Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Итоги разведочных работ археологической экспедиции Сибирского федерального университета в Богучанском районе Красноярского края в 2007–2009 гг.	188
Список использованных сокращений	205

Н. П. Макаров¹, В. А. Конохов¹, А. С. Вдовин²

¹Красноярский краевой краеведческий музей

²Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева

«РАБОТОЙ СВОЕЙ В КРАСНОЯРСКОМ МУЗЕЕ Я ОЧЕНЬ ДОВОЛЕН».

В. Г. КАРЦОВ. НАЧАЛО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Среди археологов Красноярского краевого краеведческого музея (далее – Красноярский музей) личность В. Г. Карцова занимает достойное место. Достаточно сказать, что, работая в музее на рубеже 20–30-х гг. XX в., В. Г. Карцов первым из красноярских археологов смог обобщить накопленные к этому времени археологические материалы по району красноярской лесостепи. В своей монографии «Материалы к археологии Красноярского района», остающейся вплоть до настоящего времени единственной сводной работой по данному региону, он проанализировал материалы всех эпох от неолита до Средневековья [Карцов, 1929б].

1989 г. стал особым для Красноярского краевого краеведческого музея: праздновалось 100-летие со дня его основания. Потребовался обзор археологических исследований музея за этот период, в том числе и работ В. Г. Карцова. Для сбора материалов по истории музея его сотрудники прошли по следам своих

предшественников, выяснив новые интересные и малоизвестные факты. Одному из авторов данной статьи посчастливилось пообщаться с вдовой ученого С. Карцовой и их дочерью, с теплотой вспоминавшими о покойном главе семьи. В домашней библиотеке сохранился первый сборник археологического кружка МГУ со своеобразным автографом В. Г. Карцову от будущего академика Б. А. Рыбакова: «Многоуважаемому председателю археологического кружка от секретаря» [Сборник научно-археологического ..., 1928].

Рамки обзорной статьи в юбилейном сборнике Красноярского музея позволили лишь в краткой форме отразить деятельность В. Г. Карцова [Макаров, 1989, с. 149–152]. В связи с этим последовал ряд других публикаций, связанных с биографией ученого [Макаров, 1992].

К 100-летию со дня рождения В. Г. Карцова в Твери планировалось провести конференцию и выпустить сборник. К сожалению, реализация намеченного не

состоялась. Написанная к юбилейной дате статья о красноярском периоде деятельности ученого была позднее опубликована в одном из красноярских изданий [Макаров, Вдовин, 2010].

В то же время в архивах Москвы, Твери, Новосибирска, Красноярска, Ачинска, Абакана, а также за границей (Хельсинки) периодически обнаруживаются новые малоизвестные материалы, связанные с личностью В. Г. Карцова, позволяющие еще раз вернуться к его деятельности. Особое место в них занимает переписка молодого начинающего исследователя с его учителем и научным руководителем В. А. Городцовым, представленная в приложении к данной статье.

Жизненный путь В. Г. Карцова оказался непростым. Владимир Геннадиевич Карцов родился в 1904 г. в с. Детское Петербургской губернии в семье акцизного чиновника. В годы революции и Гражданской войны остался сиротой. Мать умерла в 1919 г., а отец остался во Франции, где он работал. В 16 лет юный Владимир пошел в Красную армию, где служила его сестра. Позднее в своей автобиографии он писал, что «преимущественно работал в красноармейских газетах и по ликбезу», участвовал в Гражданской войне в Белоруссии и в Закавказье [Дубровский, 2005, с. 744].

В 1925 г. В. Г. Карцов поступает на исторический факультет Первого Мо-

сковского университета и, слушая лекции В. А. Городцова, увлекается древней историей. Вскоре молодой энергичный юноша становится председателем археологического кружка МГУ. Уже в эти годы у Карцова ярко проявляются задатки будущего ученого. Несомненной заслугой В. Г. Карцова, Б. А. Рыбакова и других начинающих археологов стало издание в 1928 г. первого сборника научно-археологического кружка МГУ. В этом сборнике молодой исследователь публикует одну из своих первых научных работ «К материалам по составлению археологической карты Московской губернии» [Карцов, 1928]. К этому времени энергичный студент уже имел Открытый лист, который позволял провести свои самостоятельные разведки в бассейне реки Сетуни.

Столь бурная деятельность не была бы возможной без поддержки В. А. Городцова, бывшего не только профессором МГУ и одним из ведущих археологов России, но и заведующим археологическим подотделом Наркомпроса РСФСР. Как чиновник высокого ранга, В. А. Городцов был заинтересован в создании новых научных центров и обеспечении их квалифицированными кадрами. Одним из районов, на которые он обратил внимание, была Сибирь [Вдовин, Кузьминых, 2012, с. 49–54]. В 1924 г. В. А. Городцов совершил по-

ездку по сибирским музеям и на месте убедился в перспективности археологического изучения этого обширного региона [Вдовин, 2008].

Показательны в этом плане строки из письма В. А. Городцова одному из своих бывших учеников Н. К. Ауэрбаху, уже плодотворно работающему в Приенисейском крае: «В сибирские музеи согласны ехать на службу 3 выдающихся студента (Карцов, Катков и Крайнов)... Карцов и Крайнов выдвинуты кандидатами в Научно-исследовательский институт. ...Карцов (выбрал специальностью изучение – *Авторы*) памятников палеометаллической эпохи металлического периода... Если бы удалось устроить этих юношей, это создало бы сильный кадр археологов, с которыми можно было бы смело разрабатывать планы об открытии Сибирского археологического института или Археологической секции при одном из университетов» [АИАЭТ СО РАН, ф. Н. К. Ауэрбаха, б/н].

Тысячи археологических памятников всех эпох делали привлекательными сибирские древности и для амбициозных молодых исследователей.

Поэтому, как только в музеях Сибири появляются вакансии археологов, В. А. Городцов советует своим ученикам не упускать свой шанс. Правда, учитель иногда высказывал и сомнения, справится ли молодежь с неминуемыми трудно-

стями археологических изысканий. Так, все тому же Н. К. Ауэрбаху В. А. Городцов пишет в 1928 г.: «Студент Карцов дает согласие на службу в Минусинске. Мне кажется только, что Карцов слишком молод, чтобы занять должность заместителя директора в Минусинском музее, хотя он человек очень способный и хороший... Нет никакого сомнения в том, что через несколько лет он получит кафедру профессора в одном из сибирских университетов» [АИАЭТ СО РАН, ф. Н. К. Ауэрбаха, б/н].

С целью реализации планов В. А. Городцова вслед за В. Г. Карцовым планируют ехать в Сибирь другие его ученики. Действительность же оказалась таковой, что на Енисее начинает свои исследования С. В. Киселев, тесно сотрудничая с Минусинским музеем; в музеях Красноярска оказались В. Г. Карцов и Н. Катков; Омска, а затем Минусинска – В. П. Левашева; Тюмени – П. А. Дмитриев. Планировал приехать в Сибирь и Д. А. Крайнов [Вдовин, Макаров, Гуляева, 2005, с. 235–237]. О последнем С. Ф. Карцова вспоминала, что это был лучший друг В. Г. Карцова, с которым они вместе жили, по очереди носили один пиджак и брюки, вынужденно пропуская лекции. Не случайно В. Г. Карцов, обращаясь в письмах к В. А. Городцову, часто просит его передавать что-либо через Д. А. Крайнова.

Хотя первоначально в планах В. Г. Карцова был Минусинский музей, но в 1928 г. он, взяв годичный отпуск в университете, приезжает в Красноярск. Судя по письмам, коллектив музея любезно встретил новоиспеченного археолога, который незамедлительно начал знакомство с его «огромными коллекциями». В. Г. Карцов делится с учителем своими планами и просит у В. А. Городцова поддержки в получении Открытого листа – разрешительного документа на раскопки. Из переписки вытекает, что медленно, но верно В. Г. Карцов выполняет намеченное.

Он пытается установить переписку с финским исследователем М. М. Тальгреном, обращаясь с просьбой к нему о пересылке в Красноярск работы по ананьинской культуре. В свою очередь Карцов готов оказать содействие Тальгреноу в ознакомлении с коллекциями музея. Известно, что финский исследователь очень интересовался коллекцией В. А. Данилова в Красноярском музее, включающей около 1000 выразительных археологических предметов из лесостепных и степных районов Енисея [Макаров, Вдовин, Баташев, 2013 а, б].

Судя по первым письмам к В. А. Городцову, В. Г. Карцов первоначально концентрируется на разведочных работах, работает над составлением археологической карты и постановкой на учет выявленных памятников с органи-

зацией их охраны. При этом как минимум в нескольких письмах он отмечает: «Работой своей в Красноярском музее я очень доволен».

Казалось бы, успехам молодого исследователя можно только радоваться. Но В. А. Городцов, всегда помогая своим ученикам и внимательно следя за их достижениями, оставался в то же время и требовательным к ним. «Вчера, 27/XII – пишет он Н. К. Ауэрбаху – послал В. Г. Карцову жестокое письмо за его отчет о произведенных в окрестностях Красноярска раскопках и исследованиях. Работа его в общем хорошая и я буду хвалить его в Главнауке, но плохо то, что он не проводит нашу школьную дисциплину так, как должен проводить. Я упрекнул его, что он не работает с нашей классификацией, которая должна положить границу между специалистами-археологами и дилетантами-археологами. Под влияние последних он, видимо, стал попадать, явление это для меня не ново. Все лица, не успевшие пройти всю школу археологии, обычно колеблются и шатаются, как былинки в поле. Карцов, к сожалению, еще не прошел школу и потому, естественно, заколебался» [АИАЭТ СО РАН, ф. Н. К. Ауэрбаха, б/н].

Спустя год В. Г. Карцов намечает уже раскопки на Частоостровском и Мелецком городищах и на нескольких дюнных стоянках, а при наличии средств

и на курганах. Определяются и приоритеты исследователя: «Главное внимание свое, таким образом, я думаю, как и в прошлом году, обратить на бытовые памятники, почти совершенно здесь не исследованные. Но больше всего меня по-прежнему влечет неометалл».

Отмечая, что трудностей он не боится, В. Г. Карцов все же сетует на нехватку времени. Дело в том, что для Красноярского музея было построено специальное здание в стиле египетского храма, и коллектив музея планировал переезд в него. Для этого необходимо было упаковать все коллекции, что отнимало много времени. Тем не менее уже в мае – июне 1929 г. В. Г. Карцов совместно с членами организованного им школьного археологического кружка начинает разведочные работы в окрестностях Красноярска.

В 1929 г. В. Г. Карцов целенаправленно в своих работах выходит за пределы Красноярского округа. Он начинает исследования в западной и южной части Приенисейского края, проводя совместные поиски с Ачинским и Минусинским музеями. «Ачинский округ, чрезвычайно богат и многообразен в археологическом отношении, – пишет В. Г. Карцов Е. П. Чернявскому в Ачинский музей. – До сих пор во всем Приенисейском крае совершенно не обращалось внимание на социально-бытовые

памятники. Если мы знаем прошлое края, то только по памятникам ритуальным, тогда как памятники бытовые, являющие огромный интерес, не затрагиваются исследователями. Из сравнительно поздних бытовых памятников, конечно, наиболее интересны городища, исследование которых обещает дать очень многое. Эти исследования позволят установить северные границы расселения северных тюрок, проблема чрезвычайно важная для археологии и этнографии» [Вдовин, 2005, с. 153–158].

Оба исследователя проводят регистрацию и учет археологических памятников Ачинского округа. В итоге в Ужурском, Березовском, Чебаковском и Боготольском районах описано и зарегистрировано 562 памятника (считая каждый курган как отдельный памятник). При этом 10 курганов с находящимися в них 14 могилами у с. Ужур и оз. Учум раскопаны и отнесены к тагарской культуре.

По прошествии полевого сезона В. Г. Карцов пишет своему учителю обстоятельное письмо-отчет о проведенных раскопках. Среди раскопанных памятников упомянуты Усть-Собакинская и Есаульская стоянки, курганы у Ачинска и с. Есаульское, а также Ачинское городище. Проясняется и ситуация с главной на тот период печатной работой В. Г. Карцова «Материалы к археологии Красноярского района». Автор

с сожалением констатирует, что неожиданно появившиеся в конце бюджетного года средства привели к спешке в издании работы и, как следствие, возникшим у В. Г. Карцова опасениям за возможные ляпсусы. История развития красноярской археологии показала, что эти опасения были напрасны. Три десятилетия спустя выдающийся советский археолог А. П. Окладников отмечал, что В. Г. Карцов является автором «единственной по полноте сводке археологических материалов Красноярского края... весьма тщательно выполненной» [Окладников, 1957, с. 27]. К мнению А. П. Окладникова можно добавить лишь то, что сводка В. Г. Карцова для красноярской лесостепи остается таковой и девять десятилетий спустя.

Конечно, почти через столетие с некоторыми предварительными выводами, обозначенными сначала в письмах Карцова к Городцову, а затем и в сводной работе, трудно согласиться полностью. Прежде всего это касается выделенной им красноярской палеометаллической культуры, которую В. Г. Карцов синхронизировал с карасукской культурой. Многие материалы, согласно современным данным, должны быть отнесены к более ранней неолитической эпохе [Макаров, 2005, с. 149–159]. В то же время изучение железного века и эпохи Средневековья идет в регионе по линии,

во многом намеченной В. Г. Карцовым. Подтверждается его мнение о «пережиточности» тагарской культуры [Мандрыка, 1998, с. 69; Макаров, 2014, с. 440].

Пост-тагаро-красноярскую культуру, по В. Г. Карцову, сменяет средневековая ладейская культура VII–XIV вв. Свое название она получила по раскопанному исследователем в 1928 г. Ладейскому городищу под Красноярском. В письме от 30.X.1929 он уже соотносит Ладейское, Ермолаевское и Ачинское городища, сближая полученные материалы, что находит практически сразу отражение и в его публикациях [Карцов, 1929б, с. 46–52; 1929а, с. 5; 1932, с. 45–49]. Современные представления археологов о датировке этих памятников концом I – началом II тыс. н. э. близки точке зрения В. Г. Карцова [Фокин, 2009].

Особой заслугой В. Г. Карцова стало составление археологической карты окрестностей Красноярска, без которой в регионе не может обойтись сегодня ни один археолог в своей практической деятельности.

Еще одно направление, обозначенное в письме к В. А. Городцову от 27. IX.1930 – это раскопки по «Новоэкспорту» для продажи древностей за границу. Сам В. Г. Карцов отмечает, что хотя было неприятно, но пришлось взяться за эту работу, так как на отказ посмотрели бы как на вредительство, да

и саму работу нужно было выполнить на хорошем уровне. Совместно с В. П. Левашовой В. Г. Карцов раскапывает карасукские и тагарские курганы в Хакасии и в районе Минусинска. В целом, как полагал исследователь, «коллекции и материалы собраны большие и интересные» [Вдовин, Гуляева, 2001; Вдовин, Китова, 2010].

В конце письма исследователь сетует, что на это ушло все лето и он не смог вовремя подготовиться к испытаниям в РАНИОН. Последнее связано с мыслями В. Г. Карцова о том, что в Красноярске он оказался оторванным от центра и своего наставника. Все это побуждает В. Г. Карцова искать варианты переезда в Москву. Однако еще целых четыре года он продолжает плодотворно работать в Красноярском музее. В. Г. Карцову удастся провести сбор бронзовых изделий на месте выпаванного клада у д. Торгашино, организовать раскопки на о. Татышев и у д. Солонцы, а также шурфовку Ладейского городища и стоянок Есаульская, Базаиха, Усть-Собакино [Макаров, 1989, с. 152].

Многогранность личности Карцова проявляется также в публикации статьи по проблемам создания археологических экспозиций в краеведческих музеях, которая положила начало дискуссии по данной тематике на страницах журнала «Советский музей» [Карцов, 1931].

Наряду с деятельностью в музее В. Г. Карцов преподает на рабфаке различных учебных заведений, а начиная с 1932 г. в только что открытом Красноярском педагогическом институте.

В 1932 г. сотрудником Красноярского музея становится товарищ В. Г. Карцова по археологическому кружку МГУ А. Ф. Катков. Молодые ученые продолжают археологические исследования в окрестностях Красноярска. В 1933–34 гг. они еще раз проводят шурфовку Ладейского городища и стоянок Базаиха, Усть-Собакино, Есаульская. В 1934 г. археологи раскапывают стоянки железного века на о. Татышев под Красноярском и у д. Солонцы.

В октябре 1934 г. в Красноярский музей приходит письмо из Государственного исторического музея за подписью В. А. Городцова, Д. А. Крайнова и старшего научного сотрудника по археологии В. Г. Карцова. Из него следует, что в 1934 г. В. Г. Карцов переходит на работу в ГИМ, а затем переключается на педагогическую деятельность [Дубровский, 2005]. Возвращение в Москву обрывает переписку ученика и учителя, делая ее ненужной. Тем не менее даже несколько писем, представленных в приложении, помогают лучше понять становление В. Г. Карцова как археолога в первые годы своей научной деятельности в Красноярском музее.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Красноярск

16-VI-28

Дорогой Василий Алексеевич!

Уже сейчас хочу обратиться к Вам с просьбой ходатайствовать мне в получении Открытого листа из Главнауки¹.

В Красноярске я уже начал осваиваться, знакомлюсь с огромными коллекциями музея, усиленно работаю и занимаюсь. Пока идет все благополучно, и особых затруднений я не вижу и с работой справляюсь.

Имею возможность добыть здесь, правда, очень маленькие средства, мне бы хотелось произвести небольшие раскопки курганов около Красноярска.

Очень прошу Вас не отказать поддержать мою просьбу перед Главнаукой о выдаче мне Открытого листа. При письме прилагаю мое заявление и ходатайство от музея.

Если Вы найдете возможным удовлетворить мою просьбу, то передайте все [Н. А.] Прокошеву² или кому-нибудь из наших студентов взять и переслать мне лист.

Вообще этим летом моя работа будет носить главным образом разведывательный характер с целью взятия на учет памятников и организации их охраны.

Проездом делал остановку в Новосибирске у Н. К. Ауэрбаха³. Он очень хорошо меня принял и обещал во всем содействовать. С ним я согласовал свой план работы.

Пока всего хорошего. Привет Мстиславу Васильевичу⁴.

Уважающий Вас В. Карцов

ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 406. Л. 13–13об.

¹ Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями; существовало в составе Наркомпроса РСФСР с 1922 г. до сентября 1933 г.

² Прокошев Николай Афанасьевич (1907–1942) – известный археолог, ученик В. А. Городцова. С 1926 г. учился в МГУ на историко-философском факультете (ист.-археологическое отделение, археологический цикл). (Подробнее см: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803978377>)

³ Ауэрбах Николай Константинович (1892–1930) – археолог, историк, общественный деятель, ученик В. А. Городцова. В период деятельности в Красноярске (1918–1926 гг.) – штатный и внештатный сотрудник Музея Приенисейского края, автор археологических раскопок Афонтовой горы, Бирюсы и других стоянок древнего человека. В 1927–1930 гг. работает в Новосибирске заведующим Сибирской книжной палатой и ученым секретарем Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Курирует исследовательскую деятельность профессиональных и любительских объединений на территории Сибири. Как один из организаторов научных исследований в Сибири Н. К. Ауэрбах активно содействовал В. Г. Карцову в его экспедиционной деятельности и трудоустройстве в Красноярский музей. (Подробнее см: [Н. К. Ауэрбах. Первый период..., 1998; Вдовин, Макаров, 2012].)

⁴ Сын ученого – Мстислав Васильевич Городцов (1899–1968) (см. о нем: [Смирнов, 1969]).

№ 2

Красноярск

12-XII-28

Дорогой Василий Алексеевич!

Наконец-то я закончил отчет о своих летних работах и сегодня выслал его Вам.

Сейчас мне приходится очень много работать, из-за чего я так и затянул с ним.

Большая просьба к Вам посмотреть его, дать мне соответствующие указания, а сам отчет и мой Открытый лист, который я прилагаю, передать в Главнауку со своей визой.

Я Вам посылаю отчет в четырех отдельных тетрадях – одна охватывает разведки и 3 – раскопки. Не знаю, можно ли дневники раскопок отдать в Главнауку. Ведь у меня, как Вам известно, Открытый лист был на разведки только. Может быть, поэтому раскопочные дневники удобнее задержать до будущего года? Очень прошу Вас поступить так, как Вы сочтете это нужным и удобным.

Посылаю также заявление от меня и музея на Открытый лист. Не откажите поддержать мою просьбу и посодействовать мне в его получении.

Работой своей в Красноярском музее я очень доволен. Отношение с директором¹, а равно и со всеми другими сотрудниками установились самые хорошие. Мне пришлось заново разобрать и привести в систему весь свой отдел, содержащий большие коллекции, но в полном беспорядке в отношении их классификации. Пришлось все время очень много читать и работать, но зато все время испытывал огромное удовлетворение и, как мне кажется, с работой справляюсь. Сейчас сижу главным образом над поздними кочевническими культурами. Работаю над типологическим их описанием, а также усиленно подбираю материал к составлению археологической карты, хотя бы пока вчерне. Много встречается трудностей, но пока преодолеваю их.

Посланный мною отчет является дневником, я его еще окончательно не проработал, и все выводы и датировку, которую я даю, надо считать предварительными, и Вы меня за них не очень ругайте, т. к. я еще недостаточно подобрал материал. Очень, еще раз, прошу дать соответствующие указания и направить меня.

Я надеюсь в январе выбраться в Москву на некоторое время, и чтобы поработать и побеседовать с Вами обо всем подробно, а также уладить свои университетские дела, где, как Вы, наверное, слышали, мне хотят дать отпуск.

¹ Соболев Александр Николаевич (1888–1930) – заведующий геологическим отделом, помощник консерватора, 1926–1930 гг. – директор Музея Приенисейского края в Красноярске.

В общем, надеюсь, скоро увидимся. Привет Мстиславу Васильевичу, хотя я вкладываю и ему несколько слов.

Преданный Вам В. Карцов

ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 406. Л. 15–16.

№ 3

Красноярск

9-V-29

Дорогой Василий Алексеевич!

Простите, что так долго не писал Вам. Приближается лето, и я горю нетерпением опять скорее приняться за полевые работы и уже надеюсь в этом году, учтя все Ваши замечания, не повторять прошлогодних ошибок.

Намечаю я в первую очередь продолжение исследования городищ, а именно Частоостровского городища близ Красноярска и Мелецкого близ Ачинска. Оба они, видимо, того же типа, что и раскопанные мною в прошлом году. Кроме того, надеюсь захватить несколько дюнных стоянок под Красноярском, а если хватит средств, то и несколько курганов.

Главное внимание свое, таким образом, я думаю, как и в прошлом году, обратить на бытовые памятники, почти совершенно здесь не исследованные. Но больше всего меня по-прежнему влечет неометалл.

Еще неокончательно выяснен вопрос со средствами, но во всяком случае хоть немного, но они будут. Частично дает Красноярск, частично – Ачинск. Трудностей работы я не боюсь и, что при известной экономии, можно работать и с небольшими деньгами.

Очень прошу Вас, дорогой Василий Алексеевич, не отказать мне в своем благословении на эти работы. Начать их хотелось бы уже в июне, т.к. мне надо торопиться, чтобы закончить их к августу, когда, наконец, наш музей собирается перебраться в новое свое здание.

Все это время приходилось усиленно работать, сворачивать коллекции, упаковывать их и т. п. Это поглощает много времени, т. к. я тороплюсь закончить работу эту к июню.

Начал сейчас и вылазки за город на разведки с организованным мною еще осенью из учащихся 2 ступени археологическим кружком. Из-за всего этого сравнительно мало времени остается на занятия. Правда, я с ними справляюсь, но, откровенно гово-

ря, чувствую, что это тяжело. Правда, эта загрузка сейчас у меня временная, именно в связи с упаковкой отдела к переезду, и с осени будет опять много спокойнее.

Ну вот и все мои новости. Из писем наших студентов знаю, что вы все собираетесь летом в Муром и Супонево¹. Как жалко, что нельзя побывать там с Вами, со всеми нашими, да ничего не сделаешь.

Так благословите, Василий Алексеевич, и меня на летнюю «страду»!

Привет Мстиславу Васильевичу.

Пока всего, всего лучшего.

Искренне преданный Вам В. Карцов

ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 406. Л. 18–19.

№ 4

Красноярск

28-VIII-29

Дорогой Василий Алексеевич!

Посылаю с едущим от меня [Д. А.] Крайновым (неразборчиво, возможно, Е. И. Крупновым². – Авторы) это письмо, надеюсь, что теперь уже он застанет Вас в Москве.

Очень благодарю Вас за хлопоты по получению для меня Открытого листа. Хотя таковой мною был получен только на разведки, но Крупнов мне передал, что Вы лично благословляете меня копать, а это, конечно, для меня самое главное, и я отважился работать без формального Открытого листа.

Уже в этом году мне удалось получить 135 рублей, сумму, правда, маленькую, но все же дающую возможность работать.

Занимаюсь я сейчас главным образом палеометаллом.

За это лето мне удалось раскопать два небольших городища, а также обследовать довольно значительное количество стоянок и курганов. Удалось также попасть

¹ Древняя стоянка, которую в 1928–1933 гг. исследовал В. А. Городцов. В раскопках принимали участие студенты и аспиранты исторического факультета МГУ [Чубур, 2005].

² Крайнов Дмитрий Александрович (1904–1998) – советский археолог, ученик В. А. Городцова. В 1925–1929 гг. – студент историко-археологического отделения этнологического факультета МГУ, затем сотрудник ГИМ. Близкий друг В. Г. Карцова. (См. подробнее: [Костылева, Уткин, 1999; Костылева, Уткин, Энговатова, 2005]).

Крупнов Евгений Игнатьевич (1904–1970) – советский археолог, ученик В. А. Городцова. В 1927 г. поступил на историко-археологическое отделение исторического факультета МГУ. С 1929 г. – научный сотрудник ГИМ [Мунчаев, 2004 а, б].

на могильник, где пока я раскопал одно погребение и надеюсь его исследовать на будущий год уже детально.

В общем проведенной работой очень доволен.

Дневники, отчет надеюсь скоро выслать. Вот не знаю, Василий Алексеевич, как мне быть с отчетом перед Главнаукой. Ведь в раскопках у меня не было официального Открытого листа, я перед ней отчитываться не могу.

Должен ли я туда написать только отчет о разведках, а о раскопках пока, до будущего года, умолчать? Этот вопрос очень меня волнует и очень прошу Вас не отказать мне в указании как быть.

Вообще своим положением в музее я очень доволен. Отношение ко мне прекрасное, и все, кажется, мной и моей работой довольны.

С Н. К. Ауэрбахом у меня тоже установились самые хорошие отношения. Работать, правда, приходится очень много, но работаю я с большим интересом и с делом справляюсь.

В Москву сдать зачеты думаю приехать весной, хотя, может быть, и удастся как-нибудь вырваться в отпуск и в зимнюю сессию.

Что поделявает Мстислав Васильевич? Очень прошу передать ему мой привет.

Преданный Вам В. Карцов

ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 406. Л. 21–22.

№ 5

Красноярск

30-X-29

Простите, дорогой Василий Алексеевич, что так долго не писал Вам. Летние работы уже довольно давно кончились, а я только сейчас собрался поделиться с Вами их результатами. Весной мне удалось получить достаточное количество средств на раскопки и разведки. Продолжая прошлогодние работы, я закончил обследованием весь Красноярский район, учтя все памятники. Нашел целый ряд новых стоянок и курганов. Копал под Красноярском две стоянки – Усть-Собакинскую¹ и Есауловскую² – и один большой курган с коллективным погребением и обрядом сожжения, [который] отно-

¹ Усть-Собакинская стоянка – многослойный памятник в окрестностях Красноярска с культурными горизонтами неолита-средневековья. (См. подробнее: [Максименков, 1966].)

² Есауловская стоянка раннего железного века. (См. подробнее: [Карцов, 1929б, с. 7, 8].)

сится к последней стадии тагарской культуры, содержавшей много интересных сосудов, среди которых преобладали кубовидные и миниатюрные бронзовые поделки.

Курган этот расположен рядом со стоянкой Есауловской, которая оказалась принадлежащей этой же культуре. Здесь интересно нахождение, помимо типичных бронзовых орудий и тагарской керамики, изделий из камня – наконечников стрел и скребков.

Усть-Собакинская стоянка принадлежит другой местной культуре. Культурный слой ее очень толстый (80 см), и в нем удалось прекрасно проследить по горизонтам эволюцию культуры.

Раскопки здесь подтвердили мысль [Н. К.] Ауэрбаха, что изделия из камня были здесь широко распространены вместе с железными. Между прочим, интересно, что удалось проследить момент приручения животных.

По определению В. И. Громова¹ в нижнем горизонте попадаются кости только дикой фауны, а выше появляется овца, затем свинья домашняя, корова и позже лошадь. Совместно с железом сохраняются очень архаичные каменные орудия. Я отношу эту стоянку к пережиточной местной культуре, синхронной времени от карасука до первых столетий н. э.

В Ачинском округе на средства Ачинского музея я раскопал одно городище и ряд курганов. Последние относятся к типичным тагарским (I и II ст.) погребениям, но содержали и некоторые оригинальные типы, особенно в керамике.

Ачинское городище² тождественно моим прошлогодним Ладейскому и Ермолаевскому. Оно дало огромный керамический материал и особенно порядочное количество изделий из кости.

Ну, Василий Алексеевич, на этот раз постарался, учтя Ваши замечания, устранить свои прошлогодние промахи и надеюсь: вы меня будете бранить меньше. Скоро вышлю Вам подробный отчет.

Сейчас наш музей издает мою работу «Материалы по археологии Красноярского района»³, заключающую описание коллекций и опыт их систематизации. Материал

¹ Гро́мов Валериан Иннокентьевич (1896–1978), выдающийся советский геолог и палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук (1949), профессор (1963), заслуженный деятель науки России (1962), лауреат Государственной премии СССР (1950). В окрестностях Красноярска совместно с археологами изучал геологию и фауну стоянок Афонтова гора, Бирюса, Усть-Собакино и других памятников древнего человека. (См. подробнее о красноярском периоде деятельности В. И. Громова: [К столетию В. И. Громова..., 1997; В. И. Громова. Красноярские истоки..., 2003; Акимова, Вдовин, Чеха, 2006].

² [Карцов, 1932].

³ [Карцов, 19296].

для нее у меня был готов, но издавать ее пришлось так спешно и неожиданно (по финансовым соображениям в связи с концом бюджетного года), что, к сожалению, я не смог послать Вам на просмотр рукопись, а мне это очень хотелось. Очень жаль, т.к. боюсь, естественно, за свои ляпсусы. Все-таки трудно работать так далеко от всего археологического мира.

Ну, пока, всего хорошего. Как Ваше здоровье и работа? Зимой надеюсь приехать опять в Москву. Привет Мстиславу Васильевичу и всем.

Преданный Вам В. Карцов

ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 406. Л. 23–24.

№ 6

Красноярск

8-XII-29

Дорогой Василий Алексеевич!

Уже в прошлом своем письме с сообщением о результатах своих летних работ я писал Вам о том, что тяжело мне стало теперь быть оторванным совершенно от Вас и всего археологического мира, как трудно работать совершенно одному без всяких советов и возможности общаться с другими археологами, при недостаточном количестве здесь научной литературы.

Обдумав и взвесив все эти доводы, а равно и другие, о которых уже писал, наконец, я пришел к окончательному убеждению о необходимости выбраться из Красноярска и продолжить свои занятия под Вашим руководством в Москве. С этой просьбой и хочу обратиться к Вам, опять мечтая о РАНИОНе¹.

Как смотрите Вы на это? Что посоветуете мне делать? За время своего пребывания в Красноярске я, как Вы знаете, все время продолжал свои археологические занятия и думаю, что не отстал в отношении от своих сотоварищей.

Необходимые для РАНИОНа политзнания я мог бы пополнить, усиленно занявшись работой над ними к осени. Конечно, вся подготовка к РАНИОНу требует большого труда, но надеюсь с ней справиться и дерзнуть. Как мне известно, формальный университетский диплом там необязателен. Конечно, вероятно, ко мне будут только предъявлены большие требования? Да, авось, удастся преодолеть и эти препятствия. Уж очень тяжело быть так далеко, очень хочу опять к Вам.

¹ РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924–1930 гг.).

Не откажите, дорогой Василий Алексеевич, еще раз в совете и поддержке. Как только получу Ваше благословение, сразу примусь за усиленную работу – ведь еще так много надо преодолеть препятствий для осуществления этой цели.

На днях выходит из печати моя работа по археологии Красноярска – сразу пошлю Вам оттиск. Конечно, в ней есть, вероятно, много ляпсусов. Не очень журуйте за них, дорогой Василий Алексеевич, ведь одному трудно избежать их.

Вот еще огромная просьба просмотреть эту работу и написать мне все свои замечания.

Я думаю о ней именно как о вступительной работе для РАНИОНа, но, конечно, учтя все Ваши замечания, углубив ее. Подойдет ли она для этого или надо браться за что-то другое? С огромным нетерпением буду ждать ответа от Вас на это письмо.

Обязательно черкните хоть несколько слов и о себе, и о Мстиславе Васильевиче. Не получая за последнее время писем, я только имею самые туманные слухи о возмутительных событиях, бывших в Историческом Музее. Все это страшно меня взволновало, но до сих пор осталось совершенно непонятным. Судя по газетным известиям о всех событиях и переменах в научных кругах вообще, здесь является представление о буквальной невозможности вести теперь научную работу. Даже и говорить тяжело о всем этом. Да даже и в нашей отдаленной Сибири сейчас начинается та же история. Приходится терпеть, а трудно. Ну, надо кончать письмо. Так не откажите, Василий Алексеевич, в моей просьбе. Привет Мстиславу Васильевичу.

Ваш В. Карцов

ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 406. Л. 26–27.

№ 7

Красноярск

27-IX-30

Простите, дорогой Василий Алексеевич, что так долго не писал Вам.

Как Вы живете, как здоровье?

Мне весной О[бщест]вом изучения Сибири (Н. К. Ауэрбах) было поручено руководство экспедицией в Хакасии, ставящей целью производство раскопок и сбор научных коллекций для экспорта¹.

¹ См. подробнее: [Вдовин, Китова, 2010].

Последнее было очень неприятно, но пришлось эту работу взять на себя, во-первых, потому что при современном положении было неудобно мне, как местному работнику, от нее отказываться, на это у нас посмотрели бы определенно, как на своего рода «вредительство», а во-вторых, и обидно было отказаться, т. к. для работы предоставлялись все возможности, т[ак] что исследования можно было провести действительно хорошо.

Со мной вместе работала В. П. Левашова¹. Мы копали курганы гл. обр. в Хакасии и районе Минусинска. Результаты очень удачны. Добыты большие и новые материалы, гл[авным] образом по тагарской и карасукской культурам. Особенно интересными оказались курганы у Откинського улуса времени перехода от карасука к тагару. Здесь встречен большой процент ценных курганов, без грабежа, давший типы вещей и керамики в одних и тех же погребениях как карасукской, так и ранней тагарской культуры.

В целом коллекции и материалы собраны большие и интересные. Н. К. Ауэрбах с той же экспортной целью копал Афонтову гору и тоже удачно.

Но беда в том, что выполнение этого задания отняло у меня все лето, которое я, как Вы знаете, всецело хотел посвятить подготовке к испытаниям в РАНИОН. Отказаться от экспедиции я не мог, да к тому же и был уверен, что в РАНИОНе меня не допустят к испытаниям, т. к. всем моим товарищам по университету, выдвиженцам в этом было отказано. Только сейчас я получил из РАНИОНа извинение, что меня допускают к испытаниям.

Это одновременно и обрадовало, и опечалило меня. Извинение получено только сегодня, а испытания 1-го, т. е. через несколько дней.

Т[аким] образом, как это ни тяжело и грустно, но в РАНИОН мне вряд ли удастся попасть. Но сейчас же все-таки послал в РАНИОН заявление с просьбой отсрочить мне испытания по марксистскому минимуму до зимы или весны.

Раньше, кажется, иногда давали такие отсрочки. Обращаюсь к Вам, дорогой Василий Алексеевич, еще раз с большой просьбой посодействовать мне в этом отношении и замолвить слово перед соответствующими «главками», чтобы мне были отложены марксистские испытания.

¹ Левашова Варвара Павловна (1901–1974) – археолог, ученица В. А. Городцова. В годы деятельности В. Г. Карцова в Красноярске В. П. Левашова – сотрудник краеведческих музеев в Омске, а с 1929 г. – в Минусинске (См. подробнее: [Китова, 1996; 2007]).

«Работой своей в Красноярском музее я очень доволен». В. Г. Карцов. ...

Простите, что я так часто беспокою Вас своими просьбами, но это приходится делать, т. к. я, сидя так далеко от Москвы, сам для себя ничего не могу делать и даже от своих старых друзей-археологов последнее время совсем редко получаю письма и чувствую, что все меня уже совсем стали забывать, а это так тяжело и грустно. Так не откажите помочь мне еще раз.

Большой привет Мстиславу Васильевичу. Простите за частые беспокойства.

Всегда Ваш В. Карцов

ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 406. Л. 29–30.

№ 8¹

Красноярск

29-VI-28

Глубокоуважаемый m-r Tallgren!²

Работая в области Сибирской археологии (я являюсь заведующим археологическим отделом Гос[ударственного] Музея Приенисейского края, я крайне нуждаюсь в Вашей работе по Ананьинской культуре³, которой здесь не имеется, а равно я не мог ее достать и в Москве.

Большая просьба к Вам, если Вас это не затруднит, выслать мне ее наложенным платежом.

Также разрешите мне в случае надобности обращаться к Вам за справками и сведениями.

Со своей стороны был бы очень рад быть Вам полезным в отношении могущих Вас интересовать сведений по работам, материалам и коллекциям Красноярского музея и его округа.

Простите за беспокойство.

Глубокоуважающий Вас В. Карцов

Адрес: Красноярск. Гос[ударственный] Музей Приенисейского края

Владимиру Геннадиевичу Карцову.

РОБХУ, кол. 230-5

¹ Авторы благодарят С. В. Кузьминых (ИА РАН, г. Москва) за возможность ознакомиться с документом.

² Тальгрэн Арне Михаэль – финский археолог, организовавший в 1915 г. экспедицию в Сибирь для изучения ее древней истории, где он ознакомился с коллекциями Минусинского и Красноярского музеев (См. подробнее: [К истории красноярской археологии..., 2010]).

³ А. М. Тальгрэн подготовил ряд работ по археологии Европейской части России и Сибири в том числе: [Tallgren, 1919].

Список литературы

Акимова Е. В., Вдовин А. С., Чеха В. П. Валерьян Иннокентьевич Громов (1896–1978). Красноярский период // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы XLVI Регион. (II Всеросс.) археолого-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И. Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В. И. Громова. – Красноярск: КГПУ, 2006. – Т. 1. – С. 9–12.

Громов В. И. Красноярские истоки научной деятельности / К. Н. Ауэрбах, А. С. Вдовин, Н. П. Гуляева, Н. П. Макаров, Н. Д. Оводов // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: КГПУ, 2003. – Вып. 2. – С. 35–41.

Вдовин А. С. Археология в Ачинском краеведческом музее в начале XX в. // Древности Приенисейской Сибири. – Вып. 4. – Красноярск: КГПУ, 2005. – С. 153–158.

Вдовин А. С. Поездка В. А. Городцова в Сибирь (1924 г.) // Труды II Всеросс. археолог. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. III. – С. 197–199.

Вдовин А. С., Гуляева Н. П. Деятельность «Новоэкспорта» в Сибири // Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии: материалы науч.-практ. конф.. – Красноярск: ИПЦ «КаСС», 2001. – С. 26–28.

Вдовин А. С., Китова Л. Ю. О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – Красноярск: КГПУ, 2010. – № 2. – С. 171–182.

Вдовин А. С., Кузьминых С. В. «Первобытные древности Сибири меня всегда интересовали»: В. А. Городцов и археология Сибири // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. – Кемерово: КемГУ, 2012. – Вып. 26. – С. 49–54.

Вдовин А. С., Макаров Н. П., Н. К. Ауэрбах и Красноярский отдел Русского географического общества // География, история и геоэкология на службе науки и инновационного образования: материалы Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвященной Всемирному дню Земли и 75-летию кафедры физической географии и геоэкологии. – Красноярск: КГПУ, 2012. – Вып. 7. – С. 192–195.

Вдовин А. С., Макаров Н. П., Гуляева Н. П. В. А. Городцов и формирование сибирской школы археологии // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: сб. докл. междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента Российской академии наук Сергея Владимировича Киселева. – Красноярск: КГПУ, 2005. – С. 235–237.

Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепции истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). – Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2005. – 800 с.

К истории красноярской археологии: международные связи / А. С. Вдовин, Е. В. Детлова, С. В. Кузьминых, Н. П. Макаров // Енисейская провинция. – Красноярск: Литера-Принт, 2010. – Вып. 5. – С. 106–119.

К столетию В. И. Громова (материалы к биографии) / К. Н. Ауэрбах, А. С. Вдовин, Н. П. Гуляева, Н. П. Макаров, Н. Д. Оводов // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. – С. 4–7.

Карцов В. Г. Ачинское городище // Сборник трудов Причулымского музея. – Ачинск, 1932. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 45–49.

Карцов В. Г. К вопросу экспозиции археологических материалов в краеведческих музеях // Советский музей. – 1931. – № 6. – С. 71–75.

Карцов В. Г. К материалам по составлению археологической карты Московской губернии // Сборник научно-археологического кружка МГУ. – М., 1928. – С. 9–11.

Карцов В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища // Труды археологической секции РАНИОН. – М., 1929а. – Т. IV. – С. 559–567.

Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. – Красноярск, 1929б. – 53 с.

Китова Л. Ю. В. П. Левашова как археолог Сибири [30–40 гг.] // Археология Сибири: Историография и источники. – Омск, 1996. – С. 96–104.

Китова Л. Ю. История Сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 272 с.

Костылева Е. Л., Уткин А. В. Памяти Дмитрия Александровича Крайнова (1904–1908) // РА. – 1999. – № 4. – С. 245–246.

Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В. К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // РА. – 2005. – № 1. – С. 188–190.

Макаров Н. П. В. Г. Карцов как археолог // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова: тез. докл. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1992. – Ч. 1. – С. 29–31.

Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – С. 131–189.

Макаров Н. П. Ранний железный век Средней Сибири // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. – Казань: Изд-во «Отечество», 2014. – Вып. 20. Сер. Археология евразийских степей. – С. 437–454.

Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005. – С. 149–171.

Макаров Н. П., Вдовин А. С. В. Г. Карцов (1904–1977) – исследователь древностей Красноярского края // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: Литера-Принт, 2010. – Вып. 5. – С. 138–144.

Макаров Н. П., Вдовин А. С., Баташев М. С. Археолого-этнографическая коллекция В. А. Данилова в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Вестник Томского государственного университета. История. – Томск: ТГУ, 2013а. – № 2 (22). – С. 188–191.

Макаров Н. П., Вдовин А. С., Баташев М. С. В. А. Данилов и его археолого-этнографическая коллекция // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. – Томск: ТГУ, 2013б. – Вып. 3. – С. 72–81.

Максименков Г. А. Усть-Собакинская стоянка и ее значение для изучения древней истории района Красноярска // Древняя Сибирь. Сибирский археологический сборник. – Новосибирск, 1966. – Вып. 2. – С. 77–83.

Мандрыка П. В. Поселение Ладейское 2 – новый памятник тагарской культуры в черте города Красноярска (к вопросу о времени существования тагарской культуры в Красноярской лесостепи) // Сибирский межмузейный сборник. – Красноярск: КККМ, 1998. – С. 61–71.

Мунчаев Р. М. Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970) // Портреты историков: Время и судьбы. – М.: Наука, 2004а. – Т. 3. – С. 126–144.

Мунчаев Р. М. Евгений Игнатьевич Крупнов: к столетию со дня рождения // РА. – № 1. – 2004б. – С. 5–14.

Первый период научной деятельности (1918–1923 гг.) / К. Н. Ауэрбах, А. С. Вдовин, Н. П. Макаров, Н. П. Щербакова // Межмузейный сборник. – Красноярск: КККМ, 1998. – С. 52–60.

Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. – № I. – 1957. – С. 26–55.

Сборник научно-археологического кружка МГУ. – М., 1928. – С. 9–11.

Смирнов А. П. М. В. Городцов: [Некролог] // СА. – 1969. – № 4. – С. 320.

«Работой своей в Красноярском музее я очень доволен». В. Г. Карцов. ...

Фокин С. М. Средневековые материалы Ладейского и Ермолаевского городищ // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. – Томск: Аграф-Пресс, 2009. – С. 124–130.

Чубур А. А. Деснянский палеолит: проблемы истории исследований, историографии и источниковедения. – М.: РГСУ, 2005. – 116 с.

Tallgren A.M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale // SMYA. – 1919. – Т. 31:1.

НИКОЛАЙ СПАФАРИЙ НА ЕНИСЕЕ

Имя молдавского ученого и дипломата Николая Гавриловича Спафария (Николае Спэтарул Милеску, Milescu) известно каждому образованному человеку. В археологической литературе он упоминается как один из первых информаторов о наскальных рисунках, сообщение о которых он получил (услышал) в Енисейске во время своего путешествия в 1675–1678 гг. с русским посольством в Пекин. По материалам своего дорожного дневника он дал описание населенных пунктов, рек и природных объектов в Сибири. И именно в книге «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году» он приводит упоминание об этих петроглифах, которое породило в нашей литературе дискуссию о месте их размещения.

Новосибирский археолог Ю. Г. Белокобыльский [1986, с. 9] в историографическом обзоре высказал мнение, что они «размещались южнее Красноярска».

Развернутую аргументацию возможного местоположения этих петроглифов в нижней части Саянского каньо-

на в верхнем течении Енисея приводит М. А. Дэвлет [1996, с. 6–7].

Красноярский археолог А. Л. Заика настойчиво предлагает искать упомянутые Н. Спафарием петроглифы на Енисее на участке выше устья Ангары до Казачинского порога [Заика, 2005, с. 130, 132, 134; он же, 2011; он же, 2013, с. 7–10].

Главные его аргументы заключаются в том, что Н. Спафарий проезжал вверх по Енисею два дня и «мог преодолеть при самых благоприятных обстоятельствах только половину пути между Енисейском и Красноярском» [Заика, 2013, с. 8]. За эти два дня Спафарий мог подниматься по Енисею выше устья Ангары не далее Казачьего Луга [Там же, с. 8]. Сведения о петроглифах Н. Спафарий мог получить только от местных жителей Енисейского уезда [Там же, с. 9].

Последнее мнение имеет, конечно, право на существование, но оно слабо аргументировано. Очевидно, автор недостаточно хорошо поработал с первоисточником, а использовал информацию из аналитических источников, со-

держащих ссылку на сочинение Н. Спафария [например, Лебедев, 1949, с. 131, 138; Окладников, 1966, с. 6].

Не домысливая за Н. Спафария и не приписывая сведений, о которых он якобы умолчал или которые упустил, используя первоисточник¹, можно проследить весь путь путешественника по Енисею и определить тот возможный «территориальный интервал» размещения упоминаемых петроглифов в долине Енисея.

Итак, описание своего путешествия от Енисейска по Енисею и далее по Тунгуске (Ангаре) Н. Спафарий приводит во второй части своего произведения, названного «Книга, а в ней написано путешествие царства Сибирского». «А описание реки Енисея не напишем (в источнике сноска на примечание 7-е: «Верхнее течение р. Енисея по русским известиям XVI века». — П.М.) подлинно для того, что по Енисею реке из Енисейску только 2 дни плавали. А после того плаваем по Тунгуске и до самого Байкала. А не пишем про Енисей и для того,

что вершина той реки не известна, откуда начинается; только сказывают, что вершины ее недалеко от обских» [Спафарий, 1675, с. 86].

По Енисею он проехал не сухопутным путем, а рекой, и это путешествие составило почти двое суток: вечер первого дня, один полный второй день и почти целый световой день третьих суток. Они подробно описаны у Н. Спафария, и по ним мной была составлена карта его продвижения по Енисею (рис. 1). Первый день: «Из Енисейска поехали июля в 18-й день к вечеру». Далее описываются населенные пункты и местности, которые он видел до деревни Монастырская [Там же, с. 88]. Второй день «Июля в 19-й день» начинается с описания места размещения деревни Потаповская [Там же, с. 89]. Путешествие третьего дня «Июля в 20-й день» начинается с деревни Колесникова, с версту от речки Рудиковки [Там же, с. 90]. К началу 4-го дня путешествия Спафарий добрался до Стрелковского порога на Ангаре. «Июля в 21-й день. Приехали на Стрелочной порог» [Там же, с. 91]. Далее его путешествие продолжилось уже вверх по Ангаре.

Как видим, Спафарий двигался по Енисею только до устья Ангары и осмотр Енисея выше устья Ангары он не проводил.

¹ За основу первоисточника взят текст, который воспроизведен по изданию: Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки русского географического общества по отделению этнографии. Т. X. Вып. 1. СПб., 1882. Опубликовано на сайте Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. Адрес сайта и публикации: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Spapharij/text2.phtml?id=1756>

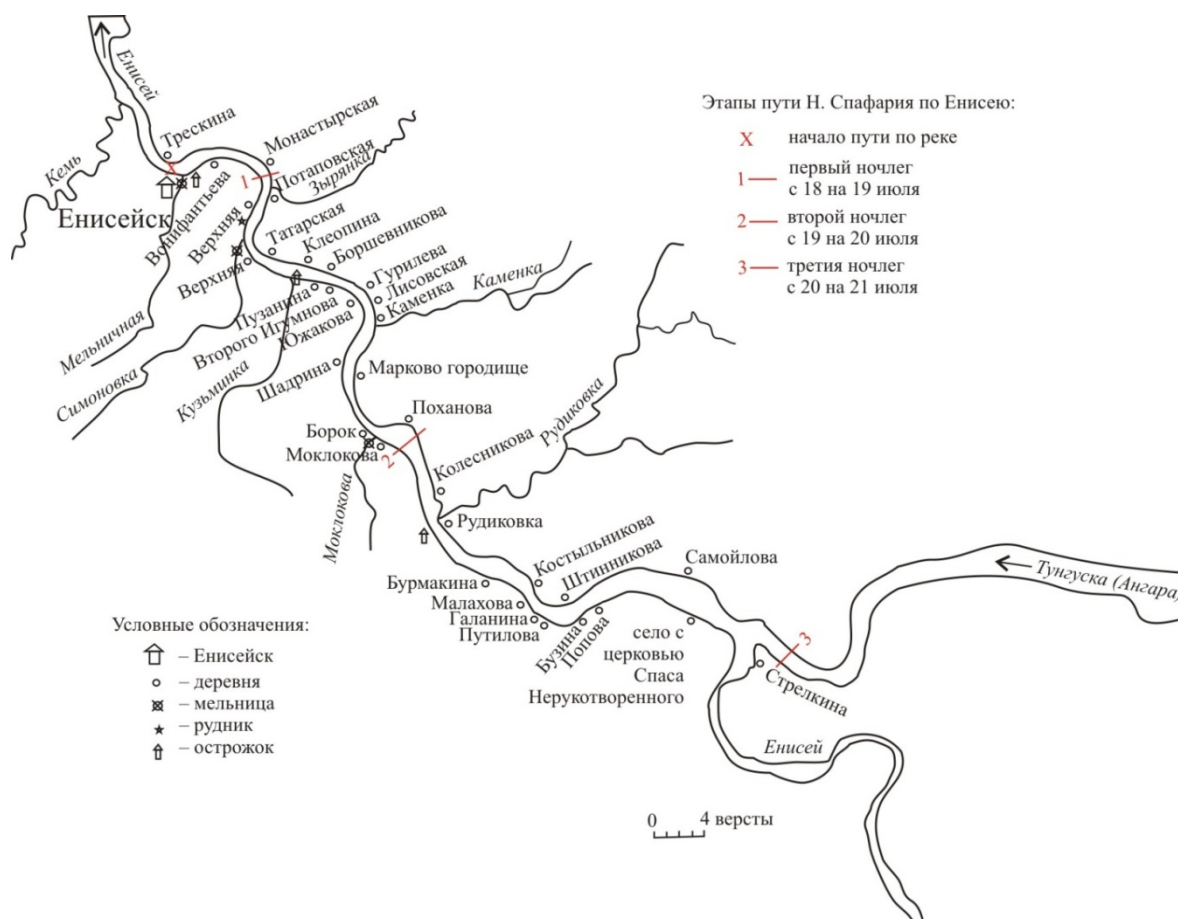

Рис. 1. Путь Н. Спафария по Енисею

Поэтому сведения о наскальных рисунках он мог получить только со слов, причем даже не от очевидца, видевшего петроглифы, а со слухов. При этом этот информатор не обязательно должен был быть местным жителем Енисейского уезда, им мог быть кто угодно, в том числе и человек из Красноярского уезда.

Во время своего путешествия Н. Спафарий вообще старается «не придумывать» описание того, чего сам не видел, а если упоминает о каких-то слухах или сведениях от информаторов, то указывает на это прямо. Важно отметить, что

в описании всего путешествия «русский посланник» соблюдает логическую последовательность, очередность увиденного, им приводятся географические сведения от пункта А до пункта Б на всем пути следования посольства от Москвы до Пекина. И даже упоминаемые устные сведения выстроены в такую же «географическую последовательность». Например, сведения о Енисее сначала он приводит для верховья реки от Енисейска [Там же, с. 86–87], а потом для нижнего течения до устья [Там же, с. 87–88].

«А с Енисейского острогу до Красноярского ходят сухим путем

10 дней, а водою вверх 3 недели, все меж русских деревень хлебородных. А из Красного яру далеко еще ходят вверх по Енисею реке» [Там же, с. 86]. Именно в этом абзаце описания своего путешествия он упоминает о наскальных рисунках. «И в Красноярском уезде множество деревень есть и служилых людей с 1000, только всегда опасно от Киргыз: их человек с 1000, только гораздо воисты, и язык и вера их татарская. А ходят красноярские по Енисею по хмель, потому что много родится по островам. А до большого порогу не доезжая есть место, утес каменный по Енисею. На том утесе есть вырезано на камне неведомо какое письмо и меж письмом есть и кресты вырезаны, также и люди вырезаны, и в руках у них булавы, и иные многие такие дела. Как сказывают, что в том камне вырезаны на пустом месте. А никто не ведает, что писано и от кого. И за тем местом начинается страшный порог по Енисею, по котором никто не смеет ходить на судах, потому что утесы высокие по обеим сторонам стоят. Только ходят дорогою и обходят тот порог по 5 дней, потому что столько места держит тот порог. А ходят они за порог по хмель на острова. А далее того Русские люди не ходят» [Там же, с. 86–87].

Приведенное описание четко указывает, что наскальные рисунки находятся за Красноярском, выше по тече-

нию Енисея до «большого порога не доезжая». Причем сразу перед порогом – «и за тем местом начинается страшный порог по Енисею».

Что за порог? Упоминания о «большом пороге» на Енисее, Спафарий пишет, что он «страшный», никто по нему не ходит на судах, т. к. по обоим берегам утесы высокие стоят. Обходят порог сушей, и этот переход занимает 5 дней, так как он протяженный. Путь этого обхода достаточно большой, и можно предположить, что несколько десятков километров.

Можно ли под такое описание подвести Казачинский порог на Енисее? Конечно же, нет. Казачинский порог на Енисее не выступал серьезным препятствием для движения русских судов. Он представляет определенную опасность для современного судоходства, так как имеет быстрое (до 18 км в час) и свальное течение на подводные камни. Плоскодонные кочи относительно спокойно могли подниматься бичевой против течения, так как левый берег в створе порога проходим. Да и протяженность Казачинского порога даже с учетом верхнего и нижнего слива составляет чуть более 5 км. Любой путешественник мог обойти его за пару часов, а лучше объехать за час, так как между Надпорожинской и Подпорожинской слободами существовала дорога.

Таким образом, приведенный фактический материал показывает, что упоминаемые Н. Спафарием петроглифы не могли находиться на участке Енисея между Енисейском и Казачинским поро-

гом. Следует согласиться с точкой зрения Ю. Г. Белокобыльского [1986, с. 9] и М. А. Дэвлет [1996], что они находились южнее Красноярска и, возможно, в нижней части Саянского каньона.

Список литературы

Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 168 с.

Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея: история изучения (XVIII – начало XX вв.). – М.: Координационно-метод. центр приклад. этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 1996. – 249 с.

Заика А. Л. История изучения петроглифов Нижней Ангары // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: КГПУ, 2005. – Вып. 4. – С. 127–147.

Заика А. Л. Николай Спафарий и петроглифы Енисея // Енисейский Север: история и современность: к 50-летию кандидата исторических наук Буланкова Василия Валерьевича: сб. науч. тр. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2011. – Вып. 1. – С. 16–25.

Заика А. Л. Личины Нижней Ангары. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2013. – 178 с.

Лебедев Д. М. География в России XVII века (допетровской эпохи). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 232 с.

Окладников А. П. Петроглифы Ангары. – М.-Л.: Наука, 1966. – 322 с.

Спафарий Н. 1675. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1882. – Т. X. – Вып. 1. – 214 с.

Ю. А. Титова¹, П. В. Мандрыка¹, Е. В. Титов²

¹Сибирский федеральный университет

²Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. М. Ф. Решетнева

**ОПЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ
НА ОБЪЕКТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
«ТВОРОГОВО. СТОЯНКА КРАСНОЕ КОЛЬЦО»
В ЕМЕЛЬЯНОВСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

В новом «Положении о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» № 85 от 27 ноября 2013 г. в видах археологических полевых работ появилась новая форма – «археологические наблюдения». Цель данной статьи – представить результаты работ по проведению научных археологических исследований на поврежденном участке объекта археологического наследия (ОАН). Объектом изучения стал ОАН «Творогово. Стоянка Красное кольцо» в Емельяновском районе Красноярского края, работы на котором проводились авторами в июле – августе 2014 г. Территория памятника попадала в зону строительства объекта дорожного сервиса (станции технического обслуживания), поэтому работы носили характер охранных.

ОАН «Творогово. Стоянка Красное кольцо» был выявлен в 2013 г. сотруд-

ником ООО «Красноярская геоархеология» Д. Н. Лысенко. Им были предложены условные границы объекта по пунктам сбора подъемного археологического материала с учетом рельефа. По собранным фрагментам керамики памятник был датирован тагарским временем (V–II вв. до н. э.). На объект была составлена учетная карта. Земляных археологических вскрытий автором открытия не производилось, поэтому характеристика культурного слоя и степень его сохранности не были исследованы.

Стоянка Красное кольцо расположена на правом берегу р. Качи, в 660 м западнее русла реки, в 745 м к западу от д. Творогово, на надпойменной 3–5-метровой террасе.

К началу нашего обследования северный сектор стоянки, который попадал в зону отвода под строительство, был практически полностью (за исключением северной и северо-восточной части

участка, расположенного в пойменной части р. Качи) разрыт землеройной техникой (по словам опрошенных местных жителей – грейдером). Визуальный осмотр площадки показал, что почвенный покров на ней практически везде поврежден, а местами снят до уровня залегания бурых суглинков (материка). При этом, как показали последующие работы, плодородная почва, содержащая артефакты и являющаяся разрушенным культурным слоем, частично перемещена на склоны террасы.

Первоначально была поставлена задача выявления участков с сохранившимся культурным слоем и определения их границ распространения. Для этого производился поиск подъемного археологического материала на дневной поверхности, в кучах отвалов, на склоне террасы. Для фиксации мест находок и разметки археологических вскрытий отводимая площадка была разделена на квадратные участки размером 5×5 м, которым присваивались порядковые номера от 1 до 1 024.

В результате проведенного осмотра было установлено, что концентрация археологического материала на объекте сравнительно низкая. Вместе с тем отмечено распространение материала по всему участку со спланированной поверхностью. В 19 пунктах был проведен сбор материала (57 предметов), зале-

гающего разрозненно, отдельными предметами, за исключением единичного скопления обломков стенок керамического сосуда. Отмечены фрагменты керамики с оттисками гребенчатого штампа, небольшие фрагменты черепков без орнамента, фрагмент придонной части плоскодонного сосуда, обломок нижней части каменного тесловидного орудия, каменный скребок, каменная пластина и отщепы, неопределимые фрагменты костей животных (рис. 1 – 1–3, 8).

После сбора подъемного материала на стоянке было выполнено 12 археологических вскрытий (шурфов), размерами 2×2 м. Они размещались как на изрытой площадке, так и за ее пределами. Шурфы № 1, 8 и 12 показали стратиграфическую ситуацию на участках, где сохранялись покровные отложения (сверху-вниз, мощность):

0–5 см – дерновый слой супесчаный, плотный, влажный, корни растений, с включениями ниже лежащего слоя;

5–30 см – пахотный слой гумусированной, плотной, влажной, черной супеси. К этой почве приурочен культурный слой;

30–210 см – слой бурого суглинка, плотный, влажный, местами карбонатизированный, является «материком» для ОАН;

10–20 см – слой серой, влажной, плотной, слоистой глины.

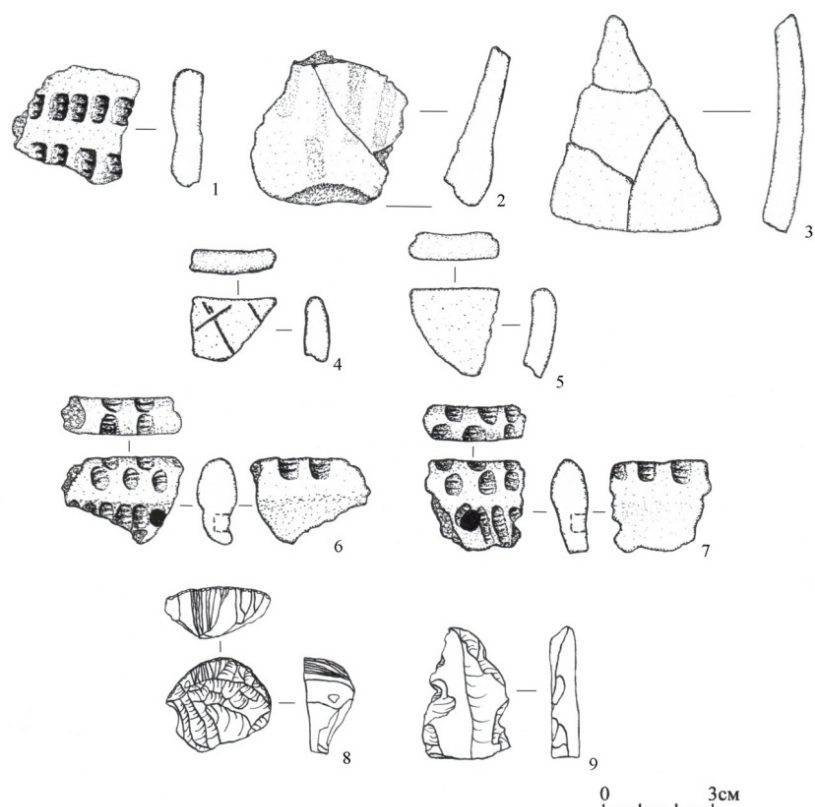

Рис. 1. Археологический материал с ОАН «Творогово. Стоянка Красное кольцо»: 1–7 – керамика; 8 – каменный скребок; 9 – каменный пластинчатый скол с ретушью

Ниже отложения не вскрывались.

Археологический материал (14 предметов) был зафиксирован только в двух шурфах. В шурфе № 1, в слое пашни, на глубине 25 см найдено каменное орудие на пластинчатом отщепе с тремя выемками (рис. 1 – 9). На том же уровне зафиксированы осколки битого стекла и речной галечник, возможно, с насыпи дороги.

В шурфе № 10, выполненном на месте скопления материала, также в слое пашни, на разных глубинах до 20 см отмечены фрагменты керамики с тонкими прочерченными пересекающимися линиями, черепки без орнамента, каменный

отщеп, обломки трубчатой кости и сустава животного и ряд неопределимых расколотых костей, некоторые из которых кальцинированы (рис. 1 – 4, 5). В этом же слое залегали колотые и целые речные гальки из дорожной отсыпки.

Рекогносцировочные вскрытия показали, что археологический материал приурочен к распаханному слою подерновой черной, супесчаной, гумусированной почвы, залегает в переотложенном виде вместе с обломками стекла и гравия. Культурный слой ранее распахи- вался, а позднее зачисткой грейдером был разрушен практически на всем отводимом участке. Вместе с тем в районе

шурфа № 10 сохранился участок с переложенным культурным слоем. Для его изучения здесь был заложен раскоп общей площадью 75 м². В центральной части раскопа на глубине от 0 до 14 см были найдены фрагменты керамики с зубчатыми отрисками, с пересекающимися прочерченными линиями, с гладкой поверхностью, а также каменные сколы, фрагменты зубов и костей животных (рис. 1 – 6, 7).

Остальная площадь отводимой территории с переложенным и разрушенным культурным слоем для поиска возможно сохранившихся объектов, углубленных в «материк», разбиралась с применением землеройной техники. Зачистка «по материка» проводилась полосами, на ширину ковша грейдера (3,2 м), послойно, по 5 см. Работа техники контролировалась, сдвигаемый грунт просматривался, и после каждой линии «зачистки» по борту траншеи фиксировалась стратиграфическая ситуация. Мощность снятия рыхлых отложений составляла 25–40 см, под ними углубленных в материк археологических объектов обнаружено не было.

Проведенное изучение ОАН «Творогово. Стоянка Красное кольцо» позволило:

- расширить границы памятника за пределы отводимого под строительство земельного участка;

- установить разрушение и уничтожение культурного слоя на всем памятнике сначала сельскохозяйственной распашкой, затем на отводимой площадке зачисткой землеройной техникой до начала наших работ;

- изучить раскопом сохранившийся участок переложенного культурного слоя, изъять из него рассеянные артефакты;

- зафиксировать отсутствие углубленных в материк археологических объектов;

- уточнить датировку разрушенного культурного слоя в интервале от неолита до раннего железного века. Основанием этого выступают неолитического облика каменные концевой скребок с высоким лезвием (из сборов), керамика бронзового века (?) со следами заглаживания поверхности гребенкой и украшенная рядами гребенчатых отрисков, дополненных поясом ямок под венчиком (из раскопа), а также фрагменты венчиков сосудов тагарской культуры с гладкими залощенными стенками и украшенные прочерченными линиями, строящимися «ромбической сеткой» (из раскопа и сборов).

По итогам проведенных работ на изменивший свою территорию ОАН «Творогово. Стоянка Красное кольцо» была составлена и передана в министерство культуры новая учетная карта.

Список литературы

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации: утв. постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук № 85 от 27 ноября 2013 г. – М., 2013.

Е. В. Акимова^{1,2}, В. М. Харевич¹, И. В. Стасюк^{1,2},
И. А. Орешников², Е. А. Томилова^{1,2}, Д. А. Гурулев³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,

²Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

³Сибирский федеральный университет

НОВЫЕ СТОЯНКИ КАМЕННОГО ВЕКА В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА*

Уничтожение археологических памятников в береговых зонах водохранилищ крупных рек является объективным процессом, предотвратить который силами археологов невозможно. Любые спасательные работы на стадии строительства ГЭС затрагивают только ничтожную часть памятников. Подлинный масштаб бедствия можно оценить только после разлива водохранилища. Отсутствие государственной программы спасения национального достояния в зонах водохранилищ лишает возможности контролировать скорость и степень разрушения памятников археологии, направлять силы специалистов на спасение наиболее ценных объектов. Полумерами в данной ситуации являются регулярные разведочные работы, в процессе которых осуществляется сплошное обследование берегов водохранилища, выявляются новые памятники и

оценивается состояние уже известных, определяются их научная значимость и перспективы стационарного изучения, корректируется археологическая карта территории.

В течение 50 лет после заполнения ложа водохранилища Красноярской ГЭС разведочные работы предпринимались многократно в основном силами специалистов из Красноярска и Ленинграда (Санкт-Петербурга), и нередко по собственной инициативе и без необходимого финансирования. Соответственно выбор маршрута во многом обуславливался интересами и возможностями исследователей. В результате наиболее изученной сегодня является центральная часть водохранилища в границах Новоселовского района, наименее – северная таежная часть (территория Балахтинского района и окрестностей Дивногорска выше створа плотины ГЭС). Одним из последствий такого подхода стало также то, что не все материалы введены в научный оборот в должном объеме.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Самая полная сводка результатов полевых исследований на палеолитических объектах Красноярского водохранилища выполнена сотрудниками ЛОИА АН СССР (теперь ИИМК РАН) в конце 1980-х гг. [Палеолит Енисея, 1991]. Позже информация о новых памятниках была представлена в монографиях Н. Ф. Лисицына в 1999 и 2000 гг. В 1990–2000 гг. появляются публикации, путеводители и монографии по позднепалеолитическим памятникам Куртаского археологического района [Четвертичная история..., 2000; Хроностратиграфия..., 1990; Археология..., 1992]. В 2000-е гг. опубликована значительная часть материалов по палеолиту Дербинского залива [Изучение палеолита Дербинского залива..., 2013].

В 2014 г. отрядом в составе сотрудников ИАЭТ СО РАН и КГПУ им. В. П. Астафьева был проведен цикл разведочных работ в северной и центральной зонах Красноярского водохранилища (рис. 1). В июне был пройден маршрут по воде на моторном катамаране от Шумихи (плотины ГЭС) до устья залива Огур по левому берегу и от устья залива Убей до залива Черемушки по правому. В сентябре проведена автомобильная разведка по маршруту Дивный – Черемушки – Первомайск. Относительно низкий уровень воды в начале и конце лета дал возможность обеспе-

чить доступ к максимальному количеству объектов.

Участок нижней части Красноярского водохранилища – от плотины до залива Огур – протяженностью 68 км, расположен в узком каньоне шириной до 1,5 км, где Енисей прорезает Красноярский кряж Восточного Саяна. По левому берегу (Курбатово-Сырское белогорье) расположены фьордообразные заливы, самыми крупными из которых являются Бюзинский и Бирюсинский; по правому берегу (Манское белогорье) – заливы Кривляк, Жулгет, Малая Дербина. У выхода, за «воротами», располагается Щетинкинский плес, к которому по обоим берегам примыкают два крупных залива – Езагаш и Дербина [Красноярское водохранилище, 2005].

Ранее этот район археологически не изучался за исключением Бирюсинской стоянки, ныне затопленной водохранилищем. Нами в 1993, 1996–2007, 2013 гг. велись разведочные и стационарные работы в Дербинском заливе и заливе Волчиха.

По магистральному руслу Енисея обнажены коренные скальные выходы. Рыхлые покровные отложения встречаются маломощными линзами у основания горных склонов. Коренные выходы размываются также и по долинам малых притоков. Тонкие шлейфы отложений голоценового или финальноплейстоце-

нового времени отмечены на многих вы-
положенных участках береговой линии,
наибольшей мощности (около 1–1,5 м)

достигая, как правило, на некоторых не-
больших плоских мысах.

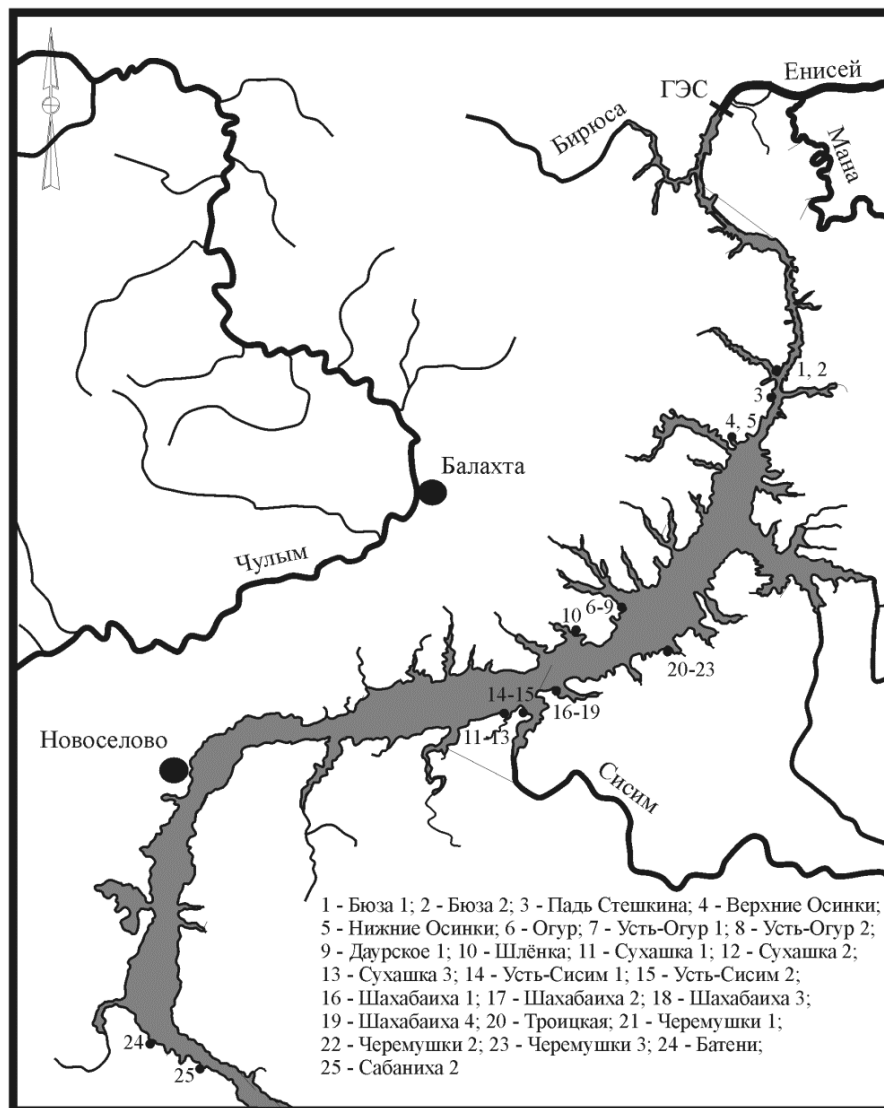

Рис. 1. Карта маршрута разведочных работ
в зоне Красноярского водохранилища в 2014 г.

По правому берегу перспектив-
ных участков ниже устья Дербинского
залива не обнаружено. Выше по Енисею
были известны только местонахождения
в логу Волчиха (**Волчиха I-III**). Работы
этого года показали, что все три объекта
полностью уничтожены.

По левому берегу два пункта от-
крыты в заливе Бюза – Бюза I и Бюза II.

Наиболее перспективной является
стоянка **Бюза II**, расположенная по ле-
вому берегу залива Бюза, образовавше-
гося в среднем и нижнем течении р. Бю-
за – левого притока Енисея.

В шурфе, заложенном по кромке невысокого берегового уступа, выявлен следующий стратиграфический разрез:

1) гумусовый горизонт современной лесной почвы – мощность 0,15–0,2 м;

2) тяжелый черно-бурый суглинок – 0,2–0,3 м;

3) темно-коричневый суглинок с увеличением плотности и ослаблением окраски книзу – 0,3–0,4 м;

4) палевый суглинок – 0,2–0,3 м;

5) розовато-коричневая супесь – видимая мощность 0,1 м.

Культурный слой залегает в верхней и средней частях геологического слоя 3 и на контакте со 2-м геологическим слоем на глубине 50–70 см. Археологический материал представлен преимущественно отщепами, чешуйками, обломками (33 экз.), полуреберчатыми, обушковыми и первичными сколами (6 экз.) и фрагментами пластин (11 экз.), залегающими в состоянии «взвеси». В единственных экземплярах найдены обломок скребловидного орудия и сработанный (?) микронуклеус.

Подъемный материал (665 экз.) был собран на пяти участках, рассредоточенных по сглаженным уступам, спускающимся к воде. Общая площадь территории сборов не превышает 1,5 тыс. м².

Каменный инвентарь располагается компактными скоплениями с участ-

ками концентрации предметов из одного материала и снятиями с одного нуклеуса.

Наиболее выразительна группа нуклеусов. Выделяются следующие типы, представленные небольшими сериями:

- клиновидные микронуклеусы – как массивные, так и уплощенные (рис. 2 – 3);

- одноплощадочные монофронтальные нуклеусы для пластинок и микропластин – ядрища с одним сильно выпуклым фронтом, гладкой площадкой и интенсивным редуцированием дуги скалывания (рис. 2 – 4);

- торцовые нуклеусы, как правило, одноплощадочные монофронтальные, для пластин, пластинок и микропластин;

- конические нуклеусы с гладкой ударной площадкой и сильно выпуклым фронтом как мелких, так и крупных форм (рис. 2 – 1, 9).

В единственных экземплярах найдены: крупный двухплощадочный призматический нуклеус с серией апплицирующихся к нему пластинчатых сколов (рис. 2 – 7); крупный конический нуклеус с выпуклым фронтом, скошенной фасетированной ударной площадкой; короткий массивный нуклеус с двумя противоположными площадками и широкими параллельными сколами по четырехугольному плоскому фронту; обломок крупного нуклеуса с сильно выпуклым фронтом на гальке (сохранилась медиально-дистальная часть негативов пластинчатых

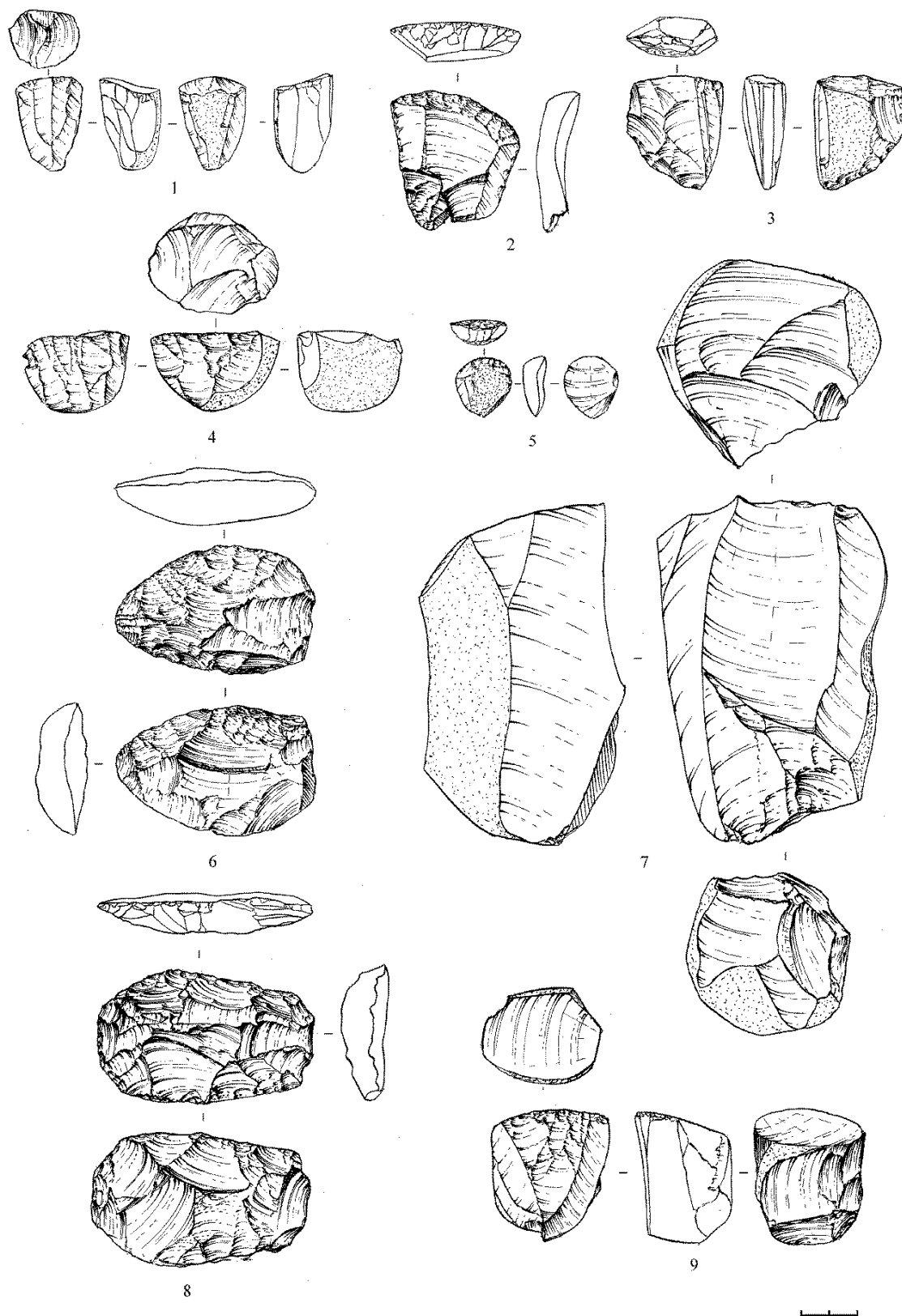

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Бюза II:
1, 3, 4, 7, 9 – нуклеусы; 2, 5 – скребки; 6, 8 – скребла

снятий) с интенсивной оббивкой участка, замещающего ударную площадку; двухплощадочный бифронтальный нуклеус – комбинация нуклеуса-скребка с торцовым нуклеусом (ударная площадка первого располагается на конфронте второго).

Орудия относительно малочисленны. Присутствуют концевые скребки на отщепах (рис. 2 – 2, 5), резец на крупном пластинчатом сколе, скребла с двусторонней обработкой на широких плоских сколах (рис. 2 – 6, 8).

Фаунистических остатков ни в шурфе, ни на береговой отмели обнаружено не было.

Таким образом, каменный инвентарь стоянки Бюза II имеет отчетливо выраженный позднепалеолитический облик, в то время как стратиграфическое положение культурного слоя соответствует голоцену.

Видимо, аналогичным памятником является стоянка **Бюза I**, расположенная в 100 м вглубь залива, с немногочисленным археологическим материалом на береговой отмели.

По правому берегу залива **Нижние Осинки** немногочисленный материал рассредоточен вдоль размываемой береговой отмели, на поверхности глины, где найдены колотые гальки, кости лошади, лося, бизона.

Интерес вызывает местонахождение **Верхние Осинки**, располагающееся на округлом плоском мысу по правому берегу одноименного залива. На береговой отмели, непосредственно ниже уровня современной почвы, на поверхности коричневого суглинка выявлено скопление предметов – два нуклеуса, боковой скребок и несколько отщепов, изготовленных из качественного кремня, нетрадиционного для Енисея (рис. 3 – 9, 10).

По левому берегу водохранилища были также детально обследованы заливы Езагаш, Щетинкино, Гольшиха, Каменный, Красный Ключ, Сухой Кологур, Мокрый Кологур, Барсугаш и др.

Равнинный лесостепной участок водохранилища выше залива Огур относится к Енисейско-Чулымской котловине и отрогам Восточного Саяна. Здесь прослеживается наибольшее разрушение берегов, образование линии высоких абразионных уступов (до 10 м), прерываемых на участках логов и заливов. Наиболее крупными заливами на исследуемом участке являются Убей, Сисим, Огур и Черемушки. Небольшие заливы образуются в нижнем течении мелких притоков Енисея. Выше Убея простирается размываемая водохранилищем скальная гряда. Поиски археологических объектов здесь неперспективны.

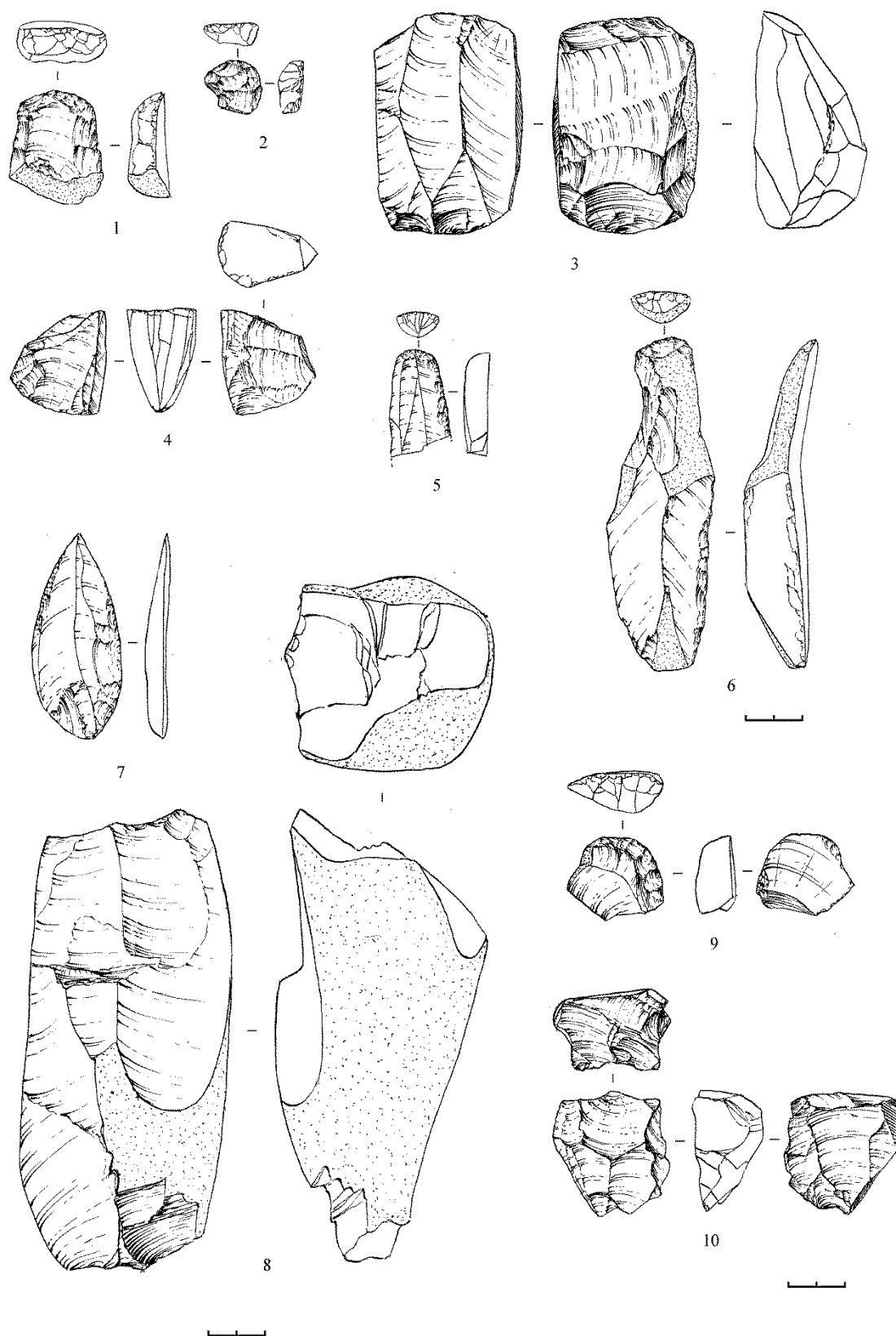

Рис. 3. Каменный инвентарь местонахождений Сухайска II (1–6),
Сухайска III (7, 8), Верхние Осинки (9, 10):
1, 2, 5, 6, 9 – скребки; 3, 4, 8, 10 – нуклеусы; 7 – остроконечник

Левый берег Красноярского водохранилища

Залив Огур. По левому берегу приустьевой части залива Огур открыто три объекта: **Огур, Усть-Огур I, Усть-Огур II** и **Даурское** с немногочисленным археологическим и фаунистическим материалом (мамонт, носорог, бизон, лошадь, северный олень). Наиболее интересным является местонахождение Усть-Огур I. Материал залегает на поверхности широкой береговой отмели, концентрируясь на участках размыва темно-коричневого суглинка. В положении *in situ* артефакты не найдены.

Район пос. Приморск. Стоянка Шленка расположена на левом берегу залива к юго-востоку от пос. Приморск. Была открыта А. Ф. Ямских в 1978 г. и изучалась Н. Ф. Лисицыным в 1982, 1988–89 гг. [Лисицын, 2000] и в последние два десятилетия почти не посещалась. В сентябре 2014 г. археологический материал был рассеян по поверхности береговой отмели, сложенной коричневыми и темно-коричневыми суглинками. Находки (всего 317 экз.) представлены отщепами, пластинами, обломками, скреблами и скребками.

Правый берег Красноярского водохранилища

Залив Сабаниха (севернее пос. Первомайский). Стоянка Сабаниха открыта Н. Ф. Лисицыным в 1986 г. по ле-

вому приустьевому участку залива и исследовалась им в 1989–91 гг. [Там же]. Открытый нами объект расположен по правому приустьевому участку залива и, видимо, является новым пунктом, который можно назвать **Сабаниха II**. Археологический материал рассеян по всей поверхности береговой отмели и представлен в основном крупными отщепами, обушковыми сколами, пластинами, скреблами, галечными орудиями, нуклеусами и нуклевидно оббитыми гальками (всего 171 экз.). По левому берегу археологический материал не обнаружен.

Залив Шахабаиха. Открыты четыре разрушающихся объекта по левому берегу залива (**Шахабаиха I–IV**), расположенные на участке береговой линии протяженностью около 500 м. Немногочисленный археологический и фаунистический материал (бизон, марал, мамонт) получен с полосы прибоя и тыловой части береговой отмели у основания 6–10-метровых обнажений.

Залив Сухашка. Открыты три памятника по левому приустьевому участку небольшого залива в месте впадения в Енисей ручья Сухашка.

Местонахождение **Сухашка I** приурочено к широкому выположенному мысу в устье залива. Разрозненные фаунистические остатки (северный олень, мамонт, бизон, лошадь) вместе с немногочисленными артефактами рас-

полагаются вдоль полосы прибоя, на размываемых коричневых суглинках. Коллекция артефактов (267 экз.) включает в себя отщепы, пластины, скребки, а также единичные фрагменты гладкостенного сосуда и черешковый двухлопастной наконечник стрелы средневекового времени.

Местонахождение **Сухашка II** расположено вдоль берега водохранилища непосредственно выше устья залива Сухашка. Археологический и фаунистический материал прослеживается на протяжении 200 м вдоль берегового уступа (до 3–4 м) на поверхности задернованного пляжа и размываемых коричневых суглинков. В составе коллекции (1 376 экз.) преобладают отщепы, сколы, пластины, пластинки и микропластины. Относительно мало битых галек. Найдены микронуклеусы в клиновидном, конусовидном и плоскостном вариантах (рис. 3 – 4), нуклеусы торцового и параллельного скалывания для пластин и пластинок (рис. 3 – 3), скребки и микроскребки на отщепах и пластинах (рис. 3 – 1, 2, 5, 6), долотовидные орудия мелких и средних размеров. Многочисленны фаунистические остатки, представленные костями бизона, лошади, марала (преобладают), а также носорога, мамонта, северного оленя, волка (?).

Местонахождение **Сухашка III** расположено по левому берегу залива

Сухашка, в 300 м выше устья. Немногочисленный, но выразительный археологический материал сконцентрирован на поверхности вторичного берегового уступа, сформированного на размываемых древних коричневых суглинках. На участке площадью около 20 м² найдены чопперы, отбойники, нуклеусы, остроконечники, переотложенные с более высокого уровня (рис. 3 – 7, 8). В расчистке берегового обнажения археологический материал не обнаружен.

Залив Сисим. По левому приустьевому участку залива выделены два пункта **Усть-Сисим I, II**. У основания 8–10-метровых береговых уступов обнаружены единичные каменные предметы и многочисленные фаунистические остатки (мамонт, бизон, северный олень, лошадь).

На участке между заливами Сисим и Черемушки открыты два позднелолитических объекта: Черемушки III и Троицкая.

Местонахождение **Черемушки III** (База) расположено в 4 км выше пос. Черемушки, по левому приустьевому участку безымянного залива. Археологический и фаунистический материал залегает на пляже, на размытых светлоскоричневых суглинках (супесях), в вымоинах дерна, в полосах прибоя.

Основной материал получен непосредственно на мысу, единичные

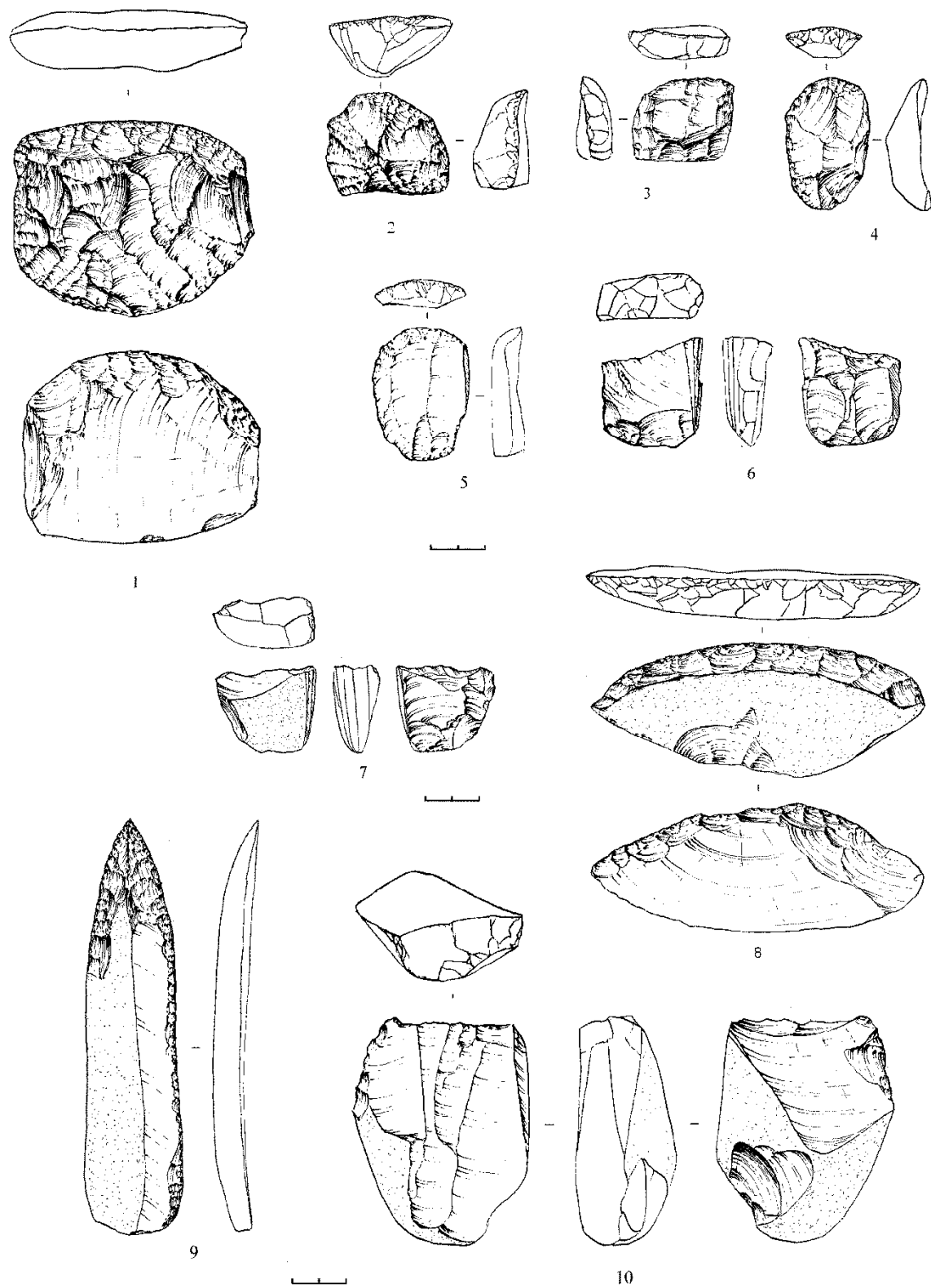

Рис. 4. Каменный инвентарь местонахождений Черемушки II (1–6), Усть-Огур II (7), Черемушки III (8–10):

1–5 – скребки; 8 – скребло; 9 – остроконечник; 6, 7, 10 – нуклеусы

предметы – южнее, вдоль берега залива, и западнее, вдоль берега Енисея. В составе коллекции (166 экз.) преобладают крупные предметы, в том числе остроконечники, скребла, нуклеусы для пластин (рис. 4 – 8–10). Фаунистические остатки – мамонт, бизон, северный олень.

Стоянка **Троицкая**. Памятник расположен по левому приустьевому участку небольшого залива в нижнем течении ручья Пашкин ключ – правого притока Енисея. Впервые это место было осмотрено Н. Ф. Лисицыным в 1990 г. Он отметил культурный слой на глубине 60 см и единичный материал на береговой отмели [Лисицын, 2000].

В 2014 г. археологический и фаунистический материал зафиксирован непосредственно на левом мысу небольшого залива и выше по течению Енисея на участке северной экспозиции протяженностью около 150 м. Высота берегового уступа в районе мыса составляет 5 м, выше по течению возрастает до 6–8 м.

В береговом уступе описан следующий стратиграфический разрез:

1) дерн и гумусовый горизонт современной почвы – 0,35–0,4 м;

2) супесь коричневато-желтая, легкая, плотная, сухая – 0,2 м;

3) супесь серо-желтая, сухая, рыхлая, пылеватая – 0,25–0,3 м;

4) супесь светло-серая, легкая, пылеватая, с вкраплениями карбонатов – до 1,5 м;

5) суглинки красноцветные с ожелезнением в виде пятен и отдельных слойков – 1,2–1,3 м;

6) супесь светло-серая, сухая, неплотная с обильными пятнами и прослоями ожелезнения – видимая мощность 0,2–0,3 м.

Культурный слой обнаружен в двух врезках на глубине 60 см, в кровле геологического слоя 3. На площади 4 м² было найдено два скребка на отщепках (рис. 5 – 1, 2), массивный концевой скребок (рис. 5 – 4), скребловидное оружие на крупном отщепе с краевыми пластинчатыми снятиями (рис. 5 – 3), 42 отщепа, 9 пластинок, два астрагала северного оленя и неопределимые мелкие фрагменты трубчатых костей.

На поверхности береговой отмели археологический материал располагается густой россыпью – от плотной до разреженной. Общее количество артефактов составляет 7,5 тыс. экз. Сборы производились по двенадцати (2–13) секторам шириной 10 м и двум (1, 14) – шириной 20 м.

В коллекции каменного инвентаря присутствуют в том или ином количестве все категории изделий, характерные для позднего палеолита Енисея в рамках афонтовской и кокоревской культур.

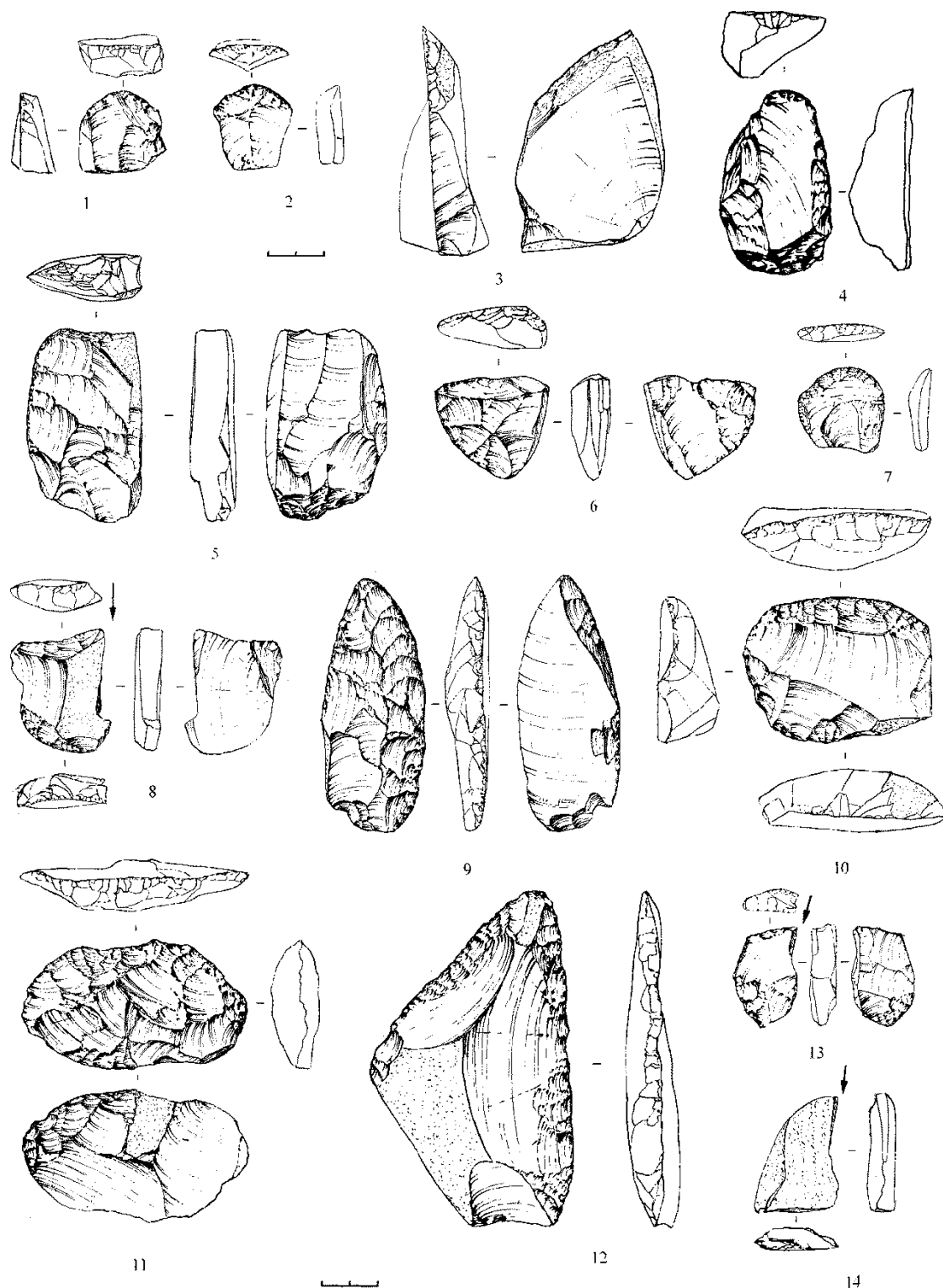

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Троицкая:
 1–4 – культурный слой; 5–14 – подъемные сборы
 (1, 2, 4, 7 – скребки; 3, 9–12 – скребла; 5, 6 – нуклеусы; 8 – микронуклеус-скребок
 с торцовым сколом; 13 – микронуклеус (?) с торцовым сколом; 14 – резец)

Нуклеусы для пластин и пластинок, среди которых преобладают торцовые, отличаются разнообразием форм и низкой степенью сработанности. Клиновидные микронуклеусы различных вариантов многочисленны (рис. 5 – 5, 6). К скреблам отнесены бифасы, унифасы и изделия с краевой обработкой на крупных пластинах и отщепах (рис. 5 – 3, 9, 10). Крутой выпуклый рабочий край в ряде случаев прослеживается у остроконечных орудий (рис. 5 – 12). Среди скребков преобладают округлые формы на отщепах с концевым либо распространенным по $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ периметра заготовки лезвием (рис. 5 – 1, 2, 7). Концевые скребки на пластинах единичны. Резцы, как правило, выполнены на пластинах, фрагментах пластин или обломках (рис. 5 – 14). Интересна группа изделий с резцовым сколом. В эту группу входят первичные и ретушированные отщепы, обломки и орудия (скребла и скребки), по продольному краю которых с подготовленной площадки произведено одинарное пластинчатое снятие (рис. 5 – 8, 13). Функциональное назначение данных изделий неясно, возможно часть из них является резцами и заготовками клиновидных нуклеусов. Немногочисленные долотовидные орудия можно разделить на две группы: «классические» – двулезвийные орудия на бифасиально обработанных заготовках подквадратной формы – и

орудия на обломках. Традиционно представительны галечные формы в виде стругов.

Количественно соотношение предметов разных категорий изменяется по секторам береговой отмели. Выделяются участки с повышенным содержанием резцов, скребел, клиновидных нуклеусов, что предполагает комплексный характер поселения с функционально специализированными участками.

Фаунистические остатки, залегающие на береговой отмели, принадлежат мамонту, носорогу, бизону, лошади. Однако стратиграфическое положение слоя позволяет утверждать, что артефакты и остатки фауны не принадлежат к одному комплексу. Вопрос о втором – более древнем культурном слое – остается открытым.

Залив Черемушки. По левому берегу залива нами выявлено два пункта – Черемушки I и II.

Разрушенное местонахождение **Черемушки I** расположено непосредственно на левом приустьевом участке залива. Немногочисленные подъемные сборы сделаны вдоль береговой линии и в нижней части пологого склона на протяжении около 300 м.

Местонахождение **Черемушки II** расположено в левой приустьевой части залива Черемушки на небольшом широком мысовидном участке, с юга и севера

ограниченном двумя небольшими заливами. В 1990 г. в устье залива в условиях аномально низкого уровня воды Н. Ф. Лисицыным был открыт и обследован пункт, получивший название Черемушки [Лисицын, 2000]. Возможно, именно этот памятник открыт нами повторно в 2014 г. Археологический и фаунистический материал (мамонт, лошадь) в виде крупных скоплений обнаружен в промоинах коричневого суглинка по кромке вторичного берегового уступа, в проплешинах и размывах. Единичные предметы встречены по всей протяженности участка. Каменный инвентарь многочислен и достаточно представлен. В коллекции присутствуют скребки и скребла, нуклеусы, орудия на пластинах (рис. 4 – 1–6). Фаунистические остатки – лошадь, мамонт.

Многолетний опыт работ в зоне Красноярского водохранилища позволяет утверждать, что реальная картина распространения памятников палеолита – мезолита в зоне Красноярского водохранилища меняется по мере дальнейшей абразионной переработки берегов. Объекты, открытые в 1950–60-е гг. на уровне I и II террас, сейчас затоплены, в то время как открытые в 1970–90-е гг. нередко либо уничтожены, либо потеряны из-за сменившихся ориентиров. Иногда места сборов немногочисленных скромных коллекций через десять–

двадцать лет превращаются в стратифицированные поселения с насыщенным культурным слоем и богатым подъемным материалом (Троицкая). Нередки и обратные ситуации. В то же время обнаружаются новые пункты, неизвестные ранее. Появилась насущная потребность в создании современной археологической карты водохранилища, в том числе и с использованием ГИС-технологий.

Современный уровень Красноярского водохранилища позволяет искать палеолитические памятники только на уровне древних террас и горного обрамления долины. Традиционные поиски памятников по подъемным сборам на береговой отмели под обнажениями чаще всего приводят к открытию уже разрушенных объектов. Культурный слой в этом случае либо «зависает» в нескольких метрах выше и материал проецируется на отмель, либо размывается на самой береговой отмели. В любом случае прослеживается стремление искать палеолитический слой на определенной глубине – не менее 1–1,5 м от дневной поверхности. Работы этого года показали возможность открытия памятников в другой геоморфологической ситуации. В частности, удалось установить новый поисковый признак для объектов финального палеолита – мезолита: покатые склоны без обрывистых берегов с культурным слоем на глубине около

0,5–0,7 м. Не меньшее значение в практической деятельности имеет и выявление признаков, позволяющих утверждать, что на данном участке археологический объект уничтожен. В качестве таких признаков могут служить: розовый или светло-зеленый цвета береговой отмели и нижней части уступа, свидетельствующие о размыве коренных осадочных пород; белый шлейф мелкообломочника, перекрывающий береговую отмель; плоский ровный песчаный пляж, примыкающий к пологому коренному склону.

В ряде случаев находки фаунистических остатков не сопровождаются находками каменных предметов, что, как правило, связано с объективным отсутствием археологического памятника.

В результате разведочных работ 2014 г.:

1. Выявлено 22 новых объекта сартанского и раннеголоценового времени, из которых два стратифицированных памятника (Бюза II и Троицкая), семь имеют перспективы дальнейшего изучения (Усть-Огур 1, Черемушки II, III, Сухашка II, Верхние Осинки, Бюза I, Сабаниха II). Особое значение имеет открытие стоянок Бюза II и Троицкая с многочисленным и выразительным каменным инвентарем, перспективных для стационарных исследований. По предва-

рительной оценке памятники относятся к финалу плейстоцена (Троицкая) – началу голоцена (Бюза II), но существенно различаются по характеру каменной индустрии.

2. Проверено современное состояние ранее известных памятников, в числе которых Сабаниха, Шленка, Трифоновка. Подтверждено полное уничтожение трех пунктов в логу Волчиха и стоянки Батени [Палеолит Енисея, 1991].

3. Сплошное обследование обоих берегов в северной части Красноярского водохранилища показало, что район «трубы» (Красноярский кряж) серьезных перспектив не имеет: берега притоков размывы до коренных пород. Выявленные здесь памятники (Бюза I, II, Верхние и Нижние Осинки) расположены в приустьевой части левых притоков и имеют раннеголоценовый возраст.

4. Определены перспективы дальнейшего изучения палеолитических памятников на участке от залива Черемушки до залива Сисим.

5. Составлена археологическая карта северной и центральной зон Красноярского водохранилища.

6. Уточнены поисковые признаки для памятников каменного века в зоне водохранилища и признаки их достоверного отсутствия (уничтожения в результате затопления, размыва и заноса).

Список литературы

Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Путеводитель Международного симпозиума. – Красноярск: Зодиак, 1992. – 130 с.

Изучение палеолита Дербинского залива (1993–2007 гг.): итоги и перспективы исследований / Е. В. Акимова, И. В. Стасюк, Е. А. Томилова, В. М. Харевич // Древности Принисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. 6. – С. 20–36.

Красноярское водохранилище / А. А. Вышегородцев, И. В. Космаков, Т. Н. Ануфриева, О. А. Кузнецова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 212 с.

Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья // Тр. ИИМК РАН. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – Т. II. – 230 с.

Палеолит Енисея / З. А. Абрамова, С. Н. Астахов, С. А. Васильев, Н. М. Ермолова, Н. Ф. Лисицын. – Л.: Наука, 1991. – 158 с.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея): путеводитель экскурсии Международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во Ин-та истории, филологии и философии СО АН СССР, 1990. – 184 с.

Четвертичная история и археологические памятники Северо-Минусинской впадины / Н. И. Дроздов, В. П. Чеха, Е. В. Артемьев, П. Хазартс, Л. А. Орлова. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2000. – 77 с.

СТОЯНКА АБАКАН-18 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК БРОНЗОВОГО ВЕКА В НИЖНЕМ ПРИАНГАРЬЕ

Масштабные археологические исследования на территории нижнего течения Ангары позволили получить большой массив новых материалов, которые нуждаются во введении в научный оборот. Расширение источниковой базы открывает возможность обратиться ко многим нерешенным вопросам ангарской археологии. В настоящее время особенно остро стоит проблема разработки культурно-исторической схемы развития региона. Учитывая данное обстоятельство, наибольший интерес вызывают памятники, содержащие однокультурные материалы.

К такому объекту можно отнести стоянку Абакан-18, открытую отрядом Сибирского федерального университета в 2007 г. Она входит в комплекс разновременных памятников, расположенных на террасе левого берега Ангары в районе урочища Старый Абакан, в 9 км ниже п. Богучаны. Стоянка дислоцируется в 1,3 км к западу от п. Старый Абакан и в 1,0 км восточнее п. Абакан Богучанского района Красноярского края на поверхности 12-метровой террасы. Территория, на которой расположена стоянка

Абакан-18, повреждена современной хозяйственной деятельностью. На восточной половине площади памятника верхние почвенные горизонты нарушены пахотой, на западной половине – они повреждены неглубокими пожарозащитными траншеями. На отдельных участках отмечена полная сохранность покровных почвенных напластований. Здесь в археологических шурфах материал был отмечен на глубине 55–65 см и приурочен к уровню между темно-бурой и бурой песчаными почвами.

С нарушенных участков поверхности террасы была собрана коллекция из 389 предметов, включающая каменные изделия и фрагменты керамических сосудов. Первые представлены отходами первичного расщепления, а также небольшой серией орудий. Среди них три разнотипных наконечника стрел. Два наконечника с черешковым насадом и пером треугольной формы (рис. 1 – 3, 4), их размеры $1,2 \times 2,2 \times 0,2$ см и $2,5 \times 1,3 \times 0,2$ см. Третий наконечник обломан и представлен нижней частью пера с прямым основанием (рис. 1 – 6). Размеры обломка

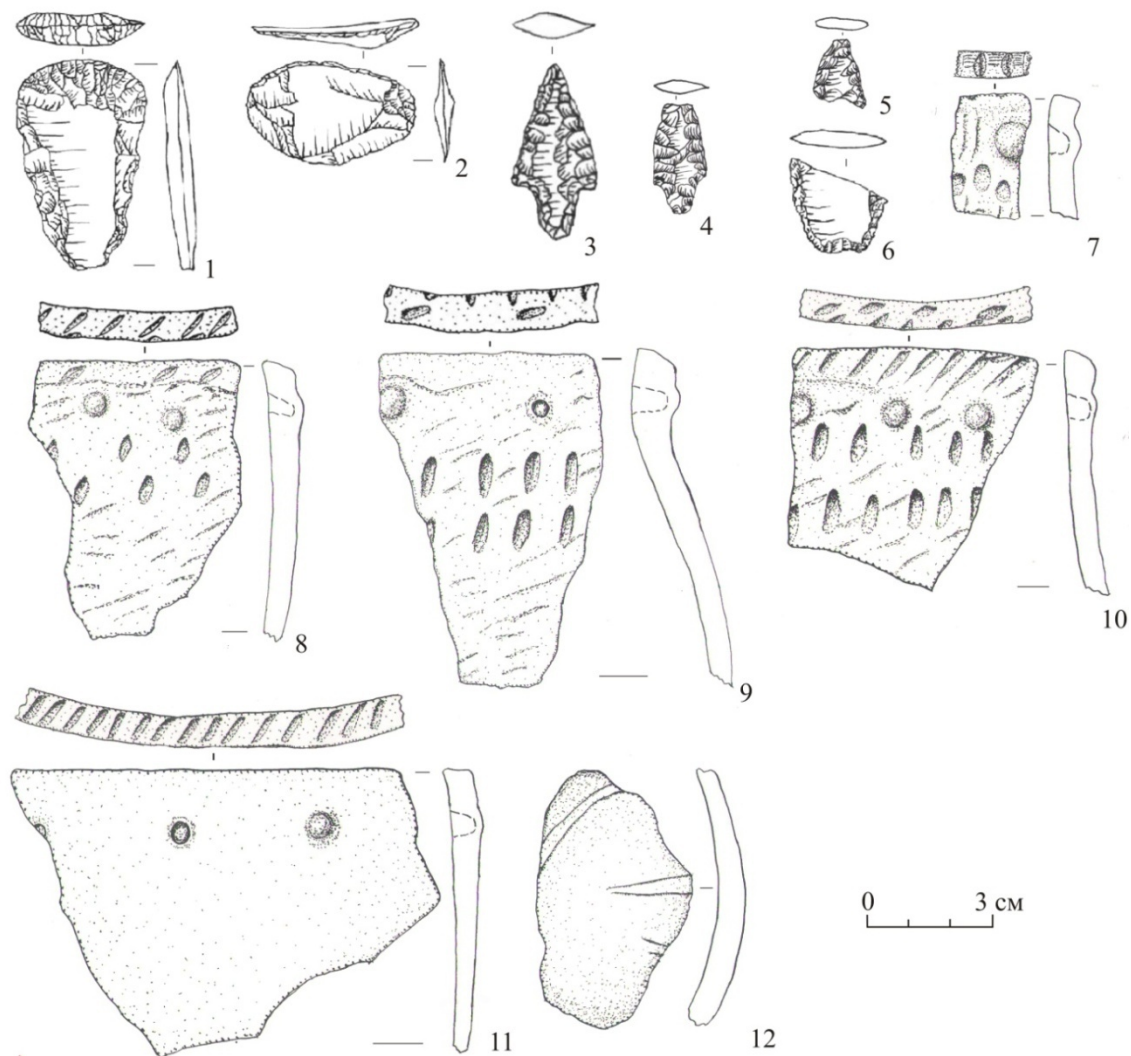

Рис. 1. Находки со стоянки Абакан-18:
1–6 – камень; 7–12 – керамика

2,6 × 1,1 × 0,4 см. Из ножей отмечен сегмент вкладыша треугольной формы (рис. 1 – 5) размером 1,4 × 1,3 × 0,2 см.

Подняты два разнотипных скребка. Один скребок концевой, подтрапцевидной формы. Рабочий край орудия выпуклый, оформлен бифасиальной крутой ретушью (рис. 1 – 1). Размеры его 3,2 × 5,3 × 0,7 см. Второй скребок боковой, выполнен на массивном отщепе из ангарского сланца (рис. 1 – 2). Рабочий

край орудия выпуклый, обработан отжимной дорсальной ретушью. Размеры скребка 4,8 × 6,1 × 1,2 см.

На памятнике найдено семь каменных отщепов и сколов с ретушью по краям, плоскость одного изделия подшлифована. Ретушь расположена как с вентральной, так и с дорсальной стороны орудий. Наличие краевой ретуши отмечено и на двух небольших пластинках. Кроме того, на стоянке были найде-

ны четыре обломка точильных камней из песчаника и округлая галька. Остеологическая коллекция представлена несколькими фрагментами жженных рыбьих косточек.

Определенный интерес представляет коллекция керамических сосудов. В двух пунктах сбора материала были найдены фрагменты венчиков от пяти однотипных сосудов, а также большое количество фрагментов стенок с техническим декором.

Четыре сосуда открытой формы (рис. 1 – 7, 8, 10, 11) практически не профилированные, еще один – слабо-профилированный, с небольшой шейкой и покатыми плечиками (рис. 1 – 9). Тесто сосудов в изломе красновато-коричневого цвета, плотное, слоистое, с большим количеством дресвы и песка. Внешняя поверхность стенок покрыта оттисками колотушки с гладкими рубцами, на одном черепке следы колотушки фиксируются на внутренней стороне. Возможно, что колотушка обматывалась тонким кожаным шнуром. Венчики сосудов прямые, оформлены косыми и прямыми насечками или приостренными наколами. Под обрезом расположен горизонтальный ряд «жемчужин». На одном сосуде он являлся единственным украшением (рис. 1 – 11). В четырех случаях ниже пояса «жемчужин» нанесены два ряда приостренных или округ-

лых наколов, от которых на тулово формы спускаются наклонные ряды из таких же элементов. Толщина стенок 0,6–0,9 см. Кроме крупных блоков на памятнике были найдены еще два небольших фрагмента венчика, видимо, от типологически близких сосудов. Очевидно, все сосуды имели округло-приостренное дно, на что указывает находка фрагмента доньшка. Он украшен прочерченными линиями (рис. 1 – 12), возможно, на нем изображен крест, вписанный в окружность.

Поскольку каменный инвентарь недостаточно выразителен, основой для определения хронологической и культурной принадлежности памятника выступает керамический материал.

Сосуды, близкие найденным на стоянке Абакан-18, известны на многих памятниках нижнего течения Ангары. В частности, подобная керамика зафиксирована на стоянках Окуневка [Адамов, Данилов, Турова, 2011, рис. 1], Чадобец [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, табл. LXXV, LXXVI], Гора Кутарей [Результаты полевых исследований..., 2011, с. 378; Выборнов, Котляров, Присекайло, 2012, с. 432], Капонир [Марченко, Гришин, Гаркуша, 2010, с. 562], Усть-Тушама-1 [Исследования стоянки..., 2012, с. 474, рис. 1, 2], Парта [Бурилов, Березин, 1987, с. 118; Савин, 2010, с. 583; рис. 6–10], Колпаков Ручей [Ар-

хеологические работы на стоянках..., 2010, с. 581, рис. 2–Г], Усть-Ката-2 [Амзараков, 2013, рис. 2–4], в третьем культурном горизонте стоянки Усть-Карабула [Макаров, 2013, с. 160], на многослойных стоянках о. Сергушкин [Герман, Леонтьев, 2013, с. 60–62, 68]. Наибольший интерес вызывают находки аналогичных сосудов на поселениях, в закрытых комплексах. К настоящему времени, благодаря работам Богучанской археологической экспедиции, известно два таких случая. Аналогичная «рубчатая» керамика зафиксирована среди находок в заполнении котлованов жилищ поселений Ручей Конный-3 и Усть-Верея-2, при этом сосуды типологически однородны и составляют единый комплекс [Савин, Солодская, Ольшанецкая, 2011, с. 466, рис. 2–Г; Савин, Солодская, Груздева, 2012, с. 485].

Представленный керамический пласт имеет четкие особенности, которые можно свести к следующему: сосуды параболоидной формы, с круглым дном, красноглиняные, венчики прямые, украшены насечками, на поверхности сосудов фиксируются следы выбивки гладкорубчатой колотушкой. Декор посуды единообразен: украшена только верхняя часть сосудов; обязательным элементом орнамента является ряд «жемчужин», проходящий под венчиком; орнамент дополнен горизонталь-

ными рядами и «стрельчатыми» геометрическими фигурами, построенными из округлых оттисков или прочерченных линий; реже встречаются оттиски отступающего двузубого штампа. Для культурно-хронологического комплекса с такой керамикой характерны поселения, состоящие из наземных, частично заглубленных жилищ с конической формой каркаса [Савин, Солодская, Ольшанецкая, 2011, с. 463; Савин, Солодская, Груздева, 2012, с. 484]. Вместе с керамикой в жилищах отмечены массивные черешковые наконечники стрел длиной до 10–12 см, с ромбическим пером [Савин, Солодская, Груздева, 2012, с. 484]. На стоянке Капонир было зафиксировано залегание керамики с «жемчужником» совместно с выразительной коллекцией каменных орудий, включающей скребки, скребла, ретушированные остроконечники, долотовидные изделия, заготовки бифасиальных изделий, а также комбинированные орудия. Кроме того, однотипный характер используемых заготовок и одинаковые приемы вторичной обработки позволили авторам раскопок предварительно отнести каменные артефакты к одной культурной традиции [Марченко, Гришин, Гаркуша, 2010, с. 562].

Большинство исследователей датируют представленный керамический пласт и сопутствующие ему находки

бронзовым веком [Бурилов, Березин, 1987, с. 118; Адамов, Данилов, Турова, 2011, с. 350; Исследования стоянки..., 2012, с. 474], иногда сужая датировку до позднего бронзового века [Результаты полевых исследований..., 2011, с. 378; Амзараков, 2013, с. 204]. При исследовании заполнения прокала жилища № 3 поселения Усть-Верея-2 вместе с такой же керамикой обнаружены изделия и следы бронзолитейного производства, что позволило авторам работ датировать памятник поздней бронзой – переходом к раннему железному веку [Савин, Солодская, Олышанецкая, 2011, с. 466]. Необходимо подчеркнуть, что если время бытования комплексов с керамикой данного типа в рамках бронзового века не вызывает возражений, то более точная датировка пока затруднена отсутствием абсолютных дат.

Нерешенным остается вопрос распространения подобной керамики на территориях, сопредельных с Нижней

Ангарой. Это связано со слабой изученностью глубинных таежных районов Средней Сибири. Тем не менее наличие подобной керамики на Подкаменной Тунгуске [Андреев, Фомин, 1968, с. 48] позволяет предполагать, что эта керамическая традиция имела значительный ареал, выходящий за пределы Нижнего Приангарья.

Таким образом, стоянка Абакан-18 может быть датирована в рамках бронзового века и соотноситься с глазковским временем. Круг комплексов с подобной керамикой достаточно четко выделяется среди всего массива ангарских археологических памятников, что позволяет поставить вопрос об объединении ее в один тип и на новом уровне подойти к проблемам исследования бронзового века в Нижнем Приангарье. Уточнение хронологии бытования такой керамики – дело будущего, оно станет возможным после получения серии абсолютных датировок.

Список литературы

Адамов А. А., Данилов П. Г., Турова Н. П. Результаты полевых работ на стоянке Окуневка (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 350–353.

Амзараков П. Б. Предварительные итоги археологических раскопок памятников Усть-Ката-1 и Усть-Ката-2 в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС // Научное обозрение Саяно-Алтая. Сер. Археология. – 2013. – № 1 (5). – Вып. 1. – С. 200–205.

Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Новые находки в устье Подкаменной Тунгуски // КСИА. – 1968. – Вып. 224. – С. 46–49.

Археологические работы на стоянках Игренькина Шивера и Колпаков Ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС / Е. П. Рыбин, А. А. Кубан, М. Н. Мещерин, Я. В. Фролов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 575–581.

Бурилов В. В., Березин Д. Ю. Работы на Нижней Ангаре // Исследование памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 118–121.

Выборнов А. В., Котляров А. В., Присекайло А. А. Итоги полевых исследований стоянки Гора Кутарей в Северном Приангарье в 2010–2012 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 431–434.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Многослойные стоянки острова Сергушкин (Краткие результаты полевых изысканий 2009–2011 гг.) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 57–72.

Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

Исследования стоянки Усть-Тушама-1 в 2012 году / Е. П. Рыбин, В. С. Славинский, А. А. Анойкин, А. Г. Рыбалко // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 473–477.

Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 130–175.

Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 559–562.

Результаты полевых исследований стоянки Гора Кутарей в Северном Приангарье / А. В. Выборнов, Ю. А. Васильева, Д. В. Корытина, Ю. С. Михайлова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 377–380.

Савин А. Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 582–586.

Савин А. Н., Солодская О. В., Груздева Е. А. Исследование поселенческого комплекса Усть-Веря-2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 483–485.

Савин А. Н., Солодская О. В., Ольшанецкая В. Е. Результаты исследования поселения Ручей Конный-3 в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII – С. 463–468.

МАТЕРИАЛЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА С ПОСЕЛЕНИЯ-МОГИЛЬНИКА СКОРОДУМНЫЙ БЫК

Поселение-могильник Скородумный Бык был открыт С. М. Фокиным в 2010 г. Памятник протяженностью до 500 м и шириной до 100 м расположен на поверхности 22–24-метровой террасы левого берега р. Ангара в пределах скалистого утеса Скородумский Бык на противоположном берегу от с. Рыбное Мотыгинского района Красноярского края. В 2010 и 2012 гг. стационарные археологические исследования проводились в восточной части объекта, где было вскрыто 69 м² (раскоп № 1). В 2013 г. работы были организованы в западной части памятника, где двумя раскопами (№ 2 и № 3) было вскрыто соответственно 162 и 290 м². В представленной статье публикуются материалы, относимые нами к бронзовому веку.

Наиболее информативный материал указанного времени получен с западной части памятника из второго культурного слоя раскопа № 3. Здесь найдено 540 фрагментов керамики, из которых по венчикам выделено 15 форм, среди них один сосуд с «ушками». Пред-

ставленные сосуды имеют закрытую форму с плавно расширяющимся туловом и, судя по имеющимся фрагментам, с округлым дном. Венчики прямоугольные в сечении, иногда слегка отгибаются наружу. Диаметр сосудов по венчику от 9 до 34 см. Гипотетически восстановленный сосуд с «ушками» имеет объем около одного литра, диаметр его по венчику 9 см, высота не менее 14 см (рис. 1 – 1). Он закрытой горшковидной формы с профилированной шейкой и округлым дном. К краю прилеплены два округлых «ушка» с вертикальными отверстиями, в придонной части отмечается еще одно «ушко» языковидной формы и без отверстия. От другого подобного сосуда найден фрагмент «ушка» с вертикальным отверстием.

Стенки 14 сосудов покрыты «рубчатыми» оттисками. Этот технический декор образовывался путем выбивки стенок с внешней стороны колотушкой с параллельными желобками. Она оставляла на поверхности отпечаток из неглубоких бороздок, отстоящих друг

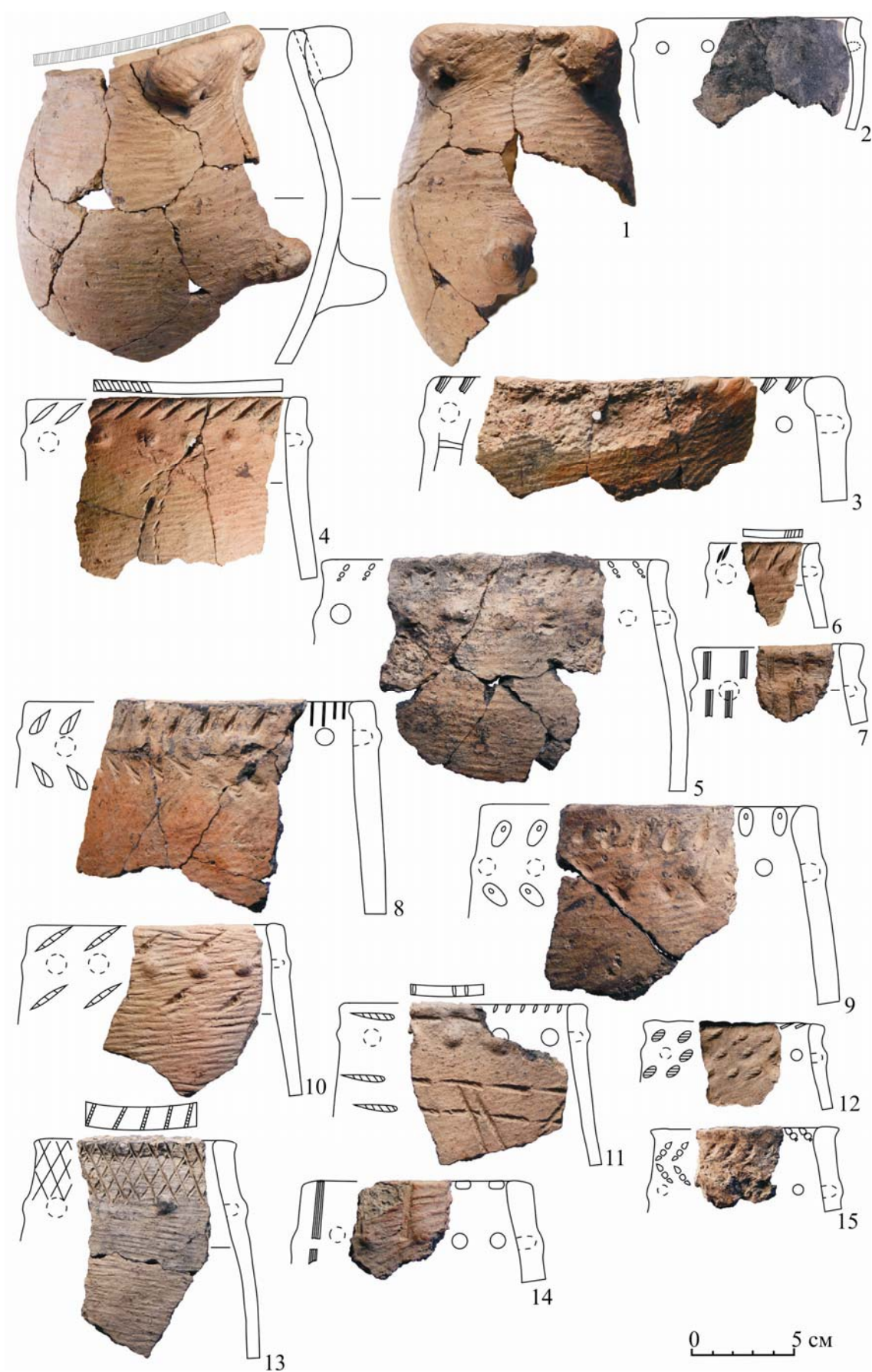

Рис.1. Керамика из раскопа № 3 поселения-могильника Скородумный Бык

от друга на расстоянии 1–2,5 мм. Бороздки примерно такой же ширины. «Рубчатые» следы располагаются на поверхности сосудов в основном горизонтально или изредка под наклоном (например, возле налепных «ушек»). С внутренней стороны под точку удара подставлялся твердый предмет выпуклой формы (возможно, округлая галька), следы от которого фиксируются в виде неглубоких ямок. На двух сосудах «рубчатые» оттиски фиксируются и по обрезу. После выбивки по сырой еще стенке наносился орнамент.

Орнамент занимает верхнюю часть сосудов, включая венчик. У тринадцати сосудов венчики украшены различными способами. У трех форм обрезы украшены оттисками квадратного (рис. 1 – 4), овального (рис. 1 – 11) или зубчатого штампа (рис. 1 – 13). Венчики еще двух сосудов покрыты «рубчатыми» отпечатками (рис. 1 – 1, 6). У оставшихся сосудов обрез гладкий, без орнамента. У восьми сосудов венчик украшен с внутренней стороны. Для этого использовали вертикальные или наклонные оттиски гладких или зубчатых орнаментов. С внешней стороны под венчиком нанесены различные вертикальные или наклонные оттиски: трехзубой гребенки (рис. 1 – 5, 15), прямоугольного или овального штампов (рис. 1 – 4, 6–10, 12–14), витого (?) шнура (рис. 1 – 11), насечек (рис. 1 – 3). Орнамент дополнен под

краем горизонтальным рядом «жемчужин», которые получались от вдавлений (ямки) с внутренней стороны округлым орнаментом диаметром от 0,4 до 1,0 см.

По сочетанию разных элементов и мотивов орнаментации керамику условно можно разделить на несколько вариантов:

1-й вариант (2 экз.). Сосуды, украшенные под краем только рядом «жемчужин». В него вошли сосуды небольших размеров (рис. 1 – 1, 2).

2-й вариант (4 экз.). Сосуды, украшенные под венчиком одним рядом наклонно поставленных насечек, овальных и гребенчатых наколов и поясом «жемчужин» (рис. 1 – 3–6). На двух сосудах данной группы отмечаются дополнительные узоры, располагающиеся на тулове: фигура в виде «пальмы», построенная из дугообразных парных наколов (рис. 1 – 4); фигура в виде «полосы с перемычкой» из тонких прочерченных линий (рис. 1 – 3).

3-й вариант (6 экз.). Сосуды, у которых пояс «жемчужин» располагается между двумя – тремя рядами разных элементов орнамента. Отмечаются вертикальные полосы, овальные и каплевидные наколы, штампы трех- или четырехзубой гребенки, строящихся в мотив «наклонная полоса», «ёлочка» (рис. 1 – 7–10, 12, 14–15).

4-й вариант. Сосуд, украшенный под венчиком поясом «жемчужин» и прочерченными линиями, образующими ромбическую сетку (рис. 1 – 13).

5-й вариант. Сосуд, орнаментированный горизонтальными и наклонными рядами прерывистых оттисков витого (?) шнура, между которыми отмечается пояс «жемчужин» (рис. 1 – 11).

Керамика из раскопа № 3 поселения Скородумный Бык представляет собой единый комплекс, так как указанные признаки («рубчатая» поверхность, пояс «жемчужин», ряды оттисков) имеют устойчивое сочетание на каждой форме.

Каменный инвентарь, обнаруженный в раскопе № 3, включает в себя 194 предмета, из которых было выделено 6 преформ, 21 оружие, 1 заготовка оружия, 166 отщепов и сколов различной формы и размеров без вторичной обработки. Определение назначения каменных изделий проведено морфологически.

Преформы (6 экз.) представлены массивными каменными конкрециями с фрагментами желвачной корки. С разных сторон изделий отмечаются бессистемные снятия. Точильный камень (абразив) оформлен на небольшом уплощенном бруске среднезернистого песчаника с вогнутой гранью (рис. 2 – 13). Ножи представлены одним обломком острия крупного бифаса (рис. 2 – 1) и

тремя вкладышами. Один вкладыш трапезиевидной формы, с двухсторонней обработкой, два других изготовлены на отщепах подпрямоугольной и овальной форм. Они обработаны с дорсальной стороны, имеют продольные рабочие края (рис. 2 – 2–4). На пяти отщепах и сколах отмечаются участки с ретушью, возможно, их тоже использовали как ножи. Скребки концевые (2 экз.): один на отщепе овальной формы с высоким, выкрошенным рабочим краем (рис. 2 – 5); второй округлой формы с «ушками», обработан с двух сторон (рис. 2 – 6). Наконечники стрел (5 экз.) разной формы и размеров. Два наконечника черешковые с подтреугольной формой пера и двусторонней обработкой. Один из них плоский, с округлым и узким основанием черешка. Другой – широкий, его острие обломано, имеет плавный переход к черешку, основание прямое. Бесчерешковых наконечников найдено 3 экземпляра, они с листовидной формой пера. Два из них обработаны с двух сторон, один – с односторонней обработкой. Наконечники различны: два с прямым основанием, третий с округлой базой (рис. 2 – 8–12). Рубящее оружие клиновидной формы, асимметричное в продольном сечении. С краев корпуса произведены снятия, заходящие на частично зашлифованные грани изделия. Обушок широкий, притуплен обивкой. Изделие расширяется

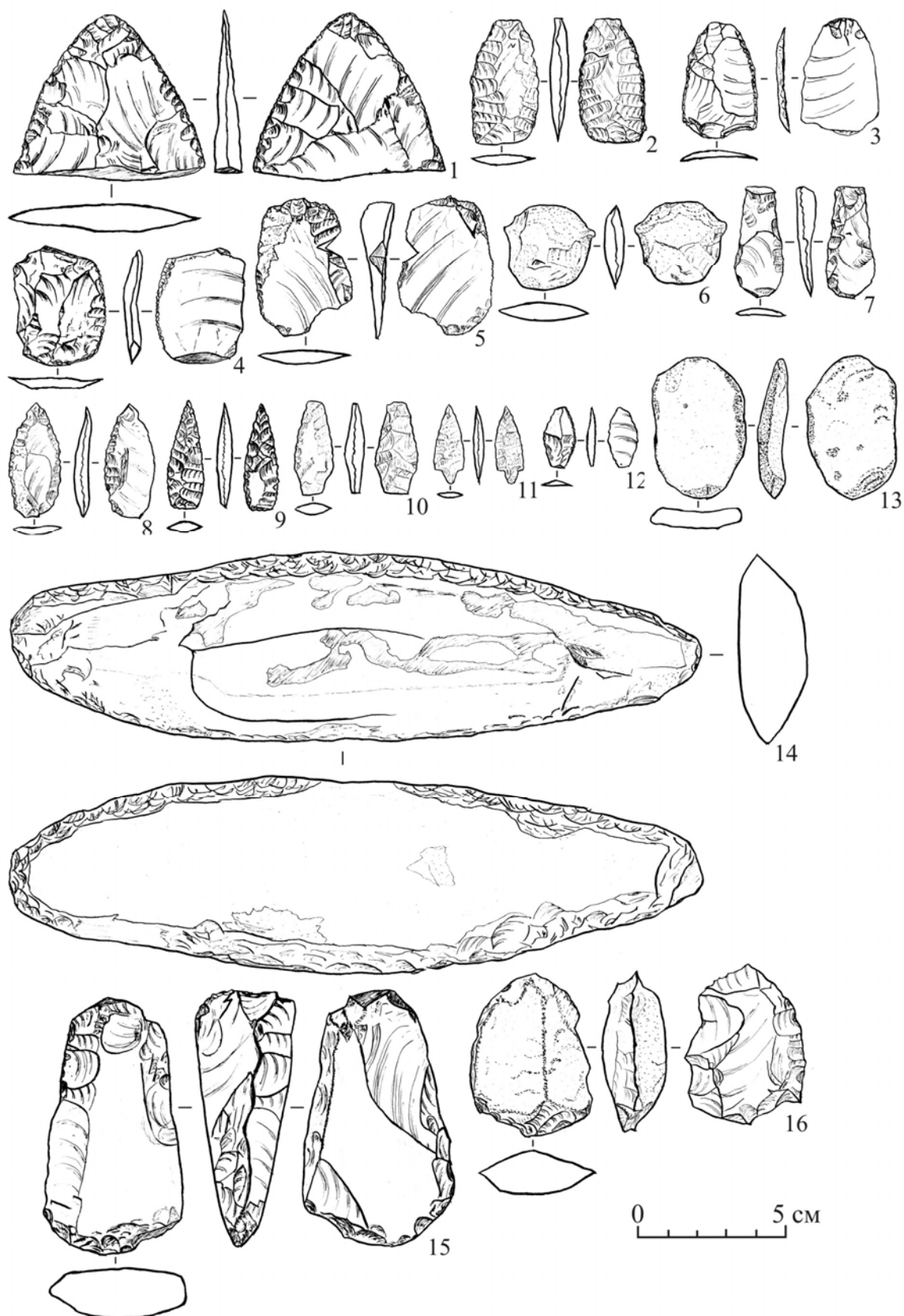

Рис. 2. Каменные изделия из раскопа № 3 поселения-могильника Скородумный Бык:
 1–4 – ножи; 5–6 – скребки; 7 – заготовка проколки (?); 8–12 – наконечники стрел;
 13 – абразив; 14 – заготовка изображения рыбки-приманки (?); 15 – рубящее орудие;
 16 – скребловидное орудие (?)

к сколотому сработанному лезвию, округлой выпуклой формы (рис. 2 – 15). Обломок каменного песта выполнен на гальке брусковидной формы с округлым бойком, оконтуренным желобком. Заготовка проколки (?) с одного конца широкая и плоская, а к другому концу сужается и утолщается. С двух сторон оформлена краевой ретушью (рис. 2 – 7). Заготовка скребловидного (?) орудия овальной формы, один конец которого приострен. С одной стороны сохранилась желвачная корка с выступающим продольным ребром, с другой стороны отмечаются негативы снятий (рис. 2 – 16). Заготовка изображения рыбки-приманки (?) овальной вытянутой формы из слоистого сланца, обработанная пикетажной оббивкой. Камень неоднородной структуры, расслаивается. С обеих сторон он сохранил участки желвачной корки (рис. 2 – 14).

Основанием для датировки представленных материалов служат керамические сосуды. Глиняная посуда, сочетающая «рубчатый» декор с «жемчужником», получает в бронзовом веке широкое распространение в Прибайкалье, в Северном Приангарье, в лесостепном и таежном районах Среднего Енисея. В Прибайкалье ее распространение связывается с глазковской культурой [Хлобыстин, 1987, с. 330–331]. При этом стоит отметить, что керамика, встречаемая в

глазковских комплексах, имеет большое разнообразие, проявляющееся в форме сосудов, стилях технического декорирования, видах орнаментации. На поселении Улан-Хада, в слое В/2-1 найдена керамика, орнаментированная «жемчужинами» и рядами оттисков отступающей лопаточки. Слой датируется первой половиной II тыс. до н. э. В вышележащем слое памятника также продолжает существовать керамика с «жемчужинами» и отступающей лопаточкой, орнаментальная композиция которой упрощается (слой Б). Этот слой относится к развитому бронзовому веку и датируется в пределах XIV–VIII вв. до н. э. [Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 47–49].

В Канско-Рыбинской котловине подобные сосуды с «рубчатым» декором появляются в раннем бронзовом веке в интервале 4–3,5 тыс. л. н. (III культурный горизонт Казачки I). Исследователями отмечается, что тип сосудов с «рубчатой» выколоткой и одним поясом «жемчужин» идентичен глазковским. Сосуды, орнаментированные лишь «жемчужными» вдавлениями, продолжают существовать в лесостепном районе и в период поздней бронзы, который укладывается в рамки 3,5–2,8 тыс. л. н. (II культурный горизонт Казачки I) [Тимошенко, Савельев, 2013, с. 22–24, рис. 2 – 4, 17]. От скородумской керамики они отличаются более «простым» ор-

наментом, отсутствием рядов оттисков, дополняющих пояс «жемчужин».

Керамика со Скородумского Быка наиболее близка посуде, распространенной в Северном Приангарье, где «рубчатая» керамика с «жемчужинами», приотстренными или прямыми венчиками и рядами оттисков зафиксирована на поселенческих комплексах в слоях, содержащих разновременный материал. На стоянках Парта, Окуневка, Сергушкин-1 и 3, Усть-Карабула, Гора Кутарей, Усть-Ёдарма II такая керамика датируется в диапазоне от раннего до позднего бронзового века [Савин, 2010, с. 583–584; Адамов, Данилов, Турова, 2011, с. 351; Герман, Леонтьев, 2013, с. 62; Макаров, 2013, с. 160; Результаты..., 2011, с. 378–379; Дударек, Лохов, 2014, с. 62, 74, 75, рис. 3, 2]. Такая же посуда выявлена в котлованах жилищ поселения Ручей Конный-3. Исследователи памятника датируют этот материал рубежом бронзового и раннего железного веков [Савин, Солодская, Ольшанецкая, 2011, с. 467–468].

Вместе с тем в этих же или других комплексах бронзового века Северного Приангарья отмечена керамика с другой орнаментацией. Встречаются сосуды с поясом ямок, рядами отступающих оттисков, прочерченных линий [Савин, Солодская, Ольшанецкая, 2011, с. 467; Привалихин, 2009, с. 300; Герман, Леонтьев, 2013, с. 62].

Каменный инвентарь поселения-могильника Скородумный Бык характерен для ангарских памятников позднего неолита – ранней бронзы. Аналогии листовидных наконечников с прямой и округлой базой встречаются в глазковских погребениях [Окладников, 1955, с. 63, рис. 18 – 15, 18, 20, 21; с. 106–107, рис. 38, 39]. Концевой скребок и наконечники стрел аналогичны предметам из культурного горизонта неолита – бронзы стоянки им. Генералова [Стоянка им. Генералова..., 2014, с. 161, рис. 4 – 6–8, 10].

Таким образом, рассмотренные нами материалы с раскопа № 3 поселения-могильника Скородумный Бык представляют собой единый комплекс. Определяющее значение при его датировке имеет «рубчатая» керамика с поясом «жемчужин» и рядами накольчатых гладких и зубчатых оттисков. Проведенные сопоставления свидетельствуют о широком распространении «рубчатой» керамики в Сибири, но посуда, на которой отмечается сочетание «рубчатых» оттисков, пояса «жемчужин» и рядов наклонных оттисков гладких и зубчатых орнаментов, локализуется в Нижнем Приангарье. Отсутствие абсолютных дат и недостаточная изученность региона не позволяют пока более точно датировать представленные комплексы.

Список литературы

Адамов А. А., Данилов П. Г., Турова Н. П. Результаты полевых работ на стоянке Окуневка (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 350–353.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых изысканий 2009–2011 гг.) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 57–72.

Горюнова О. И., Хлобыстин Л. П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. – С. 41–56.

Дударек С. П., Лохов Д. Н. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности // Известия ИГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 7. – С. 54–80.

Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. ст. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 130–175.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. III (глазковское время). – 375 с.

Привалихин В. И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: КККМ, 2009. – Вып. 4. – С. 300–310.

Результаты полевых исследований стоянки Гора Кутарей в Северном Приангарье / А. В. Выборнов, Ю. А. Васильева, Д. В. Корытина, Ю. С. Михайлова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17 – С. 377–380.

Савин А. Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 года. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 582–586.

Савин А. Н., Солодская О. В., Ольшанецкая В. Е. Результаты исследования поселения Ручей Конный-3 в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 463–468.

Материалы бронзового века с поселения-могильника Скородумный Бык

Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных работ 2013 года / Н. Е. Бердникова, Е. О. Роговской, И. М. Бердников, Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. П. Дударек, Н. Б. Соколова, А. А. Тимощенко, А. А. Попов, Н. В. Харламова // Известия ИГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 7. – С. 150–191.

Тимощенко А. А., Савельев Н. А. Бронзовый век Канско-рыбинской котловины (современное состояние проблемы) // Вестник НГУ. Сер. История. Филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 5. – С. 19–27.

Хлобыстин Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 327–344.

БРОНЗОЛИТЕЙНАЯ ПЛОЩАДКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА СТОЯНКЕ ВЗВОЗ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

Стоянка Взвоз расположена в среднем течении р. Ангары на острове Сергушкин Кежемского района Красноярского края. Она дислоцирована на 4–5-метровой пойменной террасе северо-восточного (правого) берега острова, в 1 км ниже его верхней оконечности на высоте от 186 до 188 м над уровнем моря. Памятник открыт научным сотрудником Красноярского краевого краеведческого музея В. И. Привалихиным в 1988 г. По его описанию, археологический материал обнаружен вблизи широкого пологого спуска (взвоза), спланированного ножом трактора в сторону реки. Здесь В. И. Привалихиным была произведена зачистка борта дороги и заложены два шурфа – с правой и левой сторон спуска. Был определен многослойный характер стоянки (неолит и ранний железный век). К комплексу находок раннего железного века отнесены фрагменты керамических сосудов с широким налепным валиком, гребень из бивня мамонта и кости крупных копытных [Привалихин, 1994, с. 84–87].

Как видно из приведенного описания, первооткрыватель памятника сначала

локализовывал его в непосредственной близости от взвоза. Однако при планировании охранно-спасательных работ в связи с предстоящим заполнением ложа Богучанской ГЭС предполагаемая площадь памятника Взвоз была расширена до 74 910 м², охватив всю пойму и коренную террасу верхней изголовья о. Сергушкин (рис. 1). В результате территория первоначально предполагаемой дислокации памятника стала рассматриваться лишь как его юго-восточная периферия. К моменту начала охранно-спасательных работ бывший взвоз оказался частично снивелирован за счет поверхностной почвенной эрозии, а ложе дороги и ее борта густо поросли молодым сосняком. Прилегавший к ней сенокосный луг полностью покрылся смешанным хвойно-лиственным лесом с густым подлеском. Здесь в ходе разведки 2008 г. А. Н. Зениным были произведены поиск подъемного материала, зачистка и заложен шурф. В результате обнаружен незначительный археологический материал (отходы каменной индустрии, фрагменты керамических

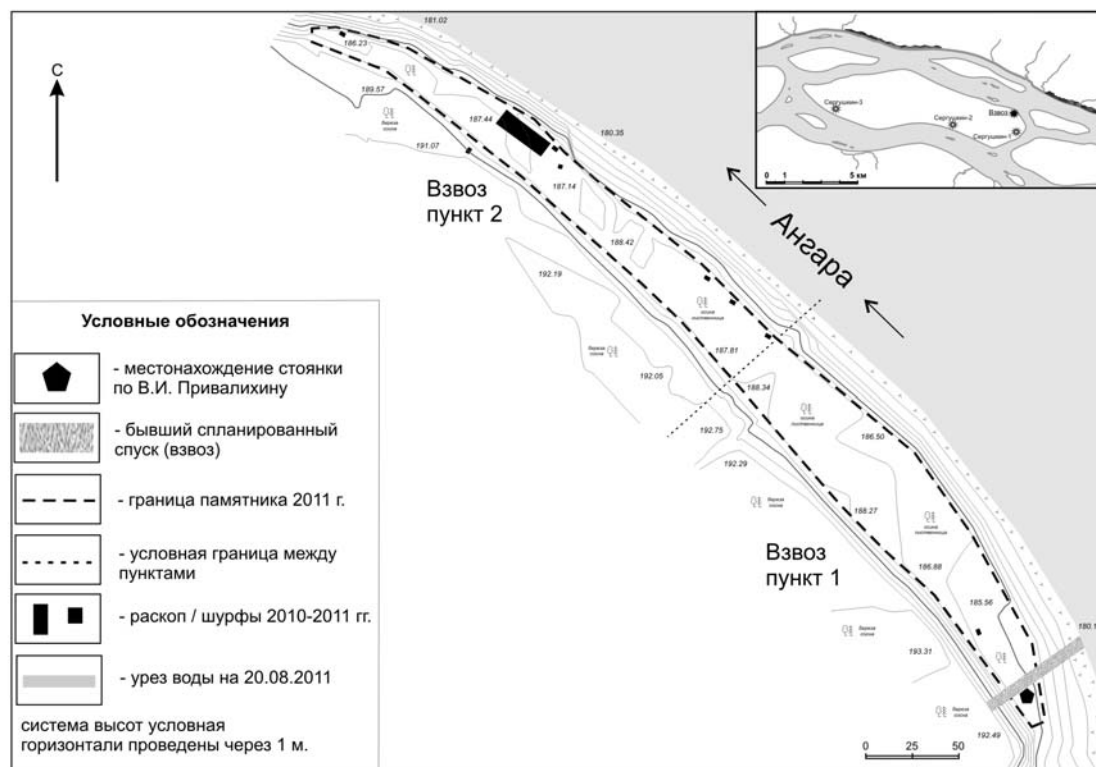

Рис. 1. Стоянка Взвоз: топографический план памятника

сосудов) [Зенин, 2008, с. 166–168]. В 2011 г. первым Сергушкинским отрядом ИАЭТ СО РАН близ бывшей взвозной дороги был заложен рекогносцировочный раскоп площадью 10 м², в котором были найдены многочисленные артефакты каменного, бронзового и железного веков [Герман, Леонтьев, 2011, с. 384]. Наконец, в 2012 г. под руководством Е. П. Рыбина здесь были проведены масштабные охранно-спасательные работы, давшие значительный археологический материал в хронологическом диапазоне от неолита до развитого Средневековья.

Исследования в северо-западной периферии памятника, проводившиеся

в 2010 и 2011 гг. [Герман, Леонтьев, 2010, с. 502; 2011, с. 384; 2012; 2013, с. 62–67], показали, что территория здесь обладает более сложным рельефом с четко выраженным прирусловым валом шириной до 1,5 м и высотой до 1 м, узкой – около 10 м – центральной выровненной частью и пологим притеррасным понижением. Современная дневная поверхность центральной части и прирусловый вал сформированы отложениями светло-серого песка с интенсивными включениями дресвы и мелкого галечника, перемещенными сюда с берега реки в результате многократных зимних наползаний льда. Благодаря этому культуросодержащие почвенные слои оказа-

лись погребены на глубине в среднем около 0,5 м. В стратиграфии аллювиальных отложений этой части памятника на глубине 40–70 см от уровня дневной поверхности четко прослеживалась прослойка слоистой иловатой супеси желтовато-коричневого цвета, отсутствующая в литологическом строении юго-восточной периферии поймы. Сформированная в период длительного затопления, она разделяла культурный горизонт на два слоя, содержащих артефакты эпохи финального неолита и раннего железного века соответственно.

Все вышеотмеченное указывает на то, что северо-западная часть поймы, имеющая сегодня ту же высоту над урезом воды, что и юго-восточная, в прошлом была несколько ниже и потому значительно чаще подвергалась затоплениям с неизбежной седиментацией, а также с зимним наполнением речного льда, сопровождаемым переносом береговых осадочных материалов вглубь террасы. Данные обстоятельства, очевидно, обусловили и несколько иной характер пребывания людей на этой прибрежной площадке – здесь практически отсутствовали материалы эпохи бронзы и Средневековья. Следует отметить также, что закладка трех рекогносцировочных раскопов в срединной части поймы не выявила наличия здесь культурного слоя.

Таким образом, было установлено, что территория памятника Взвоз естественно разделена на два участка, обладающих различной стратиграфией литологических слоев и содержащих неодинаковый по своему составу археологический материал. Поскольку исследования памятника начались с его юго-восточной периферии, этой части памятника присвоено условное обозначение «пункт 1», в то время как северо-западная его часть получила наименование «пункт 2» (рис. 1).

Как было указано выше, спасательные археологические работы в пункте 2 проводились в 2010 и 2011 гг. первым Сергушкинским отрядом ИАЭТ СО РАН. За два полевых сезона здесь была вскрыта площадь 446 м², из которых 420 м² – сплошной раскоп, а 26 м² – рекогносцировочные раскопы (еще пять рекогносцировочных раскопов общей площадью 49 м² были заложены в срединной части поймы, в пункте 1 и на прилегающем участке надпойменной террасы).

В сплошном раскопе, заложенном в пункте 2 памятника Взвоз, была зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация (рис. 2):

1) почвенно-растительный слой гумусированной рыхлой комковатой супеси темно-коричневого цвета, пронизанный корнями растений – до 0,24 м;

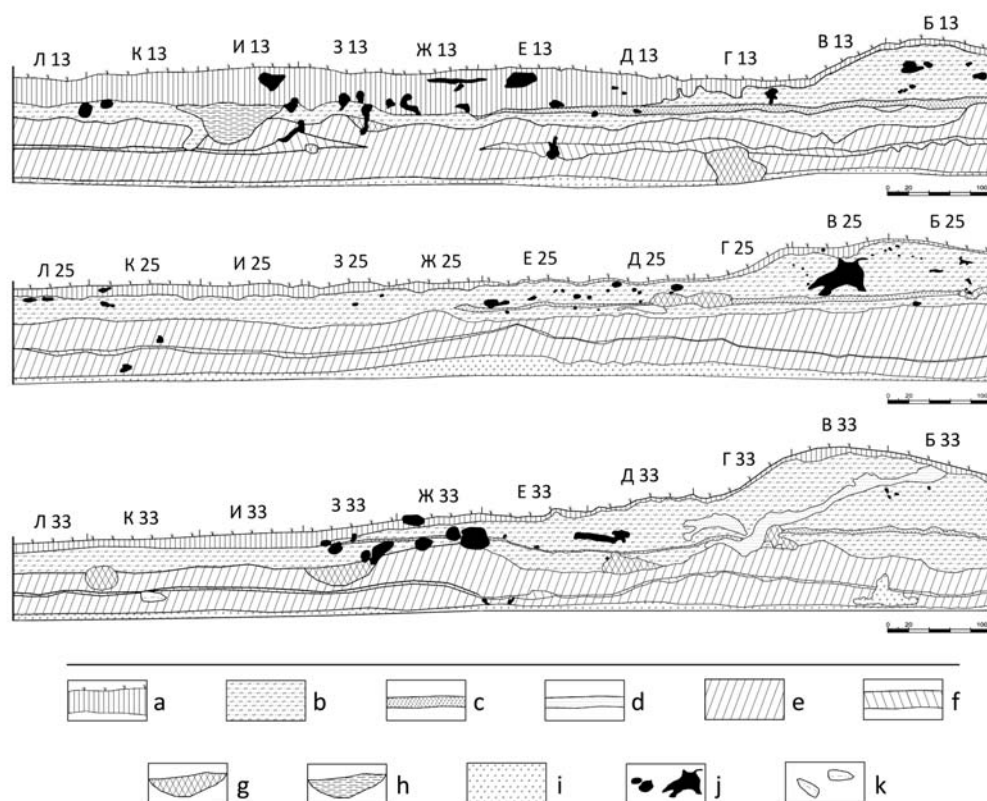

Рис. 2. Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1.

Стратиграфия литологических слоев раскопа:

a – дерново-почвенный слой; *b* – супесь светло-серая; *c* – супесь темно-серая; *d* – супесь белая; *e* – гумусированная коричневато-бурая супесь; *f* – коричневатожелтая супесь; *g* – смешанная почва; *h* – красно-охристая прокаленная почва; *i* – супесь желтовато-коричневого цвета; *j* – корни деревьев; *k* – камень

2) светло-серый песок с включениями корней деревьев и мелкого речного галечника – до 0,3 м;

3) коричневато-бурая комковатослоистая иловатая супесь – до 0,24 м;

4) желтовато-коричневая слоистая супесь – до 0,08 м;

5) буровато-серая до черного плотная иловатая супесь – до 0,27 м;

6) светлый коричневатосерый плотный песок.

Второй литологический слой был образован перемещением почв с берега многократным зимним напользанием

льдов, четвертый слой сформировался, вероятно, в период длительного затопления поймы. Третий и пятый слои являются культуросодержащими. В соответствии с очередностью вскрытия они получили наименование первого и второго культурного горизонта.

При вскрытии первого культурного горизонта непосредственно на его границе с надстиляющим слоем светло-серого песка были найдены мелкие фрагменты керамических сосудов лесосибирского, усть-ковинского и карабульского (цэпаньского) типов.

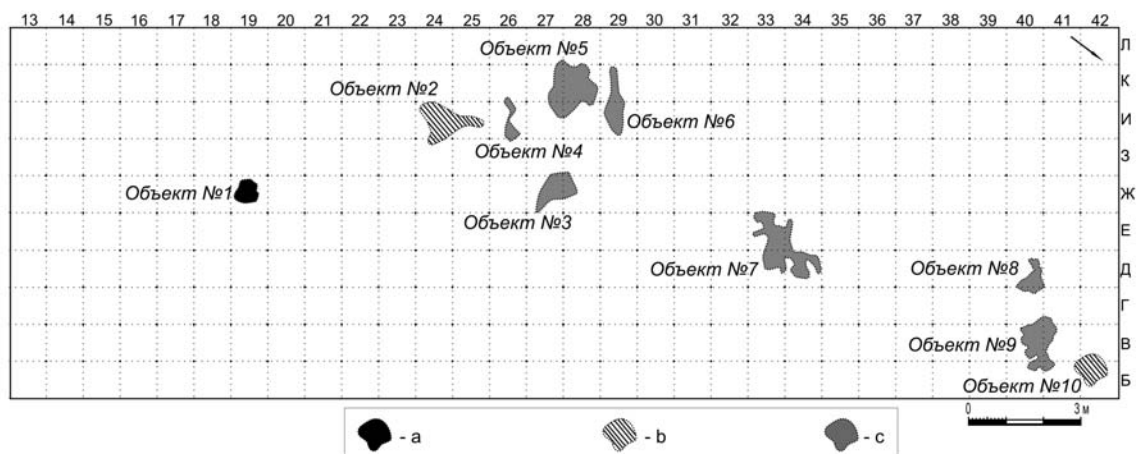

Рис. 3. Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1.

Горизонт 1: план расположения объектов (а – скопление кусков ошлакованной глины; b – скопление фрагментов керамики; c – скопление кусков ошлакованной глины и фрагментов керамики)

Здесь же были обнаружены бронзовая трехчастная бляшка-нашивки, каменная пластина и отщеп со следами вторичной обработки.

В средней и нижней части горизонта были найдены: бронзовый наконечник стрелы (ил. 1 – 15, см. с. 107), железная бляшка с зооморфным орнаментом, обложенная золотой фольгой (ил. 1 – 14), фрагменты керамических сосудов¹, 46 обломков изделий из глины и керамики, галечный молот (ил. 1 – 1), шесть бронзовых сплесков, пять изделий из камня, обломки каменных абразивов, бифас, каменный нож, три скребка, заготовки каменных орудий и отходы их производства, один фрагмент кости животного.

¹ О керамическом комплексе первого культурного горизонта стоянки Взвоз смотрите статью С. Н. Леонтьева и П. В. Германа в этом сборнике.

В нижней части горизонта, на глубине от 0,4 до 0,6 м от уровня дневной поверхности было выявлено десять объектов концентрации археологического материала (рис. 3).

Объект 1 (рис. 4) – развал слабоошлакованных стенок медеплавильной печи, моделированной из тощего суглинка с интенсивной примесью жженой кости, песка и шамота. Фрагменты глиняной стенки залежали компактным скоплением округлой формы диаметром 0,8 м и мощностью до 0,07 м.

После разбора скопления непосредственно под ним было выявлено аморфное пятно слабопрокаленной почвы оранжево-охристого цвета мощностью от 0,05 до 0,2 м. В пределах объекта найдено 15 фрагментов керамических сосудов, каменное и глиняное изделия, галечный пест и три куски металлургического шлака.

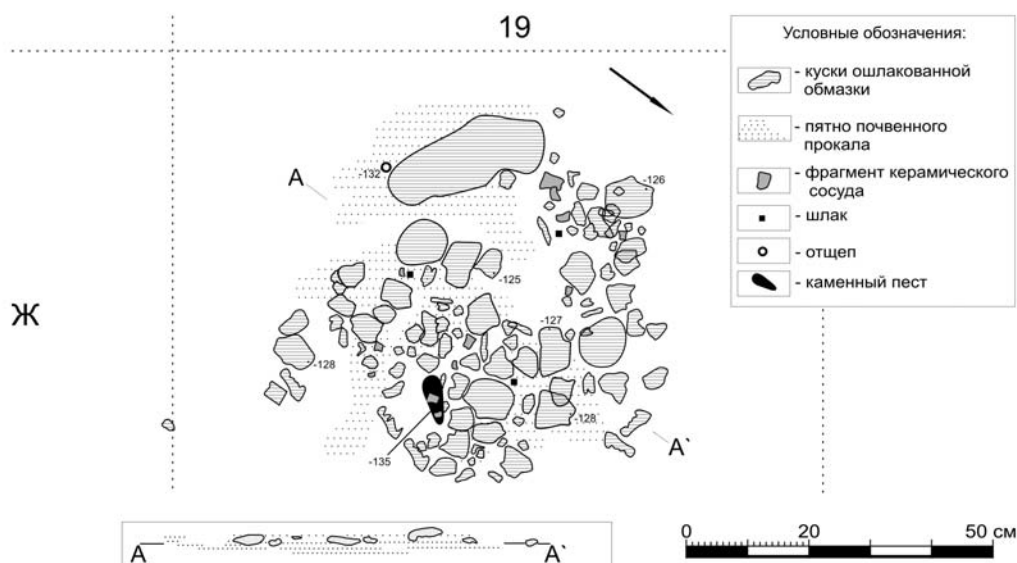

Рис. 4. Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1. Горизонт 1, объект 1

Объект 2 (рис. 5) – скопление из 46 фрагментов керамического сосуда с обмозочно-валиковой орнаментацией. При разборе скопления также были най-

дены фрагмент каменного диска (ил. 1 – 8), кусок ошлакованной стенки медеплавильной печи и 16 отщепов, два из которых со вторичной обработкой.

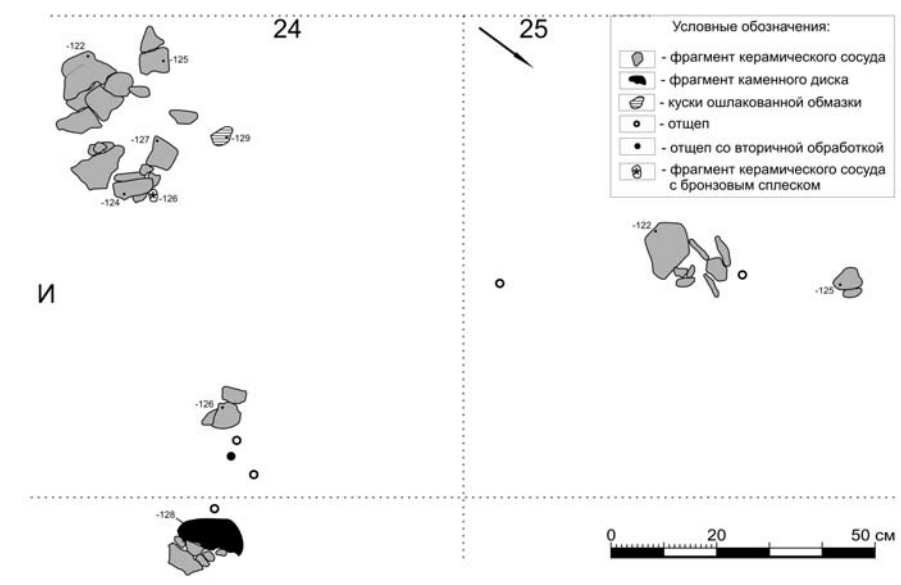

Рис. 5. Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1. Горизонт 1, объект 2

Объект 3 (рис. 6) – скопление из мелких колотых камней, кусков ошлакованной стенки медеплавильной печи и

74 мелких фрагмента керамики. При разборе скопления найдено семь каменных отщепов, один из которых

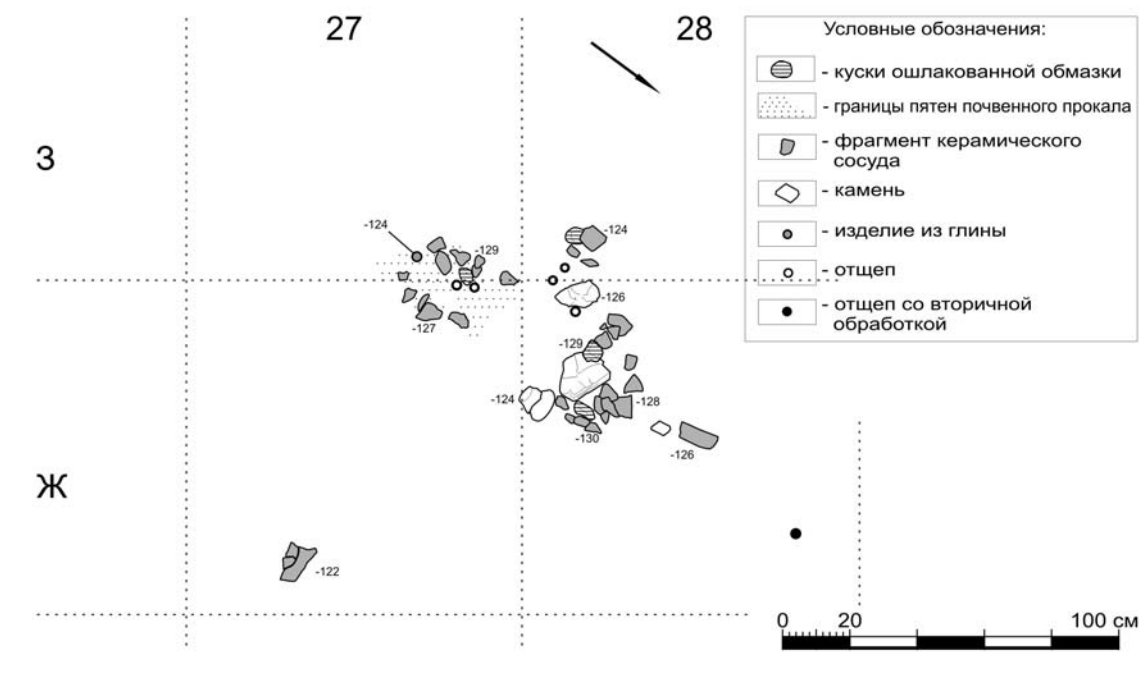

Рис. 6. Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1. Горизонт 1, объект 3

со следами вторичной обработки и одно глиняное изделие. Непосредственно под скоплением в южной его части прослежено незначительное аморфное пятно красно-охристого почвенного прокала.

Объект 4 (рис. 7) – скопление из мелких колотых камней, кусков ошлакованной стенки медеплавильной печи, 171 мелкого фрагмента керамики и каменного диска. В пределах объекта и при его разборке также были найдены каменный диск, керамическая «фишка», три отщепы, в том числе один со следами вторичной обработки, и бронзовый сплеск.

Объект 5 (рис. 8) – скопление из мелких кусков ошлакованной стенки медеплавильной печи, 177 мелких фрагментов керамики и 14 обломков керамических «фишек». При разборке скопле-

ния были также найдены каменный нож, девять отщепов, один бронзовый сплеск и один кусок металлургического шлака. Непосредственно под объектом по всей его площади прослежено пятно красно-охристого почвенного прокала мощностью до 0,1 м.

Объект 6 (рис. 9) – скопление из мелких колотых камней, кусков ошлакованной стенки медеплавильной печи и 62 мелких фрагмента керамики. При разборке скопления было также найдено восемь отщепов.

Объект 7 (рис. 10) – скопление из мелких кусков ошлакованной стенки медеплавильной печи и 307 фрагментов керамических сосудов. В центре скопления выявлено слабое аморфное пятно рыжевато-охристого почвенного прокала

Бронзолитейная площадка раннего железного века на стоянке Взвоз в Северном Приангарье

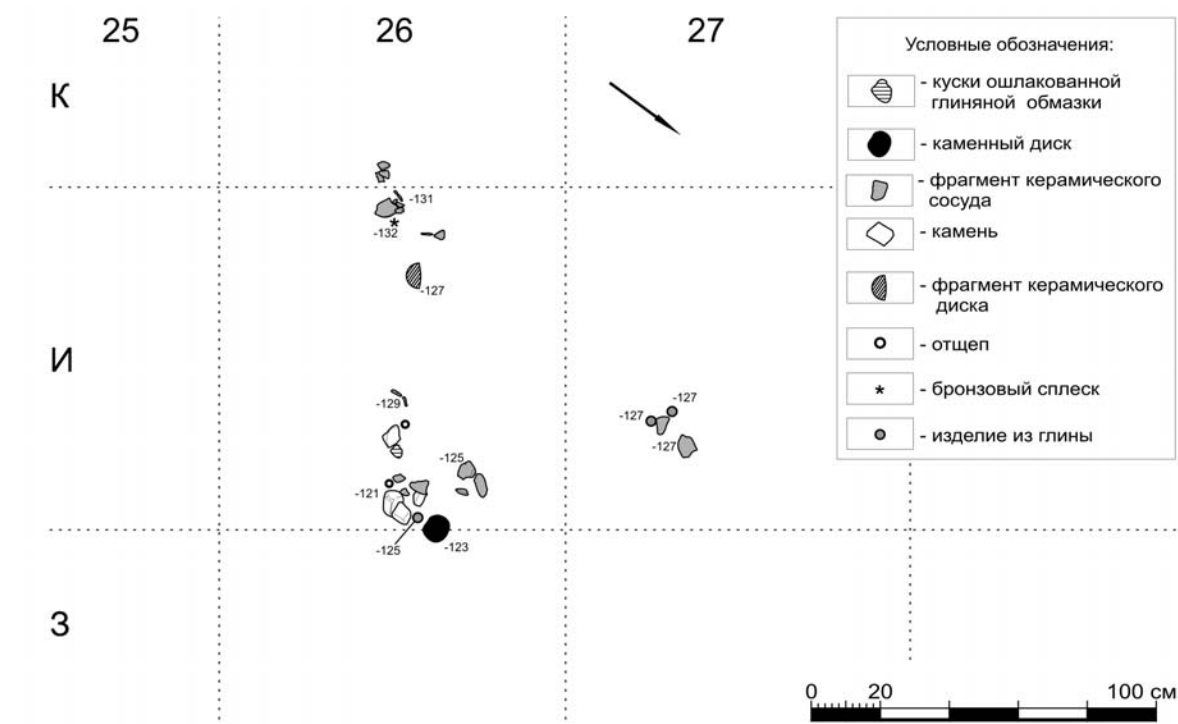

Рис. 7. Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1. Горизонт 1, объект 4

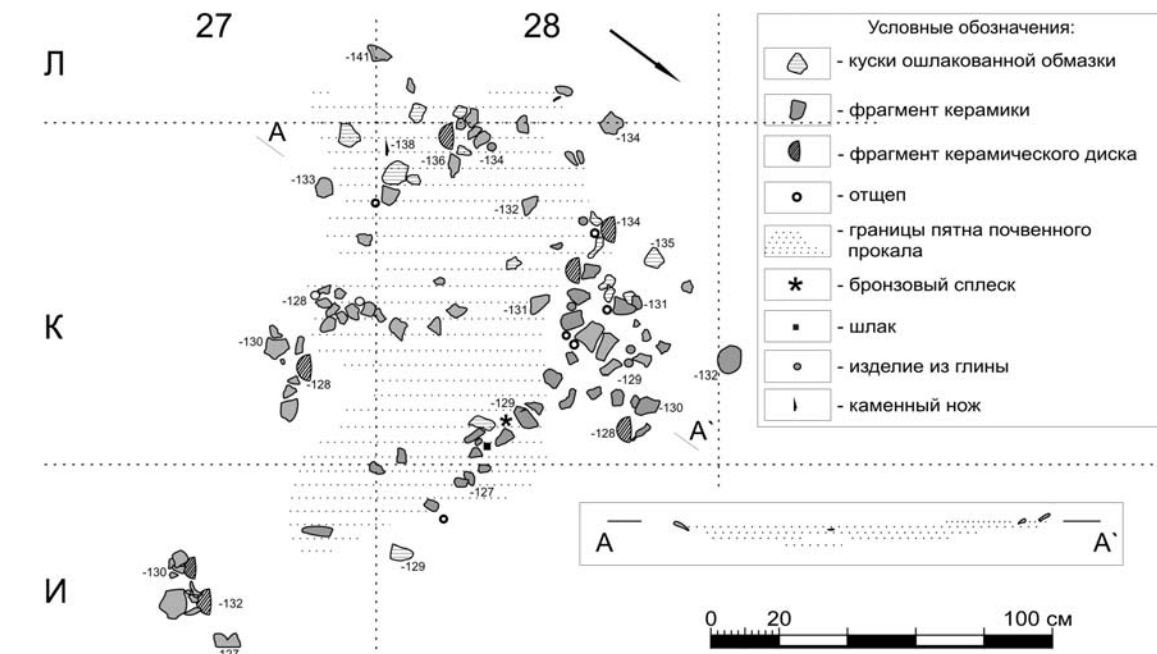

Рис. 8. Взвоз, пункт 2. Раскоп 1. Горизонт 1, объект 5

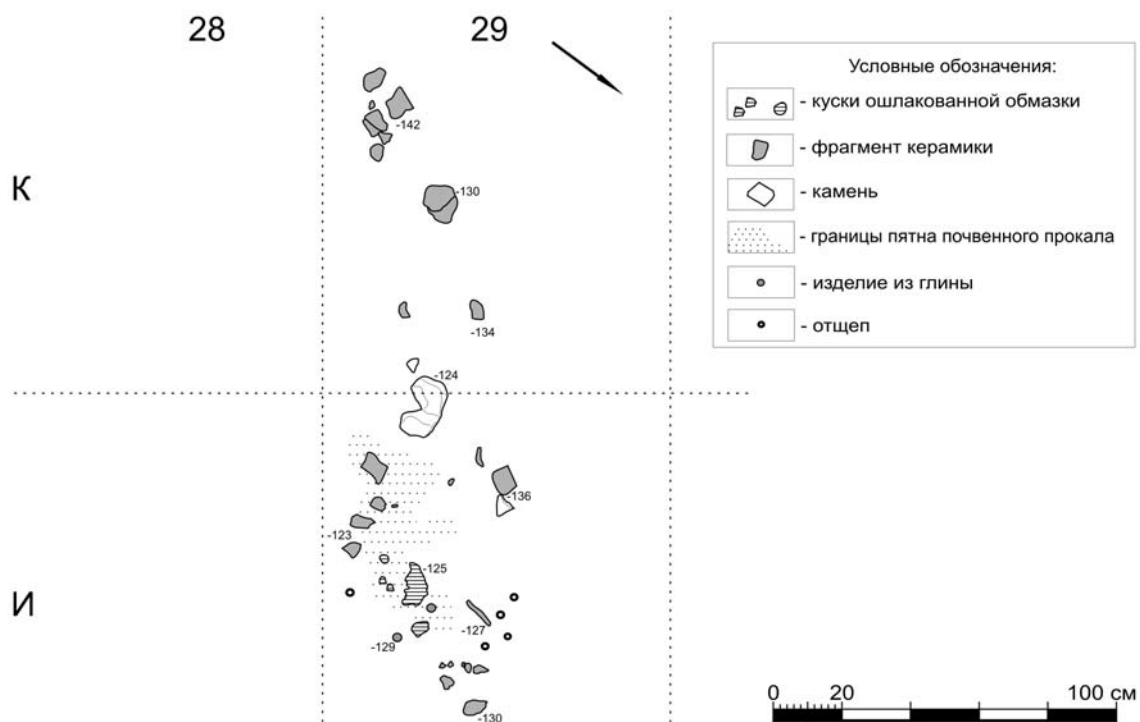

Рис. 9. Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1. Горизонт 1, объект 6

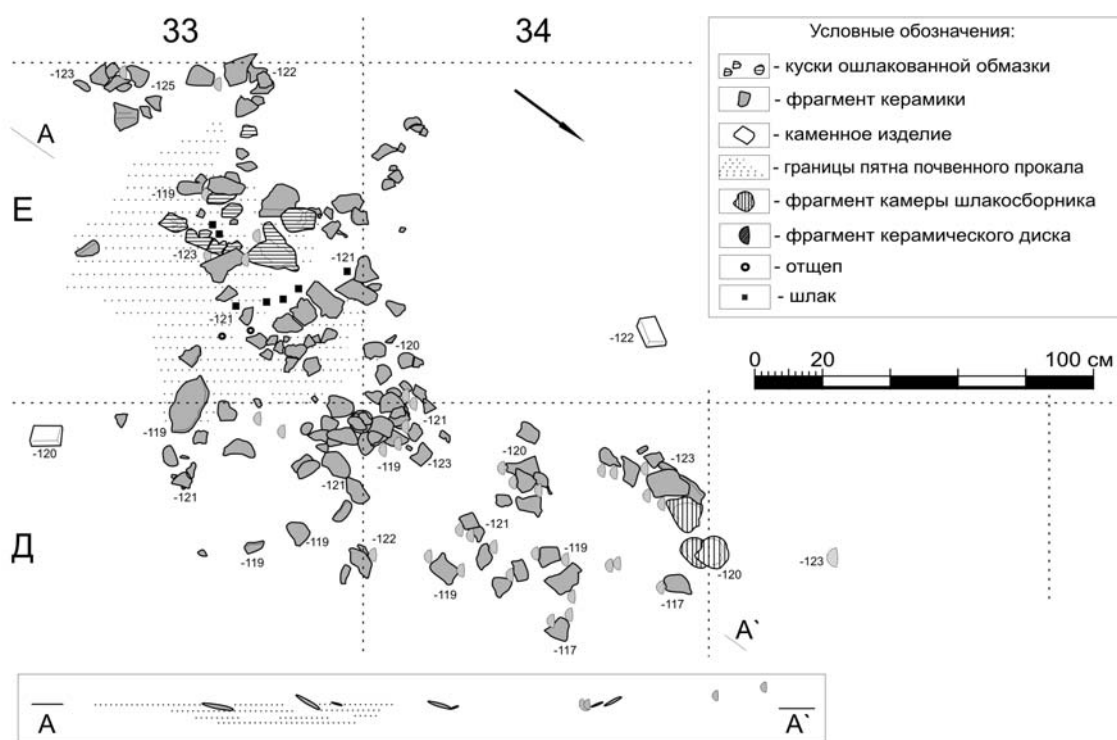

Рис. 10. Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1. Горизонт 1, объект 7

мощностью до 0,04 м. Среди обломков сосудов найдено 36 фрагментов от пяти дисков, выточенных из осколков керамики, три крупных обломка сильно ошлакованной стенки сферической камеры медеплавильной печи¹ (ил. 1 – 3), два фрагмента прямоугольного мелкозернистого каменного абразива и семь кусков металлургического шлака.

Объект 8 (рис. 11) – скопление из кусков ошлакованной стенки медеплавильной печи, 15 мелких фрагментов керамических сосудов и камней без следов обработки, залежавших в слое тлена формовочной массы от стенок печи. При разборке скопления в подстилающем его слое слабо прокаленной почвы найдены 15 отщепов, из них один со следами вторичной обработки, и каменная пластина.

Объект 9 (рис. 12) – скопление из кусков ошлакованной стенки медеплавильной печи, 108 фрагментов керамических сосудов и камней без следов обработки, залежавших в слое тлена формовочной массы от стенок печи. При разборке скопления в его пределах и в слое подстилающей слабо прокаленной почвы были также найдены керамическое и каменное изделия и девять отщепов.

Объект 10 (рис. 13) – плотное скопление округлой формы (0,82 × 0,8 м) из 98 фрагментов керамического сосуда.

¹ По мнению П. В. Мандрыки, это фрагменты стенки тигля.

Среди обломков сосуда найдены две крупные речные гальки без следов обработки.

Как было указано выше, один из выявленных объектов представлял собой плотное скопление ошлакованных фрагментов камеры медеплавильной печи (объект 1), а два – развалы керамических сосудов или их частей (2 и 10). Остальные объекты (3–9) были образованы скоплениями обломков глиняных стенок металлургических печей, фрагментов керамики, шлаков, сплесков и изделий из глины («фишек») и камня. Характер и состав археологического материала в этих скоплениях, а также следы интенсивного прокала почвы под ними позволили интерпретировать объекты 5, 7 и 9 как остатки разрушенных медеплавильных печей, а объекты 3, 4, 6 и 8 – как их отдельные фрагменты.

Таким образом, на исследованном участке памятника располагались по меньшей мере четыре медеплавильные печи, полностью разрушенные еще в древности. Реконструировать их точную форму и размеры не представляется возможным. Наиболее полное представление об их конструктивных особенностях дает объект 1. Судя по характеру образовывавшего его плотного скопления ошлакованных кусков глиняной стенки и пятна почвенного прокала под ним, эта печь состояла лишь из небольшой –

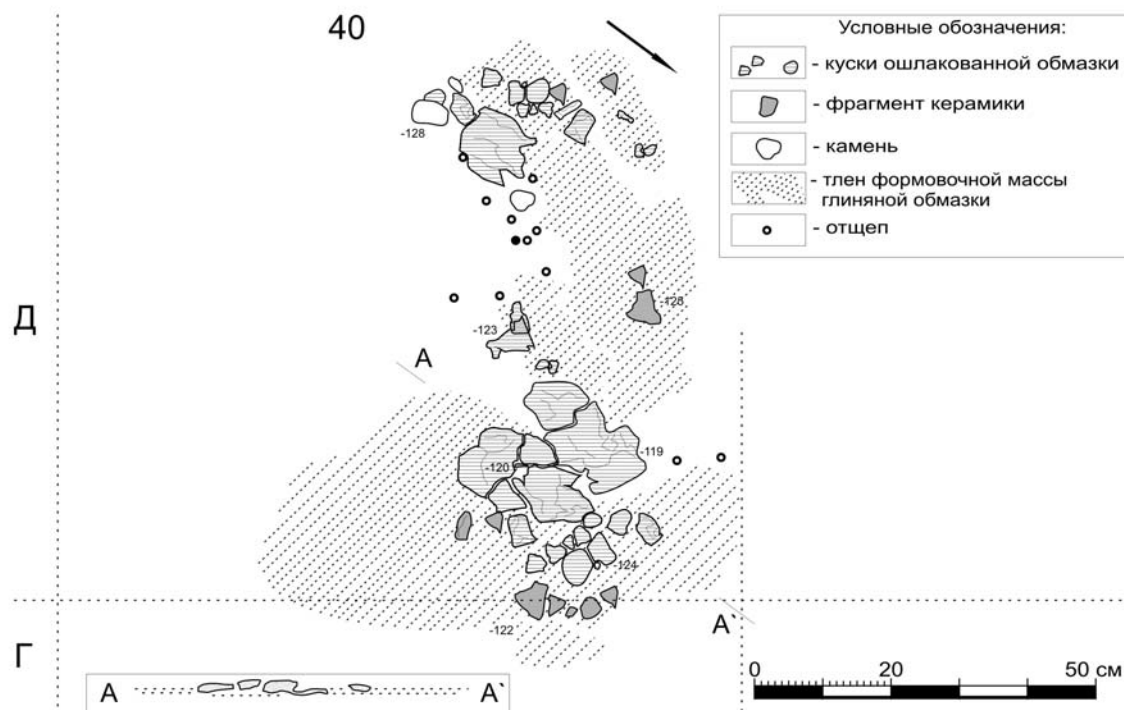

Рис. 11. Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1. Горизонт 1, объект 8

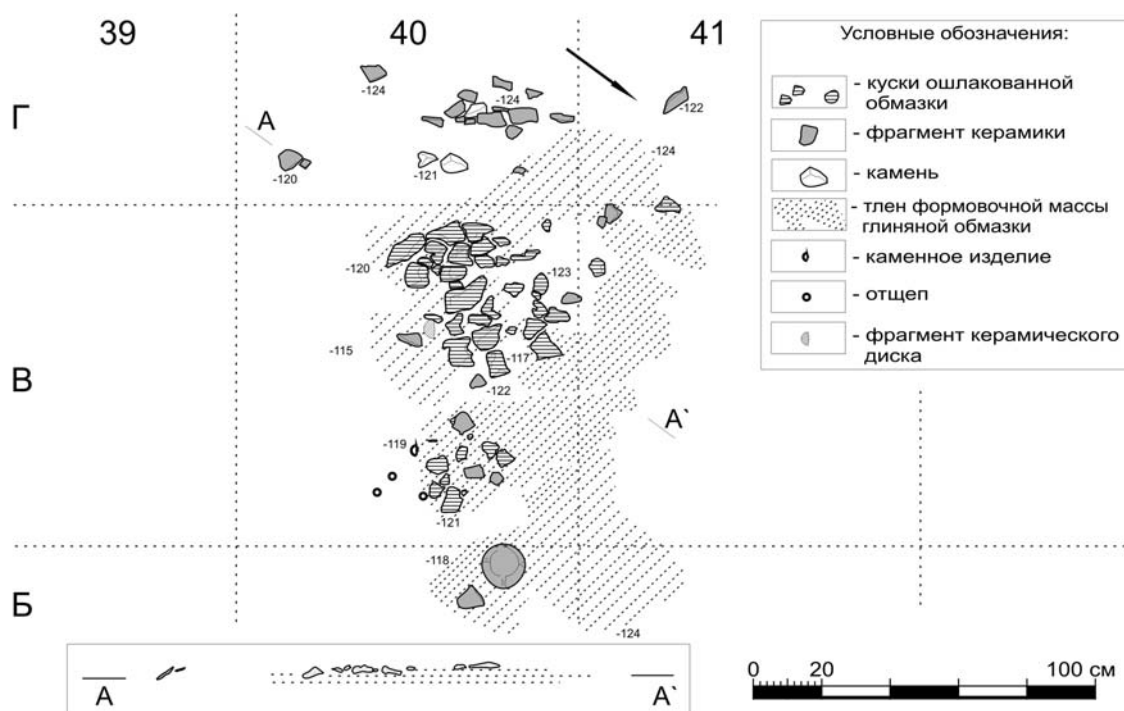

Рис. 12. Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1. Горизонт 1, объект 9

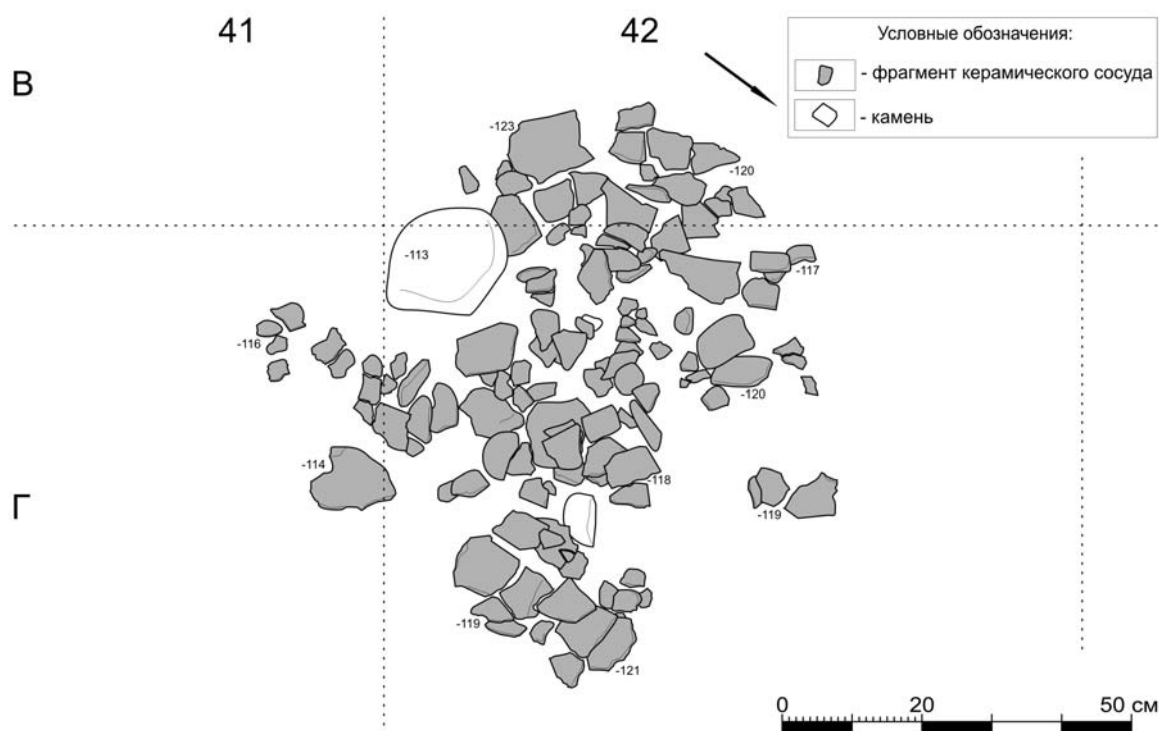

Рис. 13. Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1. Горизонт 1, объект 10

диаметром менее одного метра — надземной камеры. Ее низкие стенки без применения какого-либо каркаса были сбиты из спрессованного красноцветного суглинка с интенсивной примесью измельченной жженой кости и толченой керамики. Следов пода, ямы шлакосборника, металлоприемника или шлакоотводника выявить не удалось. Все куски стенок, найденные в других объектах, по своему размеру также невелики (их средняя толщина около 3–5 см) и не имеют на поверхности земляной корки, что свидетельствует о том, что они являлись частями надземных конструкций. Поверхность всех обломков ровная, без извилин и отверстий. Лишь единицы из них оказались ошлакованы вплоть до

остекления, подавляющее же большинство было обожжено крайне слабо. Остается неясным происхождение трех крупных обломков сильно ошлакованной стенки небольшой полый камеры сферической формы, найденных на периферии объекта 7, а также поблизости от него (ил. 1 – 3, 4). Отсутствие на их внешней поверхности земляной корки указывает на то, что и данная камера не была обмазкой стенок ямы и, следовательно, не может являться остатками шлакоаккумулятора.

Следует отметить, что как в непосредственной близости от объектов, так и в целом на вскрытой территории памятника количество найденного металлургического шлака оказалось ничтожно

малым, отсутствовали куски руды. Эти обстоятельства, а также простейшая конструкция самих печей (надземная небольшая глинобитная камера без каких-либо дополнительных элементов) позволяют предполагать, что все выявленные металлургические объекты предназначались для плавки не руды, а медного и бронзового лома. Сами печи носили одноразовый характер и после их использования полностью разрушались.

Металлические предметы из первого культурного горизонта (преимущественно из объектов) имеют медную основу (табл. 1)¹. В их числе один наконечник стрелы из мышьяковой меди или бронзы и остатки бронзолитейного производства – сплески. В четырех сплесках фиксируется лигатура олова, в одном из этих случаев олово – единственная легирующая добавка (15,9 %). Металл сплеска из объекта 1 относится к разряду высокооловянистых бронз (22,1 %). В остальных образцах олово присутствует наряду с примесями мышьяка. Мышьяк выявлен в семи образцах (от 0,89 до 6,43 %). Судить о естественном или искусственном характере присадок мышьяка к меди затруднительно. В коллекции можно выделить четыре химико-

металлургических группы: «чистая» медь (капли меди на четырех фрагментах стенок печей и на внутренней поверхности тигля, два сплеска и шлак); мышьяковая медь или бронза (один фрагмент ошлакованной стенки печи с каплей металла и три сплеска); оловянисто-мышьяковая бронза (один сплеск); оловянистая бронза (три сплеска). Доля сплавов с оловом составляет 23,5 %.

Плавка металла осуществлялась в керамических тиглях. Возможно, их обломками являются несколько черепков керамических сосудов с ошлакованной внутренней поверхностью (ил. 1 – 5). В качестве емкости для разливания расплавленного металла – льячки – мог использоваться маленький толстостенный сосуд, довольно грубо сформованный из цельного куска глины и скупо орнаментированный по внешнему краю венчика косыми насечками (ил. 1 – 2).

При сооружении стенок печей использовались черепки глиняных горшков. Всего в первом горизонте, как в объектах, так и за их пределами, было найдено 2 675 фрагментов не менее чем от 80 сосудов. Несмотря на это почти все горшки представлены крайне малым количеством обломков. Это объясняется тем, что изначально они утратили свою целостность за пределами обследованной площади – на не выявленной нами территории поселения, – а на рабочую

¹ Здесь и далее приводятся данные энергодисперсионного анализа, проведенного на сканирующем электронном микроскопе JEOL JSM-6390 LA аналитиком С. Ю. Лырщиковым. Работы были проведены в Кемеровском научном центре в 2012 г.

Бронзолитейная площадка раннего железного века на стоянке Взвоз в Северном Приангарье

площадку попали лишь черепки. Здесь их дополнительно измельчали каменными пестами или молотами (ил. 1 – 1) и смешивали с тощим суглинком и жженой костью; эта масса становилась сырь-

ем для изготовления стенок плавильных печей. Более крупные керамические обломки, вероятно, использовались для внешней обкладки с целью дополнительной термоизоляции.

Таблица 1
Результаты энергодисперсионного анализа находок из первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2

№ п/п	Предмет	Объект/квадрат	Cu	As	Sn	Fe
1	Сплеск (№ 92-2010) – ил. 1 – 9	Д/29	осн.		15,9	0,37
2	Сплеск (№ 92-2010) – ил. 1 – 10	Д/29	осн.	5,22		
3	Сплеск (№ 89-2010) – ил. 1 – 13	Д/28	осн.	3,27		
4	Сплеск (№ 102-2010)	Е/28 (объект 3)	осн.	5,91		
5	Наконечник стрелы (№ 79-2010) – ил. 1 – 15	Г/29	осн.	1,63		
6	Сплеск (№ 83-2011)	Объект 1	осн.	0,99	22,1	
7	Сплеск (№ 450-2011)	Объект 4	осн.	1,19	1,99	
8	Сплеск (№ 451-2011)	Объект 5	осн.			
9	Сплеск (№ 261-2011)	3/30 (объект 6)	осн.	6,43	5,61	
10	Сплеск (№ 253-2011)	3/28 (объект 3)	осн.			
11	Капля металла на стенке керамического сосуда (№ 241, 296-2011) – ил. 1 – 5	3/26 (объект 4)	осн.			
12	Капля металла на стенке печи (№ 362-2011)	Объект 5	осн.			
13	Капля металла на стенке печи (№ 332-2011)	К/21	осн.	0,89		
14	Капля металла на стенке печи (№ 27-2011)	Г/36	осн.			
15	Капля металла на стенке печи (№ 311-2011) – ил. 1 – 12	И/30 (объект 6)	осн.			1,11
16	Капля металла на стенке печи (№ 6-2011) – ил. 1 – 4	Б/34	осн.			
17	Шлак с металлом (№ 254-2011) – ил. 1 – 11	3/28 (объект 3)	осн.			

Часть найденных на стоянке кусков обожженной глины, возможно, являлись фрагментами литейных форм (ил. 1 – 6, 7). Все они обнаружены в пространстве между объектами 3 и 7 (кв. Д/29-30,

Е/29). К сожалению, фрагментарность форм не позволяет говорить о конкретном типе изделий, изготавливавшихся на памятнике. Ранее мы уже упоминали о двухстворчатой литейной форме кель-

та – случайной находке в деревне Соколово, находившейся на соседнем острове через протоку Ангары шириною в 0,6 км, напротив стоянки Взвоз [Герман, Леонтьев, 2013, с. 65, 67]. В. И. Привалихин предположил, что форма была найдена не в самой деревне Соколово, а на противоположном от нее острове Сергушкин, где у соколовских крестьян располагались угодья для заготовки сена, сбора грибов и ягод. Вполне возможно, что в один из таких визитов на Сергушкин и была обнаружена литейная форма.

Культурную принадлежность группы, оставившей металлургическую площадку, позволяють определить многочисленные фрагменты сосудов, типологический анализ которых дает возможность соотнести керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 с посудой цэпаньского облика раннего железного века Северного Приангарья. Такой атрибуции не противоречат и другие находки в первом культурном горизонте: орудия из камня, бронзовый наконечник стрелы (ил. 1 – 15) и железная поясная бляшка (ил. 1 – 14). О последней находке следует сказать подробнее.

Железная бабочковидная бляшка имеет две центрально симметричные уплощенные лопасти Ω -образной формы, обращенные округлыми вершинами к центру. Лопасти соединены перемычкой

с полусферическим выступом на лицевой стороне и петелькой на оборотной. Одна из лопастей имеет лучшую сохранность. На ней неглубокими прорезными линиями изображена обращенная вверх стилизованная голова безрогого травоядного (?) животного (лошади?) на изогнутой короткой шее, украшенной образующими елочный узор полосками. В пространстве между нижней челюстью животного и изгибом шеи выполнено сквозное круглое отверстие. Вторая лопасть сильно коррозирована. Судя по слабо заметным остаткам изображения и позолоты, она была тождественна первой лопасти, но голова животного на ней была обращена в противоположную сторону так, чтобы вместе они образовывали фигуру в виде волюты. Энергодисперсионный анализ фрагмента обкладки железной основы бабочковидной бляшки (76 % золота и 21,2 % серебра) говорит о том, что она сделана из относительно низкопробного самородного золота (по терминологии Н. В. Петровской [1973, с. 120]). Отсутствие в металле концентраций меди, возможно, вызвано низкой чувствительностью произведенных определений. Так или иначе, надо полагать, что ее содержание в металле было незначительным. Подобное соотношение элементов присуще, например, золоту из рудопроявлений Енисейского кряжа, Забайкалья и Нижнего Приамурья, кото-

рые характеризуются пониженным содержанием меди [Там же, с. 92, 101].

В настоящее время с археологических памятников Северного Приангарья известна большая серия бабочковидных бляшек (см., например [Гревцов, 2013, рис. 15–17]). Некоторые экземпляры с Усть-Тасеевского культового места сделаны из железа [Там же, с. 99]. Еще две железные бляшки обнаружены на культовом комплексе Каменка-1 [Заика, Оводов, Орлова, 2013, рис. 11 – 9, 10]. Для трех объектов из раскопа 2, в котором были обнаружены бляшки, получены радиоуглеродные даты [Там же, с. 117]. Суммарный калиброванный диапазон по удвоенной сигме для этих дат приходится на V – конец III вв. до н. э.¹. Но при этом следует отметить, что железные бляшки были обнаружены вне контекста датированных объектов, а сам слой содержал находки как раннего железного века, так и Средневековья.

Кроме североангарских аналогий находке на Взвозе территориально близки железные бляхи из комплексов № 1, 3, 6 и 8 могильника Байкальское XXXI (северное побережье оз. Байкал), датированных второй половиной I тыс. до н. э. [Коростелев, 2005, с. 206, рис. 1 – 16, 18]. Эту дату подтверждают данные

радиоуглеродного анализа по костям погребенных из комплексов № 1 и 8: № 1 – 2130 ± 50 (СОАН-4100), № 8 – 2025 ± 75 (СОАН-4878) [Там же]. Калиброванный диапазон по удвоенной сигме для комплекса № 1 соответствует середине III – середине I вв. до н. э., для комплекса № 8 – концу III в. до н. э. – первой трети II в. н. э. На основании приведенных калиброванных интервалов есть основание полагать, что время возникновения этих комплексов – не раньше III в. до н. э.

Время бытования аналогичных железных блях из комплексов раннего железного века на территории Верхнего Приобья и Тувы исследователи определяют в пределах V–III вв. до н. э. [Троицкая, 1970, с. 216, рис. 2 – 6; Добжанский, 1990, с. 24; Мандельштам, 1992, с. 179, 190]. К этому же периоду или несколько позднее (с IV в. до н. э.) следует отнести распространение железных бабочковидных блях в Циркумбайкальском регионе.

Железная бляшка со Взвоза планиграфически не относится ни к одному из выделенных объектов и в связи с этим не является надежным маркером для датировки бронзолитейного комплекса. Тем не менее предложенная выше дата не противоречит выводам о хронологии керамического комплекса первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2. Поэтому именно этим временем

¹ Здесь и далее приводится калибровка дат, осуществленная с помощью программы OxCal v. 4.2.4 Bronk Ramsey (2013); r:5; IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

следует предварительно датировать весь бронзолитейный комплекс стоянки Взвоз, пункт 2.

В. И. Привалихин ранее уже отмечал ряд находок в Северном Приангарье, связанных с металлургией бронзы цэпаньской культуры [Привалихин, 1994, с. 204; 2011, с. 167]. Исследования на памятнике Взвоз позволяют существенно дополнить наши знания по этой проблеме. Коллекция металла стоянки Взвоз дополняет имеющиеся данные об элементном составе бронз раннего железного века Северного Приангарья. Ранее уже были получены результаты анализов металла цэпаньской культуры с памятников Сергушкин-3, Окуневка, Отико и Пашино

[Привалихин, 2011, с. 166; Герман, Савельева, 2010]. По имеющимся у нас данным исследованные на Взвозе объекты являются пока что единственной известной бронзолитейной площадкой раннего железного века в Северном Приангарье. Ее материалы не дают положительного ответа на вопрос о существовании у ангарских «скифов» полного цикла получения меди, начиная с переработки руды. Специфика конструкции печей на стоянке Взвоз, пункт 2 подтверждает мысль об использовании цэпаньцами в качестве сырья привозной меди и металлического лома в бронзолитейном производстве [Привалихин, 2011, с. 167; Гревцов, Лысенко, 2013, с. 192].

Список литературы

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Результаты полевых исследований на памятниках Сергушкин-3 и Взвоз в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 500–505.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Работы на острове Сергушкин в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 381–385.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Неолитическое святилище на острове Сергушкин в Северном Приангарье (результаты исследований 2010 года) // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: материалы Всеросс. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – Вып. 1. Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культура. – С. 78–85.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых изысканий 2009–2011 гг.) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 57–72.

Герман П. В., Савельева А. С. Новые данные о бронзах Северного Приангарья // III археологический конгресс: тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 2010. – С. 81–82.

Гревцов Ю. А. Воинские пояса скифской эпохи Северного Приангарья по материалам Усть-Тасеевского культового комплекса // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 92–106.

Гревцов Ю. А., Лысенко Д. Н. Новые материалы о древнем металлургическом производстве в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 187–196.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: НГУ, 1990. – 164 с.

Заика А. Л., Оводов Н. Д., Орлова Л. А. Следы медвежьего культа на Нижней Ангаре в эпоху раннего железа – Средневековья (фрагментарный обзор проблемы) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 107–129.

Зенин А. Н. Научно-технический отчет по итогам выполнения работ по договору 27/09/07/ИАЭТ проект «Водохранилище Богучанской ГЭС»: материалы к разделу проекта «Обеспечение сохранности объектов археологического наследия, расположенных в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на р. Ангара». – Новосибирск, 2008. – Ч. I. – 329 с.

Коростелев А. М. Украшения населения северного побережья оз. Байкал во второй половине I тыс. до н. э. // Истоки формирования и развития евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: материалы I (XLV) Росс. с междунар. участием археолог. и этнограф. конф. студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиан», 2005. – С. 205–207.

Мандельштам А. М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 178–196.

Петровская Н. В. Самородное золото (общая характеристика, топоморфизм, вопросы генезиса). – М.: Наука, 1973. – 347 с.

Привалихин В. И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 290 с.

Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. – Красноярск: КККМ, 2011. – С. 161–183.

Троицкая Т. Н. Курган большереченской культуры // СА. – 1970. – № 3. – С. 213–217.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПЕРВОГО КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА СТОЯНКИ ВЗВОЗ, ПУНКТ 2 (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

В 2010–2011 гг. первым Сергушкинским отрядом ИАЭТ СО РАН проводились спасательные археологические работы в пункте 2 памятника Взвоз, дислоцированного на северо-восточном (правом) берегу острова Сергушкин в среднем течении р. Ангара (Кежемский район Красноярского края). За этот период здесь сплошным раскопом было вскрыто 420 м² площади и выявлено два культуросодержащих горизонта, давших обильный археологический материал [Герман, Леонтьев, 2013, с. 62–67].

Находки первого культурного горизонта позволили уверенно отнести

время его формирования к раннему железному веку – началу эпохи Средневековья. В его кровле был найден 121 мелкий фрагмент разнотипных керамических сосудов, орнаментированных налепными жгутиковыми валиками, обмазочными валиками или печатными оттисками короткой мелкозубчатой гребенки, а также сосудов цэпаньского облика и неорнаментированных частей глиняных горшков (рис. 1 – 1–17). В средней и нижней части горизонта было найдено 2 675 фрагментов керамических сосудов, о которых пойдет речь в настоящей статье.

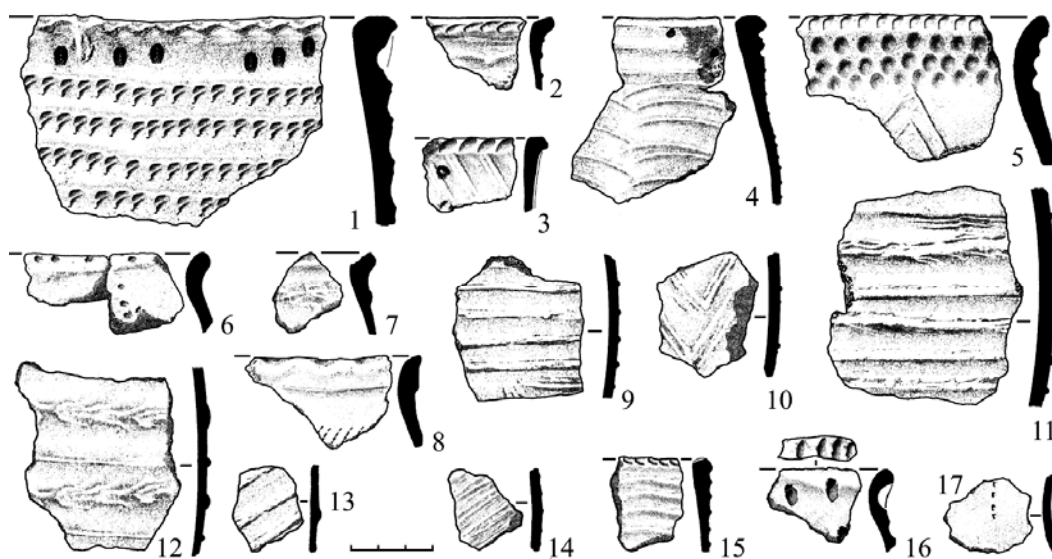

Рис. 1. Керамический материал верхних литологических слоев стоянки Взвоз, пункт 2

Подавляющая часть керамического материала, так или иначе, была приурочена к выявленным здесь же объектам металлургического характера¹. Почти вся керамика была мелко фрагментирована, перемешана друг с другом и рассеяна на значительной площади (обломки одного и того же горшка встречались на расстоянии до 6–7 м друг от друга). Представление о технологии изготовления, морфологии и орнаментации посуды дают только репрезентативные крупные фрагменты, осколки венчиков, а также два развала горшков (объекты 2 и 10). Судя по ним, до 90 % всей керамики первого горизонта принадлежит к одному типу. Его составляют черепки достаточно крупных – с диаметром устья от 20 до 40 см – сосудов, изготовленных из тощего или средней пластичности теста с примесью песка или дресвы, емкость которых, вероятно, была моделирована на шаблоне с последующей уплотняющей выбивкой гладкой колотушкой и тщательным затираем стенок. Цвет горшков – коричневатых и коричневатосерых оттенков – указывает на обжиг в неравномерно-окислительной среде открытого кострища.

Морфология этих сосудов достаточно однородна. Судя по сохранив-

шимся крупным фрагментам, это были горшки с корпусом закрытой овалоидной формы, округлым днищем и экватором, расположенным на середине или в верхней трети высоты корпуса и существенно превышающим диаметр венчика (табл. 1 – 1 – А, В). Плечики горшков покатые, шейки относительно высокие, немного вогнутые или, реже, прямые. Венчики слабо отогнуты наружу и имеют округлый, скошенный наружу или плоскосрезанный бортик.

Характерной чертой рассматриваемой керамики является заметно утолщенная внешняя сторона приустьевой зоны (рис. 2 – 15–27; 3 – 1–16). У большей части сосудов это достигнуто путем наложения поверх уже смоделированной шейки дополнительной широкой глиняной ленты, которая тщательно расформовывалась по верхнему и нижнему краям. В результате шейка и венчик горшка образовывали своеобразный «воротничок», имеющий толщину в два раза большую (до 1–1,2 см), чем толщина стенок (0,3–0,5 см). Разнообразие вариантов профиля приустьевой зоны в этом случае определялось первоначальной формой шейки, толщиной наложенной ленты и характером операций по ее расформовке (табл. 1 – 2А. 1–12).

У отдельных сосудов размеры накладной ленты были столь незначительны, что ее едва хватило, чтобы покрыть

¹ Подробнее об этих объектах смотрите статью П. В. Германа, С. Н. Леонтьева и А. С. Савельевой в этом сборнике.

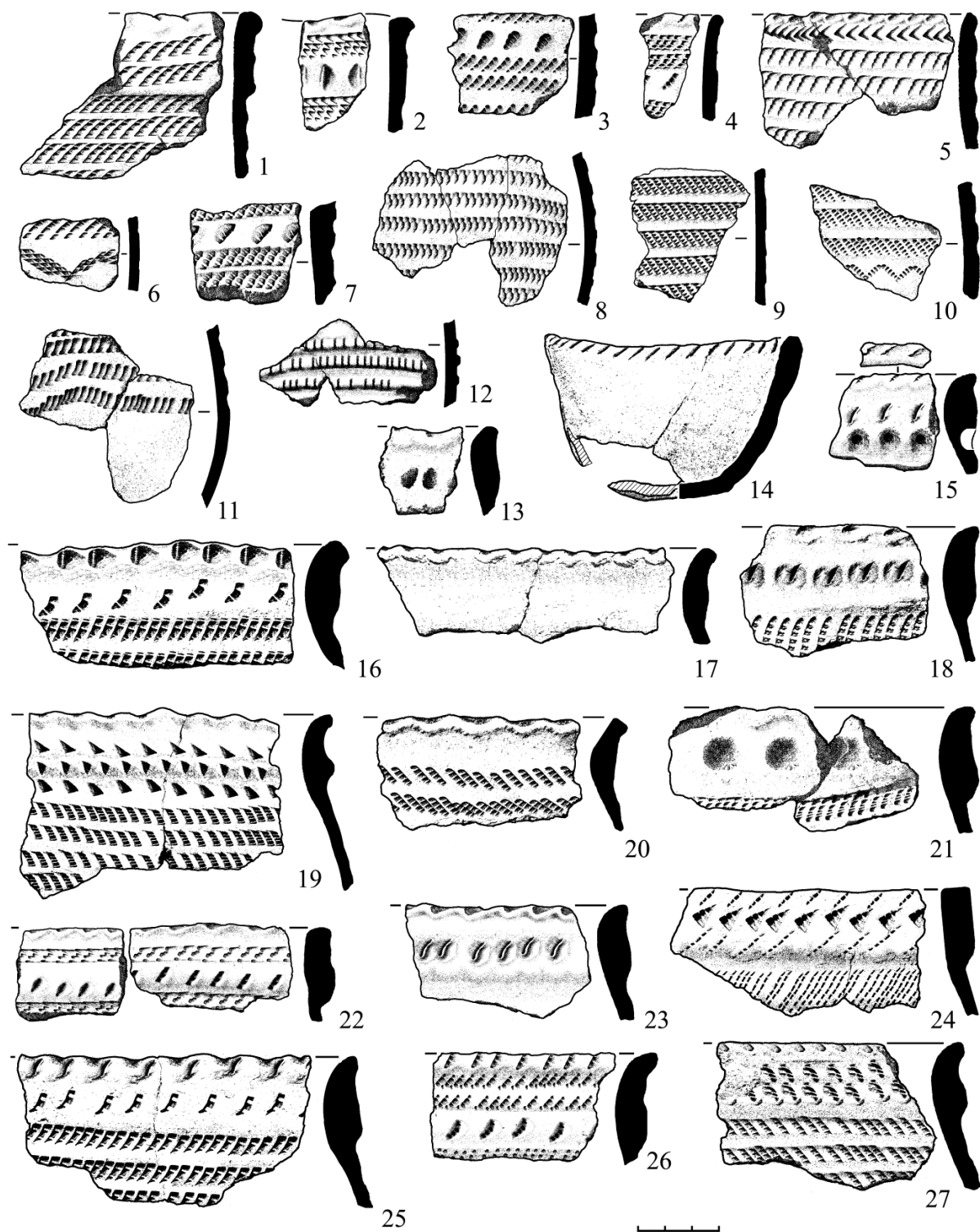

Рис. 2. Керамика первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2

лишь среднюю часть шейки. Потому после расформовки лента приобрела вид низкого уплощенного валика, а венчик сохранил свою первоначальную форму

с сильным отгибом наружу, напоминающим внешний округлый козырек (рис. 2 – 16, 17, 20, 27; 3 – 6, 7; табл. 1 – 2В. 2, 4).

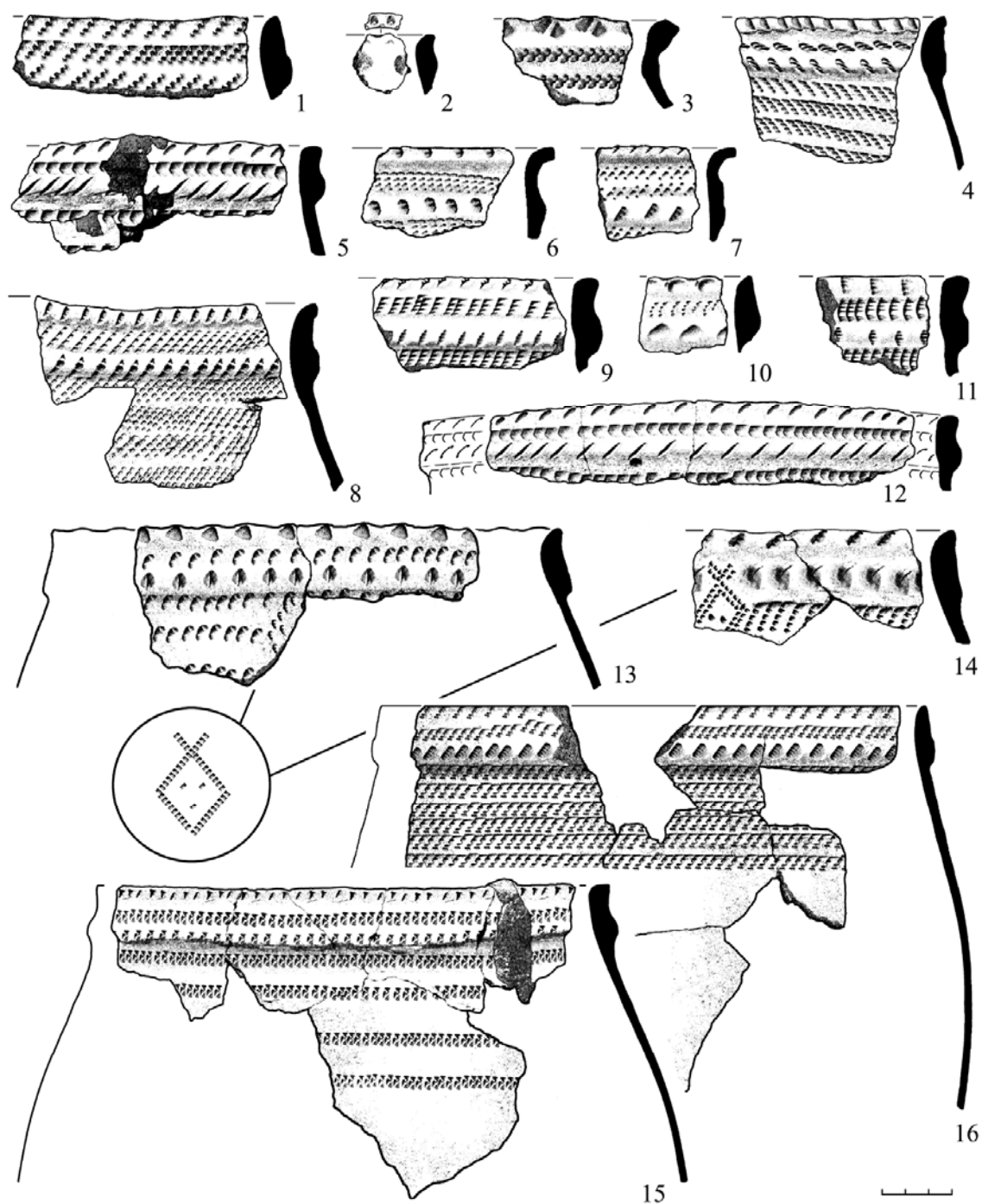

Рис. 3. Керамика первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2

Наконец, у одиночных сосудов шейка была утолщена подлепом не ленты, а узкого горизонтального валика, которому впоследствии было придано трапециевидное поперечное сечение (рис. 2 – 19; 3 – 8; табл. 1 – 2В. 1, 3).

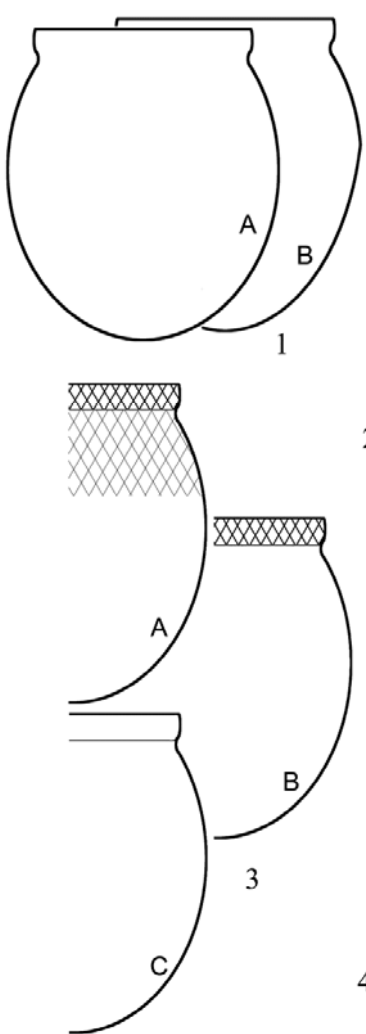
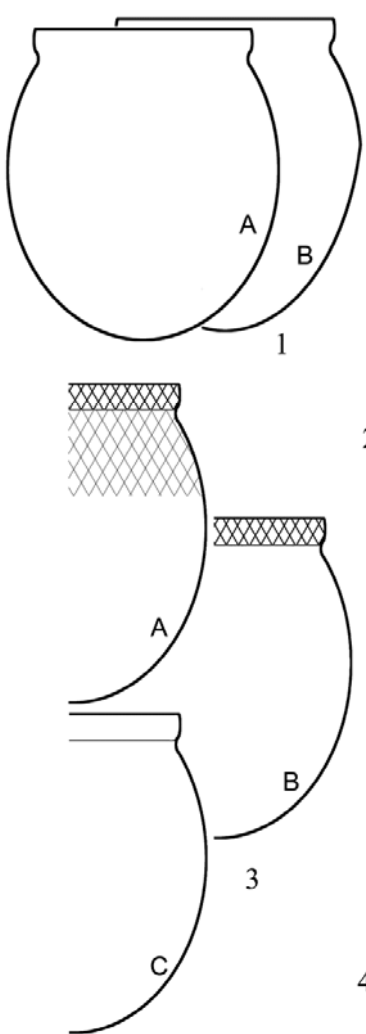
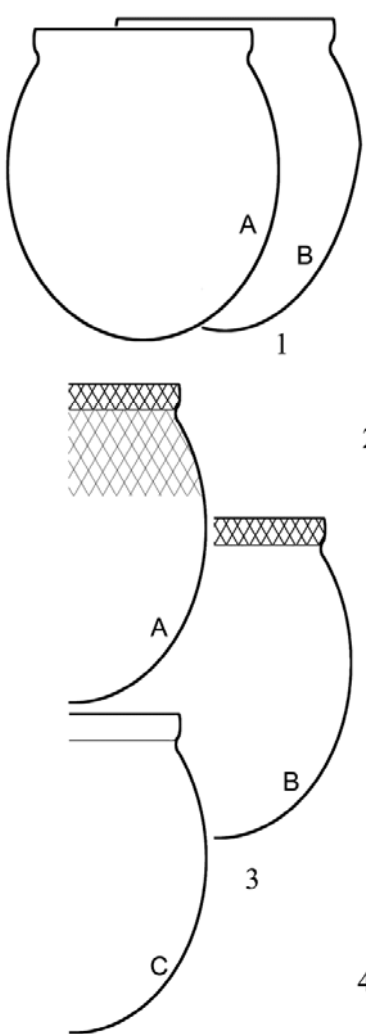
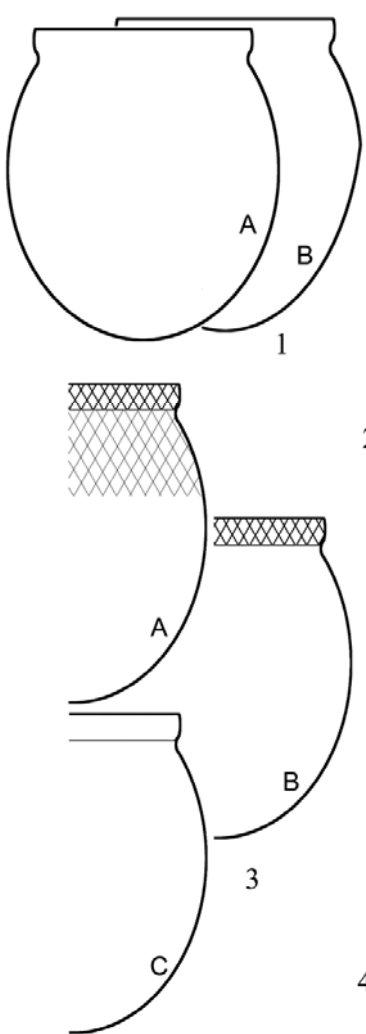
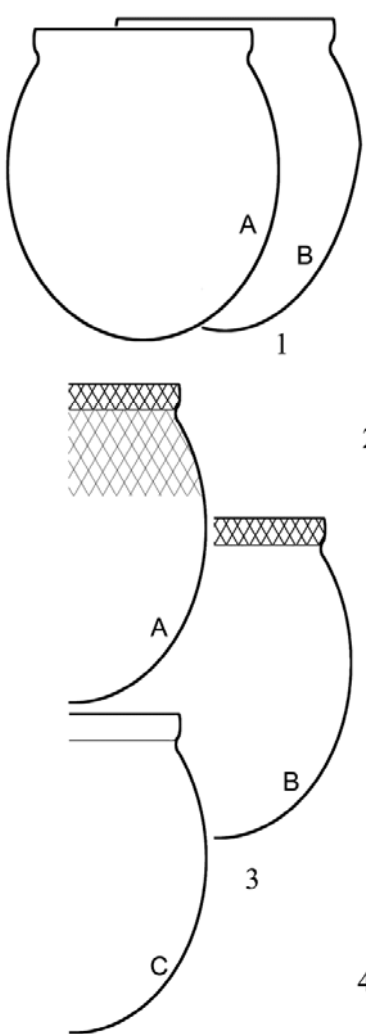
По степени и характеру орнаментации всю данную посуду можно разделить на три группы.

Первая группа (наиболее многочисленная): декор покрывает всю верхнюю треть сосуда и разделяется на две

зоны – подвенечную и плечико (табл. 1 – 3А). Орнамент приустьевой зоны играл здесь не только основную декоративную роль, но и выполнял функцию дополнительной расформовки и укрепления приустьевого «воротничка». Поэтому наколы

и вдавления орнамента носят наиболее акцентированный характер. Бортик венчика украшался оттисками косопоставленной зубчатой или гладкой лопатки, ребра палочки, пальцевыми вдавлениями или защипами (рис. 2 – 16–18, 22, 25–27;

Таблица 1
Керамика взвозовского типа стоянки Взвоз, пункт 2

	1		„ВОРОТНИЧОК“			
	2		ВАЛИК			
	3		„ГЛАДКИЕ“			
	4		ВЕНЧИК			
ПЛЕЧИКО	ВЕРХ	1	А	1	2	3
		2		4	5	6
	НИЗ	3	В	7	8	9
		4		10	11	12

3 – 3–16). В большинстве случаев край венчика приобретал выраженный волнистый рельеф.

Шейка украшалась одной – тремя полосами частых право- или левонаклонных оттисков отступающей фигурной или зубчатой лопаточки (рис. 2 – 1, 20, 22–27; 3 – 1–11, 15, 16; табл. 1 – 4А). В последнем случае для выполнения среднего ряда либо использовался другой орнамент (рис. 3, 7–9; табл. 1 – 4А. 5), либо оттиски того же орнамента наносились более акцентированно (рис. 2 – 24; 3 – 6–8; табл. 1 – 4А. 4) или с иным интервалом (рис. 2 – 16, 22, 24; 3 – 1, 4, 9–11; табл. 1 – 4А. 3). Единичные сосуды были орнаментированы рядами отступающих вдавлений ребра и/или уголка гладкой лопаточки (рис. 3 – 5, 12; табл. 1 – 4А. 6).

Более редким вариантом декора шейки является ряд пальцевых вдавлений (рис. 2 – 15, 21; 3 – 2, 10, 14; табл. 1 – 4В. 7–8) или защипов (рис. 2 – 2, 13, 18; 3 – 13; табл. 1 – 4В. 9). Он выполнялся по центру «воротничка» шейки и только дважды был встречен в сочетании с цепочками оттисков лопаточки (рис. 3 – 10, 13). Лишь в одном случае глубокие пальцевые оттиски были нанесены по основанию ленты «воротничка» и дополнены выполненными внутри них круглыми ямочными вдавлениями (рис. 2 – 15).

Плечики сосудов этой группы украшены частыми горизонтальными рядами право- или левонаклонных отступающе-накольных оттисков фигурной, зубчатой или гладкой лопатки, как правило, той же, что применялась в декорировании подвенечной зоны (рис. 2 – 16, 18–22, 24–27; 3 – 1, 4–16; табл. 1 – 5. 1–5). На большинстве горшков оттиски орнамента были выполнены столь часто и интенсивно, что их ряды с внешней стороны черепков образовали глубокие желобки, а с внутренней стороны – рельефные валики. В некоторых случаях нижнюю часть декора плечиков дополнял пояс зигзага, образованный встречно направленными вдавлениями лопаточки (рис. 2 – 6, 10; табл. 1 – 5, 6–8). У двух сосудов в верхней части плечика – сразу под шейкой – оттисками зубчатой лопатки были нанесены стилизованные изображения ромбических личин (рис. 3 – 13–14; табл. 1 – 5.3).

Вторая группа (малочисленная): декор покрывает только подвенечную зону (рис. 2 – 13, 23; табл. 1 – 3В). Бортик венчика также украшался оттисками ребра палочки, пальцевыми вдавлениями или защипами, в результате чего он приобретал выраженный волнистый рельеф. Шейка орнаментировалась цепочкой пальцевых вдавлений и/или защипов. Оттиски лопаточки в декоре этих сосу-

дов отсутствуют, их плечики оставлены неорнаментированными.

Третья группа (единичные сосуды): орнаментирован только бортик венчика (рис. 2 – 17; табл. 1 – 3С).

К этому типу посуды примыкают и венечные фрагменты шестнадцати небольших (диаметр венчика менее 20 см) сосудов, прямой или отогнутый наружу венчик и едва намеченная вогнутая шейка которых не имели утолщений за счет подлепа накладной ленты или валика (рис. 2 – 2–5; 3 – 3; 5 – 1–3, 5–7; табл. 1 – 2С. 1–4). Бортик венчика этих горшков также был украшен отрисками ребра палочки, зубчатой лопаточки, пальцевыми вдавлениями или защипами, в результате чего он приобретал выраженный волнистый рельеф. Приустьевая зона выделена пояском угловых отрисков гладкой лопатки (рис. 2 – 5; 5 – 7), пальцевых защипов или вдавлений (рис. 2 – 2), разреженных отрисков зубчатой лопатки, либо не была никак орнаментально обособлена (рис. 5 – 2–3, 6). Верхняя часть корпуса этих сосудов украшена частыми горизонтальными рядами право- или левонаклонных отступающе-накольчатых отрисков зубчатой лопатки или (в одном случае) не орнаментирована вовсе (рис. 5 – 5).

К этому же типу керамики относятся и фрагменты двух сосудов с утолщенным венчиком – «воротнич-

ком», орнаментированным ногтевыми вдавлениями, чей корпус был украшен частыми горизонтальными валиками с низким рельефом (рис. 5 – 8; табл. 1 – 5, 4). Валики были выполнены путем наложения на предварительно заглаженную поверхность стенок тонких глиняных жгутов, которые расформовывались по краям ногтем и узкой лопаточкой. В слое почвы первого горизонта как в объектах, так и за их пределами было встречено свыше 40 разноразмерных фрагментов тонких (менее 0,5 см) стенок сосудов с тождественной орнаментацией, однако их связь с рассмотренным типом керамики остается неустановленной.

В целом, в рассмотренной группе глиняной посуды пункта 2 памятника Взвоз проявляется выразительное сходство с керамикой цэпаньской культуры [Привалихин, 2011, с. 167] или карабульского [Макаров, Быкова, 2011; Мандрыка, Сенотрусова, 2014, с. 75] типа раннего железного века Средней и Нижней Ангары. Последнюю характеризуют тождественные формы сосудов, утолщение венчика широкой накладной лентой (по В. И. Привалихину – валиком) и зональная орнаментация верхней части горшков, выполненная горизонтальными рядами право- или левонаклонных отступающе-накольчатых отрисков фигурной, зубчатой или гладкой лопатки в сочетании с пальцевыми вдавлениями и

защипами. Вместе с тем имеется и целый ряд существенных различий. Так, для эталонной посуды цэпаньского облика обязательным элементом орнамента является пояс глубоких пальцевых вдавлений или защипов по нижнему ребру широкой налепной ленты, в то время как на рассматриваемой керамике с памятника Взвоз он отмечен лишь на одном из более чем восьмидесяти сосудов (рис. 2 – 15). Во всех остальных случаях цепочка пальцевых вдавлений или защипов была выполнена не по нижнему краю ленты, а по ее средней части. К тому же в орнаментации сосудов с памятника Взвоз пальцевые вдавления/защипы и оттиски зубчатой или гладкой лопаточки являются почти взаимоисключающими элементами орнаментации приустьевой зоны – (исключение составляют лишь два горшка – рис. 2 – 2; 3 – 10), в то время как на цэпаньской керамике они почти всегда выступают во взаимном сочетании [Привалихин, 2011, рис. 7–11].

Для собственно цэпаньской посуды не отмечено оформление шейки узким налепным валиком, а утолщающая приустьевую зону широкая накладная лента всегда имеет четко выделенное нижнее ребро. У сосудов с памятника Взвоз нижний край ленты расформован, а его ребро снивелировано. Для целой серии горшков отмечено оформление приустьевой зоны не широкой, а узкой

накладной лентой незначительной толщины, покрывающей лишь среднюю часть шейки и образующей подобие плоского валика с низким рельефом. Шейки же единичных сосудов декорированы настоящим налепным валиком с трапециевидным поперечным сечением. На фрагментах двух горшков, чьи плечики были орнаментированы горизонтальными древовидными валиками, обнаруживается полное соответствие в хронологически смежных материалах Кизир-Казырского района [Леонтьев, Леонтьев, 2009, с. 53–55, рис. 48]. К отличительным чертам рассматриваемой керамики следует отнести и присутствие в ее составе небольших по объему сосудов с карабульской орнаментацией, но без какого-либо валика или «воротничка» в приустьевой зоне.

В этом же культурном горизонте как в объектах, так и за их пределами были найдены фрагменты как минимум пяти небольших горшков параболоидной формы закрытого типа с округлым дном и трубчатым ушком, укрепленным в районе экватора сосуда или ближе к его придонной части (рис. 4 – 6–9). По ушку с четырех сторон налеплены высокие рассеченные валики, выступающие как ребра жесткости для усиления крепления к стенке, а в самом ушке симметрично проделаны четыре или восемь парных отверстий (рис. 4 – 6, 9). Один из

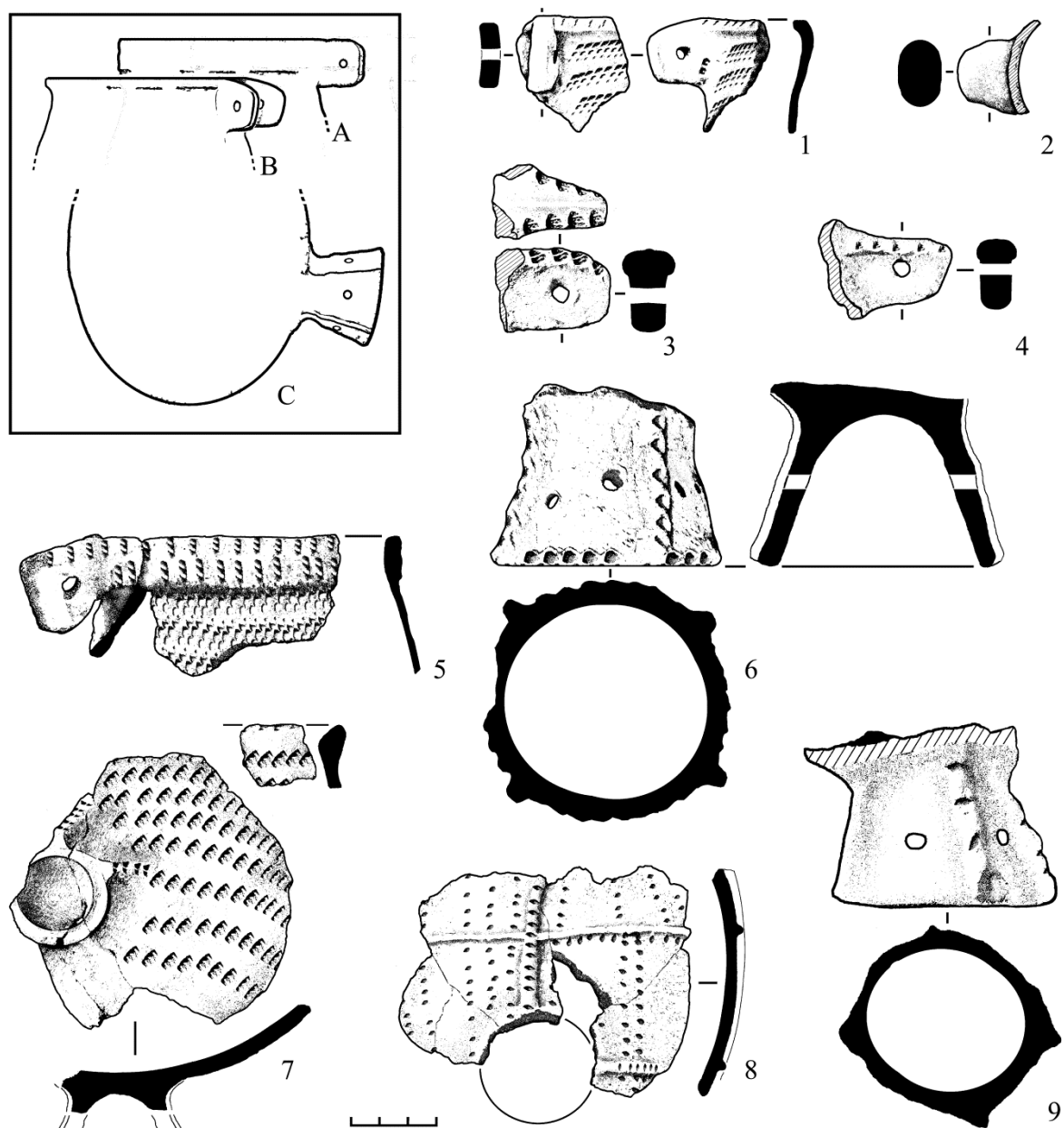

Рис. 4. Керамика первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2

этих сосудов был украшен параллельными устью частыми рядами глубоких отступающих оттисков зубчатой лопаточки, идущими от венчика до придонной части; дно не орнаментировано (рис. 4 – 7). Емкостная часть еще одного сосуда была декорирована наlepными валиками: толстые рассеченные валики, переходя с трубчатого ушка на корпус горшка, со-

ставляли основу орнаментальной композиции, перпендикулярно им были наlepлены более узкие гладкие валики, по обеим сторонам обрамленные концевыми оттисками ребра палочки. Сдвоенные ряды тех же оттисков помещены и в центры прямых «ячеек», образованных пересечением валиков (рис. 4 – 8). Обломки стенок других сосудов с трубчатым ушком

среди общей массы керамического материала не диагностируются. Возможно, им принадлежат единичные фрагменты приустьевой части горшков с подлепным языковидным ушком со сквозным отверстием (рис. 4 – 1–5; 5 – 4, 9). Эти сосуды также были орнаментированы горизонтальными рядами частых наклонных оттисков отступающей зубчатой лопаточки (рис. 4 – 1, 5; 5 – 4, 9), а ушко в трех случаях имело Т-образный профиль и было украшено по бортику глубокими гусеничными вдавлениями (рис. 4 – 3–4). В одном случае ушко имело слабо изогнутый С-образный профиль (рис. 4 – 1), что дает основание предполагать наличие еще одного – парного – ушка в приустьевой части данного сосуда.

Венчик одного из горшков с ушком был отогнут наружу и имел плоско-срезанный бортик, орнаментированный оттисками зубчатой лопаточки (рис. 4 – 1), приустьевая зона трех других сосудов была утолщена за счет широкой накладной ленты (рис. 4 – 5; 5 – 4, 9), в одном случае украшенной двумя рядами глубоких оттисков зубчатой лопатки (рис. 4 – 5).

Сосуды с подобной характерной морфологией традиционно интерпретируются как дымокуры. Они получили широкое распространение в таежных районах Сибири с раннего железного века [Мандрыка, 1994; 2003] и продолжали

бытовать в эпоху Средневековья на территории от Ангары до Оби [Васильевский, Бурилов, 1971, табл. 10; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 27 – 1]. Их совместное залегание с керамикой цэпаньского облика, а также выраженное сходство с последней позволяют утверждать, что две рассмотренные выше группы глиняной посуды первого горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 составляют единый комплекс.

Оставшаяся часть керамики данного горизонта представлена фрагментами единичных горшков индивидуального типа (рис. 2 – 8, 12; 5 – 10–12). Скопление обломков одного из них (рис. 5 – 11–12) образовывало объект № 2. Судя по ним, это был небольшой (диаметр венчика около 20 см) сосуд закрытой профилированной формы с округлыми покатыми плечиками, выделенной прямой шейкой и едва отогнутым наружу венчиком с приостренным внешне асимметричным профилем. Конструкция дна не ясна. Он был изготовлен из тощего теста с интенсивной примесью дресвы средней зернистости. Тонкие – менее 0,5 см – стенки корпуса сосуда, вероятно, подвергались уплотняющей выбивке. Внешняя сторона приустьевой зоны утолщена до 1–1,2 см путем наложения поверх уже смоделированной шейки дополнительной глиняной ленты. В результате шейка и венчик этого

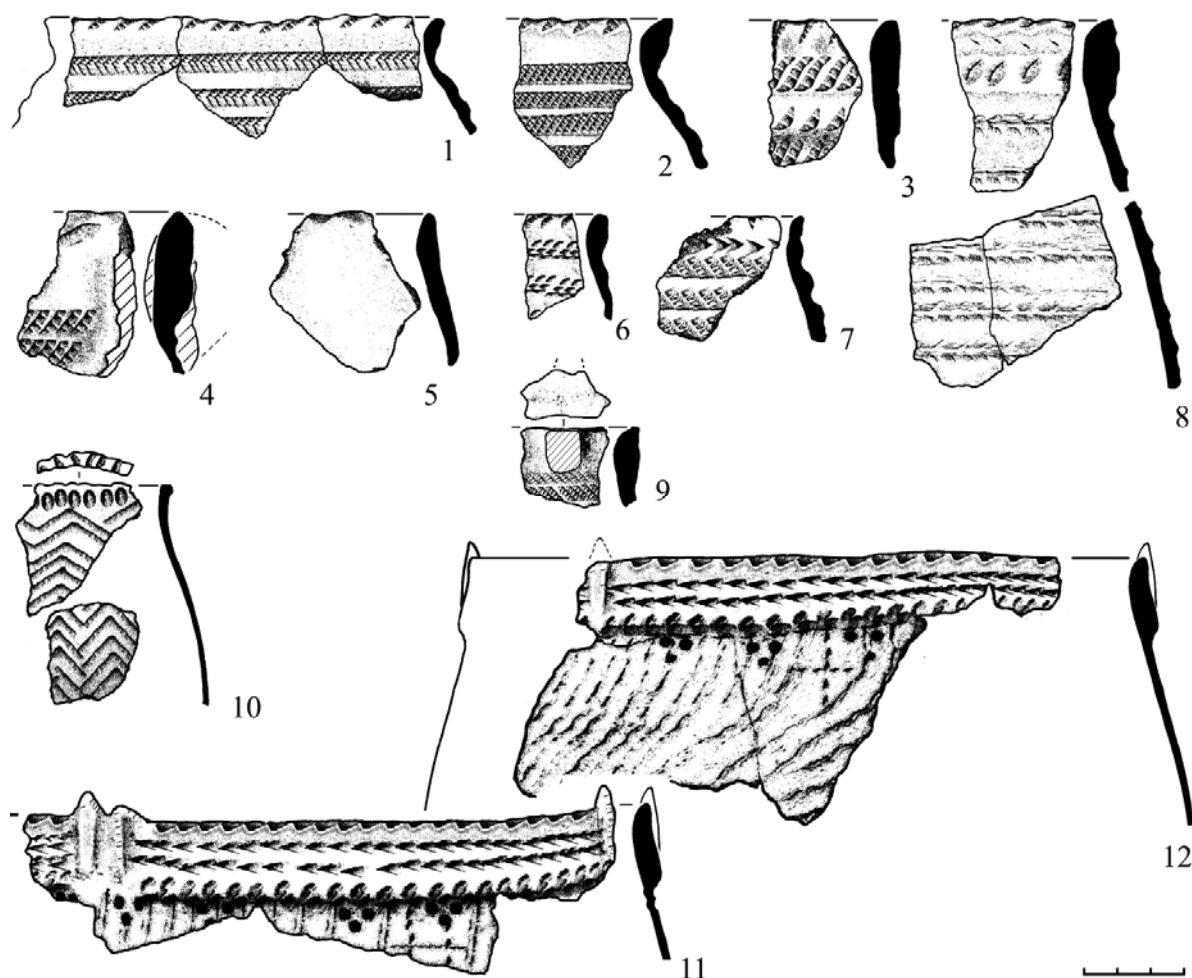

Рис. 5. Керамика первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2

горшка образуют своеобразный «воротничок» с четко выделенным нижним ребром. Судя по сохранившимся фрагментам, верхняя половина сосуда была покрыта орнаментом, разделенным на две зоны – подвенечную и корпус. Внешний край венчика был декорирован частыми вдавлениями подушечки и ногтя маленького пальца. Шейка украшена двумя рядами глубоких подтреугольных оттисков отступающей палочки с приостренным концом, ниже которых – по ребру «воротничка» – вновь нанесены частые вдавления подушечки и ногтя

пальца. На относительно равном расстоянии друг от друга в четырех местах на шейку наклеплены сдвоенные вертикальные валики, рассеченные мелкими горизонтальными насечками. Поднимаясь на 0,6–0,8 см над бортиком венчика, они образуют высокие выступы в форме равнобедренных треугольников, украшенные по ребру мелкими косыми насечками. Корпус сосуда украшают частые валики с низким рельефом, идущие по широкой дуге сверху вниз и слева направо. Сами валики выполнены путем наложения на предварительно заглажен-

ную поверхность стенок тонких жгутов, которые по краям расформовывались ногтем и узкой лопаточкой. В верхней части корпуса – сразу под ребром «воротничка» – орнаментацию дополняют строенные круглые ямочные вдавления. Нанесенные на равном расстоянии друг от друга, они образуют розетки в виде треугольников, обращенных вершинами вниз. Здесь же мелкими концевыми наколами ребра заостренной палочки выполнены фигуры в форме прямых равносторонних одинарных или сдвоенных крестов, расположенных ровно посередине между украшающими подвенечную зону вертикальными валиками. По характеру оформления приустьевой зоны данный сосуд напоминает цэпаньскую керамику, но орнаментация корпуса и технология его изготовления указывают на то, что он принадлежит к иной культурной традиции.

Как в объектах, так и за их пределами среди обломков глиняных сосудов было найдено 52 фрагмента изделий из них – плоских дисков округлой или овальной формы диаметром от 3 до 9 см. Их гурт оббит и часто бывает подшлифован. Часть этих «фишек» имеет почти правильную геометрическую форму (рис. 6 – 6–7, 11), другая же часть выполнена достаточно грубо. Для их изготовления были использованы черепки стенок (рис. 6 – 7, 11, 13–15, 18), плечи-

ков (рис. 6 – 1–6, 10, 17) и венечных частей (рис. 6 – 9, 12, 16) точно таких же сосудов, как рассмотренные выше, и лишь одна «фишка» оказалась выточенной из обломка приустьевой части горшка иного облика (рис. 6 – 8). Этот сосуд был изготовлен из тощего теста с интенсивной примесью дресвы средней зернистости и орнаментирован горизонтальными (в области слабо намеченной шейки) и вертикальными (в области верхней части плечиков) валиками. Последние были выполнены путем наложения на предварительно заглаженную поверхность стенок тонких жгутов, которые по краям расформовывались ногтем и узкой лопаточкой.

Внешне данный фрагмент напоминает обломки горшка из погребения раннего железного века в пади р. Цэпань [Окладников, 1940, с. 109, рис. 39]. В то же время тождественная орнаментация керамики отмечена преимущественно для посуды более позднего времени [Бирюлева, 2013, с. 84, рис. 2 – 4]. Керамические «фишки» на территории Центральной Сибири известны уже со времени неолита, но наиболее характерны они именно для раннего железного века [Леонтьев, Леонтьев, 2009, с. 63]. Их назначение до сих пор не установлено, часть исследователей интерпретирует их как скребки для выделки шкур мелкого пушного зверя (соболь, белка и пр.).

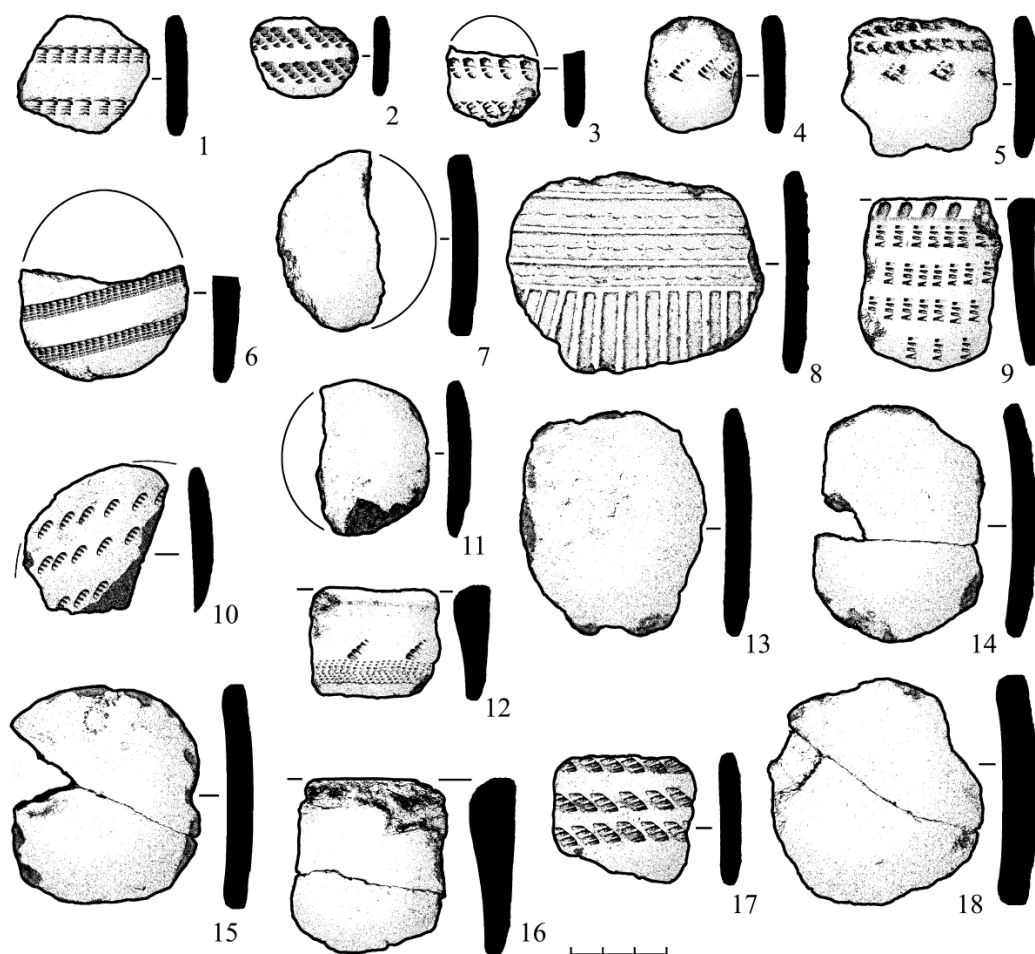

Рис. 6. Керамика первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2

Однако в материалах первого горизонта местонахождения Взвоз, пункт 2 они играли другую роль. Надо полагать, что вместе с многочисленными обломками глиняной посуды керамические «фишки» служили сырьем для изготовления стенок металлургических печей.

Анализируя рассмотренную выше глиняную посуду первого горизонта памятника Взвоз, пункт 2, следует отметить, что в настоящее время на материалах раннего железного века бассейна Ангары и таежного Енисея выделен значительный комплекс керамики с харак-

терной усеченно-овальной формой тонких стенок и венчиком, утолщенным наложением дополнительной глиняной ленты, украшенной различными сочетаниями оттисков зубчатого штампа, пальцевыми вдавлениями и защипами [Макаров, Быкова, 2011; Мандрыка, 2009; Мандрыка, Фокин, 2005; Ломанов, 2001]. Близкая по типу керамика встречена в низовьях р. Казыр (юг Красноярского края) [Леонтьев, Леонтьев, 2009, с. 53–57]), в Среднем Причулымье [Беликова, 1996, с. 29–30, 98–99] и в бассейне р. Алдан (Якутия) [Константинов,

1978, с. 28]. Всю керамику данного облика, встреченную на территории Северного Приангарья, В. И. Привалихин именует «цэпаньской», тем самым указывая на ее прямую связь с выделенной им одноименной культурой скифского времени [Привалихин, 2011, с. 167]. Исследователь отмечает некоторую вариативность морфологии и орнаментации данной посуды, считая это в первую очередь хронологическим признаком [Там же, с. 168]. Тождественную керамику Северного Приангарья, в орнаментации которой в качестве обязательного элемента присутствует «пояс цилиндрических вдавлений», Н. П. Макаров выделяет в карабульский тип посуды и также относит его к эпохе раннего железа [Макаров, Быкова, 2011; Макаров, 2013, с. 162–164]. Сходная посуда, встреченная на памятниках Енисейского Приангарья, П. В. Мандрыкой выделена в каменско-маковский тип [Мандрыка, 2007]. Как справедливо отмечает Н. П. Макаров, «исследователям еще предстоит уточнить, имеем ли мы на Енисее и Ангаре разные типы синхронной керамики или же это подтипы одной и той же глиняной посуды» [Макаров, Быкова, 2011, с. 230]. Поэтому, рассматривая соотношение глиняной посуды первого горизонта памятника Взвоз, пункт 2 со всем комплексом керамики с утолщенным венчиком и орнамента-

ей, выполненной зубчатыми штампами и вдавлениями пальцев, мы будем именовать последнюю «цэпаньской», поскольку данный термин представляется нам наиболее общим.

Первая группа фрагментированной керамической посуды первого культурного горизонта памятника Взвоз, пункт 2, несомненно, относится к цэпаньскому керамическому комплексу. На это указывают тождество технологии изготовления и ярко выраженные общие черты в морфологии и орнаментации сосудов. Вместе с тем сосуды Взвоза демонстрируют и целый ряд отличительных особенностей, о которых уже говорилось выше и которые будут конкретизированы здесь.

Так, выделяя три группы цэпаньской керамики, В. И. Привалихин отмечает, что для них всех характерен выделенный нижний край налепной ленты приустьевого «воротничка», образующий нависающий бортик в месте перехвата шейки. Для двух групп обязательно оформление этого бортика глубокими пальцевыми вдавлениями или защипами, призванными не только украсить сосуд, но и плотнее сцепить формовочную массу стенки и «воротничка». У горшков третьей группы подвенечная зона декорирована только оттисками зубчатой или гладкой лопаточки и ямочными наколами [Привалихин, 1993, с. 20, 21]. Автор

отмечает, что у цэпаньских сосудов с памятников, дислоцированных ближе к устью Ангары, лента «воротничка» более массивна, а бортик ее выражен сильнее. Такая посуда, очевидно, должна быть отнесена к выделенному Н. П. Макаровым карабульскому типу керамики. Для орнаментации последнего обязательным [Макаров, Быкова, 2011, с. 228] или «почти обязательным» [Макаров, 2013, с. 162] элементом орнамента является пояс пальцевых защипов и ногтевых вдавлений по нижнему ребру широкой наклепной ленты. Для сосудов памятника Взвоз, напротив, характерно отсутствие четко выраженного бортика нижнего края ленты приустьевого «воротничка» — он частично сnivelирован за счет примазывания к стенкам шейки. К тому же для целой серии горшков отмечено оформление приустьевой зоны не широкой, а узкой накладной лентой незначительной толщины, покрывающей лишь среднюю часть шейки и образующей подобие плоского валика с низким рельефом. Шейки же единичных сосудов декорированы настоящим наклепным валиком с трапециевидным поперечным сечением, что нехарактерно для посуды цэпаньской культуры, или не оформлены вовсе.

Горшки-дымокуры раннего железного века Северного Приангарья имели массивные ушки четырехуголь-

ной формы с косым срезом и двумя сквозными отверстиями, в то время как дымокуры памятника Взвоз, пункт 2, напротив, имели небольшие округлые или трапециевидные ушки с одним отверстием и/или кольцевые конические (трубчатые) ушки, укрепленные в районе экватора сосуда или ближе к его придонной части.

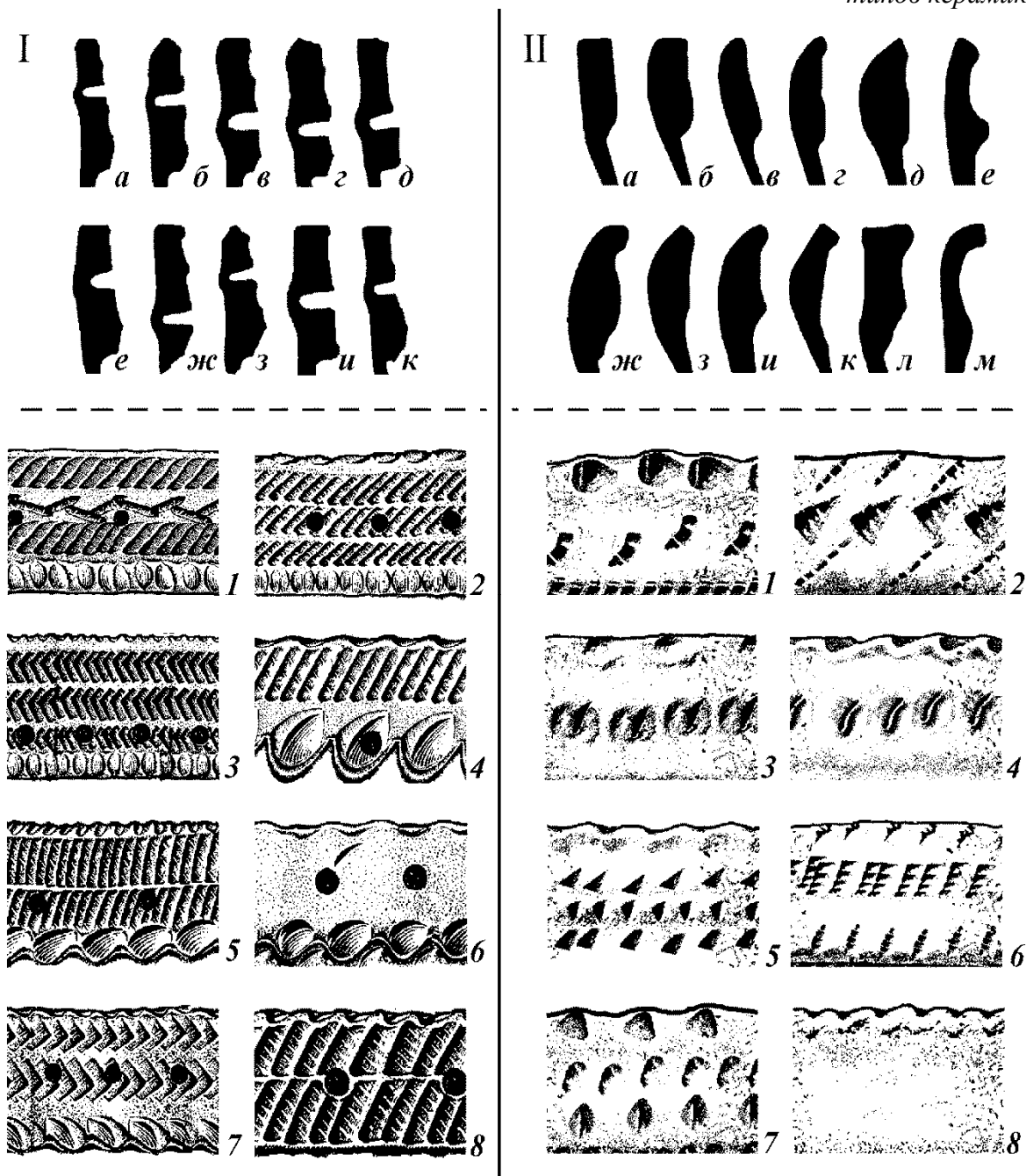
Не менее ярко заметны различия и в орнаментации (табл. 2). Так, например, обязательный для «эталонной» цэпаньской или карабульской керамики пояс пальцевых защипов и ногтевых вдавлений по нижнему ребру наклепной ленты у сосудов со стоянки Взвоз встречен лишь на одном фрагменте венчика, во всех же остальных случаях он отсутствует. Пальцевые вдавления и защипы наносились не по основанию шейки, а по ее центральной части, играя роль основного декора. При этом пальцевые вдавления/защипы и оттиски зубчатой или гладкой лопаточки в орнаментации сосудов памятника Взвоз являются почти взаимоисключающими элементами (исключение составляет лишь два горшка (рис. 2 – 2; 3 – 10)), в то время как на «эталонной» керамике цэпаньского типа они почти всегда выступают во взаимном сочетании. В декоре рассматриваемых сосудов также отсутствует пояс цилиндрических вдавлений — обязательный элемент ор-

намента посуды карабульского типа. В целом оформление приустьевой зоны рассматриваемой керамики выглядит заметно более обедненным, упрощенным по сравнению с посудой большин-

ства цэпаньских и (или) карабульских комплексов. Часть же сосудов памятника Взвоз была декорирована только в подвенечной зоне или вовсе не имела орнаментации.

Таблица 2

Сравнительная таблица карабульского (I – стоянка Усть-Карабула (по [Макаров, 2013, рис. 12, 13, 16]) и взвозовского (II – стоянка Взвоз, пункт 2) типов керамики

Обращают на себя внимание и некоторые признаки контакта создателей металлургической площадки на стоянке Взвоз с носителями валиковой керамической традиции, вероятность которого предполагалась другими исследователями [Макаров, 2013, с. 164–165]. Так «фишка», выточенная из стенки сосуда, орнаментированного тонкими жгутиковыми валиками (рис. 6 – 8), залегала в одном объекте с материалами цэпаньского типа, а развал горшка, украшенного теми же валиками (рис. 5 – 11, 12), находился на одном стратиграфическом уровне с остальными объектами первого горизонта. Шейка и венчик этого горшка декоративно и морфологически оформлены в соответствии с цэпаньской керамической традицией, в то время как в основном комплексе посуды присутствуют фрагменты, по меньшей мере, двух сосудов, неотличимых от всех прочих, но орнаментированных по плечу тонкими жгутиковыми валиками (рис. 5 – 8).

Таким образом, главной характерной чертой рассматриваемых сосудов является ярко выраженная тенденция к редукции декоративного оформления подвенечной зоны вплоть до полного отсутствия орнаментации или накладной ленты «воротничка». Это не может быть объяснено, например, возможной территориальной изоляцией ее создателей от остальных групп носителей цэпаньской

культуры, поскольку большая часть керамики этого типа, встреченной на сопредельных памятниках (Взвоз, пункт 1, Сергушкин-1 и Сергушкин-3), имеет «классический» облик [Леонтьев, Герман, 2013, рис. 1, 2]. Наиболее вероятно, что данная тенденция обусловлена постепенным угасанием цэпаньской керамической традиции. В связи с этим представляют интерес фрагменты нескольких тонкостенных (около 0,5 см) керамических сосудов, встреченные на памятниках Сергушкин-1, пункт «А» [Там же, с. 62–63, рис. 3] и Взвоз, пункт 1. Их покатое округлое плечико украшает фриз из четырех рядов право- или левонаклонных оттисков отступающей мелкозубчатой лопаточки, ниже которого следует цепочка разреженных вдавлений или угловых оттисков того же орнамента. Едва намеченная вогнутая шейка не орнаментирована, отогнутый наружу венчик с округлым профилем резко утолщен (до 1–1,3 см) за счет наложения на его внешнюю сторону дополнительного толстого глиняного жгута и декорирован по верхнему бортику встречными пальцевыми вдавлениями, моделирующими рельефную волну. Обломки тождественных по форме и близких по орнаментации горшков с памятника Сергушкин-1 В. И. Привалихин относит к цэпаньской культуре [Привалихин, 2011, рис. 10 – 3, 4, 6]. Действи-

тельно, внешний облик этих керамических фрагментов, орудия, которыми выполнен их орнамент, и сам характер орнаментации аналогичны цэпаньским. Вместе с тем данные сосуды имеют совершенно иной профиль приустьевой части, их венчики утолщены способом, отличным от собственно цэпаньского, подвенечная часть лишена декора, а орнамент плечиков минимализирован. По указанным признакам фрагменты рассматриваемых горшков гораздо ближе к встреченной на территории этих же памятников средневековой керамике, чем к цэпаньской. При сравнении посуды первого горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 с данными сосудами становится очевидным, что последние маркируют собой окончательное угасание цэпаньской керамической традиции, идущее путем редукции декоративного оформления подвенечной зоны [Леонтьев, Герман, 2013, с. 64–66, рис. 4].

В настоящее время неясно, носила ли отмеченная выше тенденция к редукции общий характер для всего Северного Приангарья, или же эта линия развития керамической традиции была присуща исключительно коллективам древнего населения, проживавшим на острове Сергушкин и в его окрестностях. Решить этот вопрос позволит сравнительный анализ керамики цэпаньского облика разных памятников Северного

Приангарья, который пока затруднителен в связи с незначительным количеством введенных в научный оборот источников. Учитывая имеющиеся в нашем распоряжении опубликованные материалы, следует отметить, что глиняная посуда первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 демонстрирует новый тип керамики раннего железного века, хоть и близкородственный, например, карабульскому, но заметно отличающийся от него как морфологически, так и орнаментально. В качестве одной из мер для совершенствования понятийного аппарата при дальнейшем сопоставлении керамических комплексов раннего железного века Северного Приангарья предлагаем называть данный тип керамики «взвозовским». Его характеризуют: 1) оформление приустьевой зоны сосудов широкой сильно расформованной накладной лентой со сглаженным нижним ребром или узкой лентой незначительной толщины, покрывающей лишь среднюю часть шейки и образующей подобие плоского валика с низким рельефом без выраженного нижнего ребра; 2) упрощенная орнаментация подвенечной зоны, в которой отсутствуют такие элементы, как цепочка ямочных наколов, пояс глубоких пальцевых вдавлений или зацепов по нижнему ребру широкой наклепной ленты и взаимные сочетания оттисков зубчатой или

гладкой лопаточки с пальцевыми вдавлениями или защипами (табл. 2).

Время бытования взвозовского типа керамики, по аналогии с цэпаньской посудой, следует отнести к периоду раннего железного века Северного Приангарья. Предварительно, учитывая прослеженную в керамике первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 тенденцию к угасанию цэпаньской керамиче-

ской традиции, хронологию взвозовского типа керамики уместно связать со вторым этапом цэпаньской культуры раннего железного века Северного Приангарья – в пределах IV–II вв. до н. э. [Привалихин, 1993, с. 21]. Косвенно о правомерности использования такой датировки говорит нахождение в первом культурном горизонте стоянки Взвоз, пункт 2 железной бабочковидной бляшки.

Список литературы

Беликова О. Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – 272 с.

Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 244 с.

Бирюлева К. В. Морфологический анализ тонковаликовой керамики поселения Проспихинская Шивера-IV // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. VI. – С. 75–85.

Васильевский Р. С., Бурилов В. В. Археологические исследования в 1968 году в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: Наука, 1971. – Вып. 2. – С. 202–284.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых изысканий 2009–2011 гг.) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 57–72.

Константинов И. В. Ранний железный век Якутии. – Новосибирск: Наука, 1978. – 128 с.

Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамика раннего железного века стоянки Сергушкин-1 // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. VI. – С. 58–67.

Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Памятники археологии Кизир-Казырского района. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – 178 с.

Ломанов П. В. К вопросу о культурных связях населения таежных районов Нижнего Енисея в период раннего железного века (на основе данных керамики) // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже

тысячелетий: материалы XLI Регион. археолого-этнограф. студенч. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 305–307.

Макаров Н. П., Быкова М. В. Керамика карабульского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – Вып. 2. – С. 227–231.

Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 130–175.

Мандрыка П. В. Типология сосудов-дымокуров // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 124–126.

Мандрыка П. В. Городище Шилка-2 – памятник железного века южной тайги среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: КГПУ, 2003. – С. 32–52.

Мандрыка П. В. Каменский тип керамики в южной тайге Средней Сибири // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск, Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С. 80–85.

Мандрыка П. В. К вопросу о культурных связях племен раннего скифского времени Енисейского Приангарья // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: КККМ, 2009. – Вып. 4. – С. 277–286.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и Средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 8. – С. 63–81.

Мандрыка П. В., Фокин С. М. Комплекс раннего железного века на поселении Стрелковское-2 на Ангаре и его место в древней истории Приенисейской тайги // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 134–139.

Окладников А. П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИИМК. – 1940. – Вып. 8. – С. 106–112.

Привалихин В. И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 39 с.

Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. – Красноярск: КККМ, 2011. – С. 161–183.

Ил. 1. К статье П. В. Германа, С. Н. Леонтьева и А. С. Савельевой

Стоянка Взвоз, пункт 2. Раскоп 1. Горизонт 1.

*Находки из слоя и объектов: 1 – каменный молот; 2 – керамический сосуд;
 3, 4 – фрагменты глиняных тиглей с ошлаковкой и каплями бронзы;
 5 – черепок керамического сосуда с ошлакованной внутренней поверхностью;
 6, 7 – фрагменты глиняных литейных форм (?); 8 – каменный диск;
 9, 10, 13 – медные/бронзовые сплески; 11 – шлак с каплями меди;
 12 – фрагмент глиняной стенки медеплавильной печи с ошлаковкой и каплей меди;
 14 – железная поясная пряжка с золотой фольгой; 15 – бронзовый наконечник стрелы*

Ил. 2. К статье Д. А. Виноградова

*Фотография бронзового антропоморфного изображения с участками макросъемки:
 1 – технологических отверстий; 2 – следов шлифовки поверхности;
 3 – следов шлифовки на технологическом браке; 4, 5 – бороздок от прочерчивания*

Ил. 3. К статье А. Л. Заики и С. М. Фокина

Писаница Олёкма (Юктали. Петроглифы 1). Плоскость 4. Вид с Ю–В

**БРОНЗОВОЕ АНТРОПОМОРФНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
С ПОСЕЛЕНИЯ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРЫ – IV НА АНГАРЕ**

В данной статье анализируется находка, сделанная на комплексе Проспихинская Шивера – IV в ходе работ Проспихинского отряда БогАЭ ИАЭТ СО РАН под руководством П. В. Мандрыки в 2011 г. Памятник находится на правом берегу р. Ангара в 1 км выше устья р. Кода. Бронзовое антропоморфное изображение было зафиксировано в 3 м южнее погребения № 66 раннего железного века в подошве второго культурного слоя, содержащего поселенческий материал раннего железного века и Средневековья.

Первые сообщения об обнаружении бронзовых антропоморфных изображений на Ангаре появились более ста лет назад в работе А. А. Спицина. Такие находки он связывал с «предположительно религиозным значением» [Спицин, 1906, с. 29]. Первая попытка обобщения и осмысления такого материала была предпринята А. П. Окладниковым [Окладников, 1948]. Позднее обсуждением восточносибирских антропоморфных изображений из бронзы занимались Р. С. Васильевский, В. И. Привалихин, П. В. Ломанов, А. Л. Заика и др. [Ва-

сильевский, 1971; Привалихин, 1989; Ломанов, Заика, 2005].

Изделие с Проспихинской Шиверы – IV представляет собой диск, отлитый из бронзы в двустворчатой разъемной форме (рис. 1). Личина увенчана двумя короткими заостренными выступами – «рожками», по одному с каждой стороны. Один из них недолит, оформилось только основание. Нижняя треть изображения снабжена симметрично расположенными подтреугольными «ушками», левое «ушко» с литейным браком. Выемками выделены черты лица, рельефно показан нос. Выступающий лоб отделен от лица дугообразными углубленными линиями бровей, сходящимися на переносице. Глаза и рот показаны миндалевидными очертаниями. В верхней части образа, по литейному шву имеются два небольших округлых отверстия. По одному такому же отверстию прослеживается в нижней половине по краям с обеих сторон изображения. Размеры изделия 6,1 × 9,5 × 0,5 см.

Бронзовое изображение с Проспихинской Шиверы – IV аналогично -

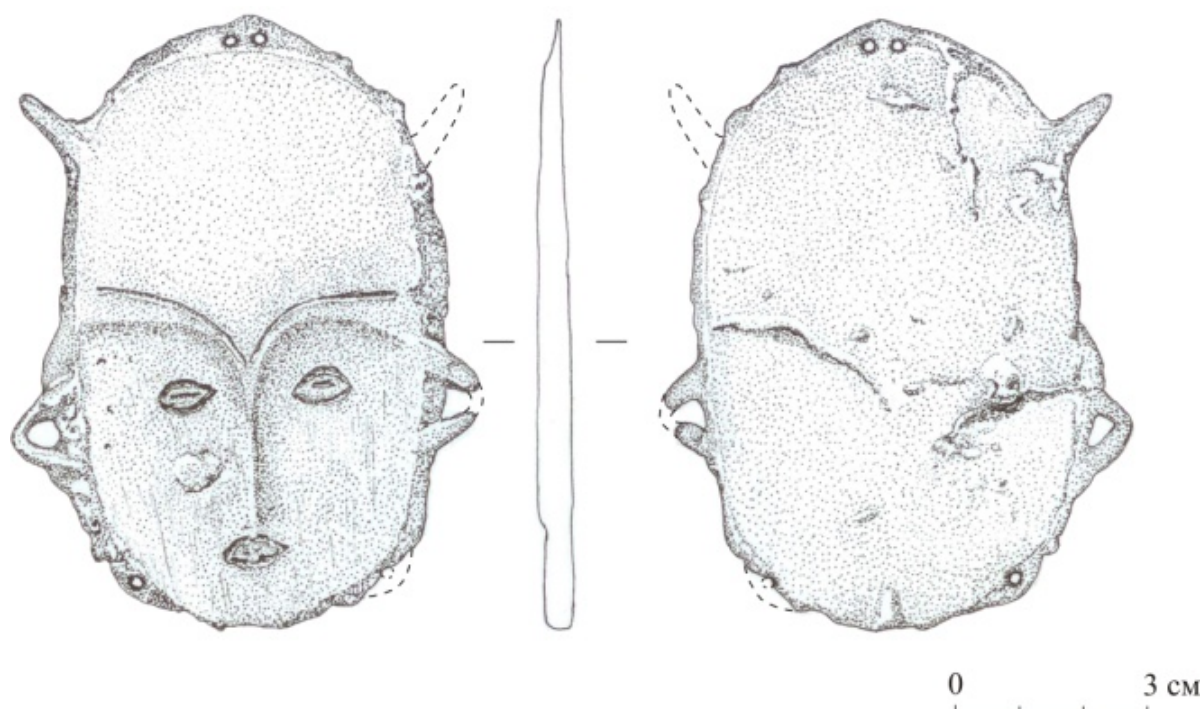

Рис. 1. Бронзовая личина с Проспихинской Шиверы – IV

подробно описанным А. П. Окладниковым «ангаро-ленским» антропоморфным личинам [Окладников, 1948]. Их объединяет прежде всего то, что они плоские, отлиты из цветного металла. Изображения также схожи по образу – у них присутствует головной убор, «ушки» по бокам, брови на всю ширину личины, отделяющие лицо ото лба, удлинённый нос, близкая трактовка глаз и рта в форме миндалевидных или овальных углублений.

Исследуя бронзовые антропоморфные изображения, А. П. Окладников обратил особое внимание на головной убор. Проведя этнографические параллели, исследователь, сопоставив головные уборы на личинах с обычными для сибирских шаманов головными убо-

рами в виде короны с ветвистыми рогами, пришел к выводу, что ангаро-ленские дисковидные фигуры изображают шаманов и являются «шаманскими изображениями» в буквальном смысле этого слова. [Там же, с. 219]. Это могли быть изображения даже не конкретного шамана, а его духовного или небесного двойника, который часто мыслится в зооморфном или наполовину зверином облике, в виде человека с рогами оленя или лося или просто зверя [Там же, с. 220].

По мнению некоторых исследователей, антропоморфные изображения отливались в простой одностворчатой форме [Окладников, 1948, с. 207; Васильевский, 1971, с. 135]. На «проспихинском» предмете есть некоторые детали, которые

указывают на использование для его отливки двустворчатой формы, створки которой разнимались в одной плоскости¹. С разных сторон изделия отмечены следы неточного совмещения створок. По всему контуру прослеживается облой – вытекший по щели между створками металл. Наличие облоя, вероятно, также связано с отсутствием выпора – специально сделанных каналов для вентиляции, через которые осуществляется выход газов наружу. Нельзя исключить, что отсутствие выпоров было характерно для технологии изготовления этого изделия – газы из полости могли выходить через щели между створками. Также об использовании двустворчатой литейной формы свидетельствуют четыре технологических отверстия на литейных швах предмета (ил. 2 – 1). Для более надежной фиксации створки стягивались между собой по направляющим, делался замок (возможно, использовались металлические штифты). На «подбородке» личины наблюдается утолщение с отломанным краем. Возможно, здесь размещался вход литниковой воронки, или стержень, имитирующий изображение «туловища» антропоморфа, или черешок для крепления к посоху (по А. П. Окладникову), впо-

следствии утраченный. В момент подогрева литейной формы или же в момент непосредственной заливки в нее металла одна створка (с тыльной стороны изображения) треснула. Щели заполнились металлом, и на плоской стороне предмета появились застывшие наросты. Скорее всего, из-за этой поломки получился и недолив «рожка» и части «ушка» с одного края изображения.

При осмотре изделия через микроскоп в некоторых местах на поверхности были зафиксированы царапины разной глубины (ил. 2 – 2). Ими покрыты углубленные плоскости обеих половин лица, в том числе и поверхность бугорка (прикипевшей капли?) с левой стороны. Это говорит о том, что лицевая часть изображения после отливки дорабатывалась, шлифовалась (ил. 2 – 3). На тыльной стороне следов обработки поверхности не наблюдается. В углубленных линиях глаз, рта и бровей прослеживаются «размытые» бороздки от прочерчивания острым предметом (ил. 2 – 4, 5). Эти детали личины оформлялись, скорее всего, на изначальной восковой модели.

Нельзя абсолютно точно сказать, как использовалось и к чему крепилось готовое изделие. А. П. Окладников предполагает, что такие изображения могли служить навершием на шаманском посохе наподобие скифских наверший на древках [Окладников, 1948,

¹ Наши наблюдения основываются на экспериментальных работах Р. С. Минасяна и А. О. Пронина, которые попытались воссоздать процесс отливки бронзовых изделий и отмечали схожие явления в своих исследованиях [Минасян, 2014; Пронин, 2007].

с. 221–222]. В своей работе о енисейцах В. И. Анучин также отмечает, что вершине посоха загнутыми вверх концами переключины придается вид человеческой головы [Анучин, 1914, с. 62]. «Ушки» изображения могли использоваться как крепления для бубенчиков и погремушек [Окладников, 1948, с. 221]. Нельзя исключить, что при отсутствии черешка «проспихинское» изделие могло пришиваться к одежде через «ушки» и/или технологические отверстия.

На датировку указывают не только условия залегания предмета в слое на памятнике, но и сопоставление его с другими подобными восточносибирскими находками. А. П. Окладников по результатам своего исследования датировал их эпохой поздней бронзы и раннего железного века [Там же]. Р. С. Васильевский, анализируя изображение с о. Жилого, датирует его предположи-

тельно поздним железным веком [Васильевский, 1971, с. 134]. Очень близка к «проспихинскому» образу находка костяного антропоморфного изображения из погребения на о. Отика. В. И. Привалихин относит эту находку к цэпаньской культуре раннего железного века [Привалихин, 1989, с. 191].

Таким образом, можно сказать, что личина с памятника Проспихинская Шивера – IV тяготеет к известным ангаро-ленским изображениям, имея с ними общие черты по форме и стилю образа. Однако метод ее производства отличен от ранее описанных находок. В связи с этим технология изготовления последних требует уточнения. К сожалению, пока нет и достаточных оснований причислять все упомянутые ангарские антропоморфные изображения из металлопластики к одной археологической культуре.

Список литературы

Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской академии наук. – СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1914. – Т. 2. – Вып. 2. – 90 с.

Васильевский Р. С. Шаманские изображения с о. Жилого на Ангаре // Известия СО АН СССР. – 1971. – № 6. – Вып. 2. – С. 134–138.

Ломанов П. В., Заика А. Л. Художественная металлопластика и петроглифы Нижнего Приангарья // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: КГПУ, 2005. – Вып. 4. – С. 121–126.

Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. – СПб.: Эрмитаж, 2014. – 472 с.

Окладников А. П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // СА. – 1948. – Т. X. – С. 203–225.

Привалихин В. И. В поисках научной истины // Век подвижничества. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – С. 189–198.

Пронин А. О. Экспериментальное изготовление ножа с арочным навершием рукояти (по материалам городища Чича-1) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – Новосибирск: НГУ, 2007. – Т. 6. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 118–132.

Спицин А. А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. – СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1906. – Т. 8. – Вып. 1. – С. 29–145.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НЕКРОПОЛИ Г. ЕНИСЕЙСКА (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2004–2014 ГГ.)

Территория большинства сибирских городов за годы своего существования постоянно претерпевала значительные перемены в своей планировочной структуре. В период с XVIII по XIX в. это было связано с изменением общих принципов формирования городской территории для улучшения санитарных норм и пожарной безопасности, а в XX в. – с целенаправленным «выхолащиванием» исторического ядра и уничтожением архитектурных доминант. В первую очередь преобразования касались православных храмов, которые рестраивались с деревянных на каменные, а в XX в. многие из них были разрушены. Подобные перемены не могли не коснуться традиционно существовавших при храмах некрополей. На данный момент территории погостов находятся на активно функционирующей городской территории, единственным источником о месторасположении и состоянии которых зачастую являются археологические исследования. В связи с этим несомненный интерес представля-

ют археологические работы на исторических некрополях г. Енисейска.

Енисейский острог основан в 1619 г. отрядом тобольских казаков во главе с сыном боярским Петром Албычевым и стрелецким сотником Черкасом Рукиным [Бродников, 1994, с. 20]. Первоначально основанный как маленький острожек для закрепления на берегах р. Енисей, в течение XVII в. он превратился в основной перевалочный пункт по освоению Восточной Сибири, Якутии и Дальнего Востока, через который проходило до 68 % всего торгово-промышленного отпуса, перевозимого на восток [Резун, Васильевский, 1989, с. 136].

Через несколько лет после своего основания, в 1625 г., на территории острога были выстроены две деревянные церкви: Введения пресвятой Богородицы и Михаила Малеина [Фаст, 1994, с. 9; Царев, 2003, с. 37]. В 40-х гг. XVII в. с западной стороны от острожных укреплений построен был Богоявленский собор. Собор стоял на каменном подклете,

где хранились припасы для гарнизона Красноярского острога [Дополнения к актам историческим..., 1848, с. 108]. Здание храма перестраивалось в 1649 и 1690 гг. и с увеличением периметра стен острога оказалось на его территории [Царев, 2003, с. 39; Буланков, Шумов, 1999, с. 158].

После опустошительного пожара 1703 г., в котором сгорела «соборная да две приходские церкви... и в городе, и за городом енисейских жителей всяких чинов людей 85 дворов сгорели все без остатку» в 1709–1712 гг. строится каменный Богоявленский собор [Памятники сибирской истории..., 1882, с. 239; Буланков, Шумов, 1999, с. 158].

В 1714 г. на левобережном устье реки Мельничной отстроена деревянная церковь Казанской Божией Матери, которая в 1747 г. заменена каменной Воскресенской церковью [Краткое описание приходов..., 1916, с. 201].

К началу XVIII в. относится постройка деревянной Преображенской церкви, полностью сгоревшей в пожаре 1730 г. [Краткое писание приходов..., 1916, с. 200; Буланков, Шумов, 1999, с. 162]. В 1747 г. на ее месте начинает возводиться каменная Преображенская церковь. Одновременно на северо-западе от нее отстроена деревянная церковь Знамения Богородицы. Знаменская церковь простояла здесь до 1774 г., затем

была перенесена на юго-западную оконечность города, где проходил Старо-Ачинский тракт. Перенесенная церковь поставлена «близ казенных магазинов, для кладбища мертвых тел» и стала именоваться кладбищенской. В 1794 г. взамен ее начинается строительство каменной кладбищенской церкви Успения [Буланков, Шумов, 1999, с. 162]. К концу XVIII в. местность вокруг церкви активно застраивается жилыми домами, в связи с чем возникла необходимость в выделении нового места под захоронения. На западной оконечности города в 1794 г. началось строительство кладбищенской Крестовоздвиженской церкви при новом Севастьяновском кладбище. В 1801 г. закладывается еще одна кладбищенская церковь Входаиерусалимская, расположенная на юго-восточной оконечности города. Новое кладбище получило название Абалацкое.

В связи с активным расширением территории посада города в конце XVIII в. возникла необходимость в строительстве новых приходских церквей. В 1772–1776 гг. в южной части города, за ручьем Скородум, взамен пришедшего в ветхость деревянного храма подворья Троицкого Туруханского монастыря возводится каменная Троицкая церковь.

Кроме соборных и приходских церквей в первые этапы существования

Енисейского острога были основаны два монастыря: Христорождественский и Спасский.

Женский Христорождественский монастырь основан в 1623 г. на правом приустьевом участке р. Толочья (Мельничная). В 1626 г. на его территории построена деревянная церковь Рождества Христова, которая в последующие годы неоднократно перестраивалась и восстанавливалась после пожаров и наводнений [Буланков, Шумов, 1999, с. 191]. В 1755 г. вблизи функционирующей деревянной церкви началось строительство каменного здания Христорождественской церкви. В последующем архитектурный объем церкви пополнялся за счет строительства новых приделов вплоть до конца 20-х гг. XIX в.

В 1642 г. с юго-западной стороны острога, при въезде в него со стороны Маковской дороги, был заложен мужской монастырь со Спасской церковью в нем. В 1731 г. на месте пришедшего в ветхость деревянного храма начинается строительство каменного здания Спасской церкви, оконченное к 1750 г. [Фаст, 1994, с. 10, 19].

После 1917 г. в г. Енисейске полностью было разрушено пять православных храмов (в том числе и две кладбищенские церкви). Остальные церкви понесли значительные утраты в связи с размещением в них различных произ-

водственных помещений: от кочегарки до пивзавода. Не меньшие потери понесли и прицерковные некрополи. Надмогильные плиты и памятники были срыты, а на части территории выкопаны котлованы для различных производственных нужд.

В конце 80-х гг. XX в. начинается процесс передачи имущества в собственность православной церкви. Территории храмов приводятся в порядок: собираются сохранившиеся надгробные плиты, перезахораниваются антропологические останки с разрушенных погребений, а на их месте устанавливаются поклонные кресты.

Археологические исследования в г. Енисейске в XX в. ограничивались разовыми посещениями археологов. В 1958 г. в устье р. Мельничная сотрудником Красноярского краеведческого музея Р. В. Николаевым собраны фрагменты русской керамики [Николаев, 1960]. В 1983 г. на территории Спасо-Преображенского мужского монастыря сотрудником КГПИ В. П. Леонтьевым было обнаружено разрушенное погребение русского времени [Леонтьев, 1987, с. 116].

Планомерные археологические работы на городских некрополях Енисейска проводятся с 2004 г. Исследования носили разносторонний характер: от сборов антропологических останков с

отвалов строительных перекопов до проведения охранно-спасательных раскопок [Лысенко, Тарасов, 2014]. Основная направленность работ заключалась в картографировании мест захоронений, установке границ их распространения и постановке на государственную охрану. Помимо этого, задачами исследований являлись определение периода бытования некрополей и выделение этапов их функционирования, выяснение особенностей погребального обряда. Работы на функционирующей городской территории наложили ряд ограничений на проведение земляных работ, в связи с чем не все поставленные задачи были решены в полном объеме (рис. 1).

На данный момент наиболее полная информация получена по некрополю Богоявленского собора. В 2010 г. на его территории проведены охранно-спасательные раскопки, а в 2012 г. – работы по уточнению его границ [Лысенко, 2012; 2013]. Общая зафиксированная площадь некрополя составляет 2 852 м². На исследованной части кладбища было изучено 65 захоронений, совершенных по православному обряду погребения. Большая часть захоронений разрушена поздними перекопами могильных ям и строительной траншеей, проложенной по периметру алтарной апсиды. Из-за множества взаимно перекрывающихся друг друга погребений контуры отдельных могильных

ям практически не выделяются. Степень сохранности внутримогильных конструкций различна и часто зависит от глубины захоронений. Форма и способ их сложения полностью восстанавливаются только в единичных случаях.

В результате работ на основе наблюдений за планиграфией и стратиграфией изученных участков, анализа особенностей погребальных конструкций и погребального инвентаря было выделено три хронологических этапа существования некрополя собора.

Группа погребений середины XVII – начала XVIII вв. Захоронения данного этапа фиксировались как с внешней стороны собора (южный сектор раскопа), так и внутри него. Перекопы могильных ям имеют ориентировку по линии 3-В, сохраняют определенную порядовку и редко перекрываются друг другом. Глубина могил достигает 0,8 м от уровня впуска. Заполнение – мешаная материковая супесь с пятнами бурого суглинка. В перекопах артефакты встречались в незначительном количестве и представляли собой керамику из разрушенного культурного слоя эпохи бронзы и немногочисленных колотых костей.

Планиграфически погребения данного периода внутри здания собора обнаружены в трапезной, алтарной апсиде и северном приделе Сергия Радонежского, которые были построены

Рис. 1. Карта-схема центральной части г. Енисейска и изученных некрополей XVII–XIX вв.

в 1709–1712 гг. Один перекоп могильной ямы зафиксирован в северной фланкирующей колокольню собора палатке XIX в. Здесь перекоп могильной ямы шириной 0,4 м пререзает гумусоаккумулятивный горизонт с углистыми прослоями. В слое обнаружена серебряная копейка – «чешуйка», костяной свистунок на стрелу и игольник из трубчатой кости животного. В свою очередь уровень впуска могильной ямы перекрывается легкослоистой супесью, поверх которой фиксируется слой гумуса с включением древесного угля.

Кроме погребальных комплексов в южной части алтарной апсиды обнаружено основание обгоревшей конструкции, имеющее отношение к сгоревшему в 1703 г. деревянному собору.

В шурфах и зачистках было изучено три захоронения, располагавшихся в северной части алтарной апсиды. Погребения вытянуты по оси СЗ–ЮВ. Два

погребения разрушено строительной траншеей. От одного сохранился северо-западный угол гроба, скрепленный двумя гвоздями, от другого только юго-западный борт с фрагментом свода черепной коробки. Южнее располагалось третье захоронение в плохо сохранившейся колоде с выраженным оголовьем. На ступнях фиксируются истлевшие фрагменты кожаной обуви. Другой погребальный инвентарь отсутствует.

Группа погребений 1712–1772 гг. Хронологически захоронения начинаются со времени постройки и освещения собора Богоявления до принятия указа Екатерины II о запрете хоронить горожан в церковных оградах. Безусловно, отдельные подхоранивания имели место и позже, но в связи с жесткими карательными мерами за нарушение его они не имели массового характера [Сахаров, 2012, с. 157–158]. Данная группа изучена лучше всего и представлена 60 много-

ярусными захоронениями. Глубина могильных ям нижних ярусов захоронений от уровня впуска достигает 1,5 м. Заполнение ям – мешаная темно-бурая супесь с большим включением угля, горелого дерева (пожары 1703, 1732 гг.), кирпичного боя, извести, фрагментов костей животных, битой мореной керамики.

Захоронения группируются в определенные «кусты», в которых ориентация могильных ям и захоронений разнонаправлены с отклонениями до 20° в ту или иную сторону. Количество ярусов на отдельных участках достигает восьми. Сохранность погребальных конструкций плохая и в большей части определима только по торцовым частям. Инвентарь представлен нательными крестами, плохо сохранившейся одеждой и обувью.

Комплексы погребений последней четверти XVIII–XIX вв. обнаружены в приалтарной части собора. Внутримогильные конструкции представлены серией кирпичных склепов, выстроенных по периметру алтарной апсиды.

Основание склепов впущено на глубину от 1,5 до 3 м. Заполнение представлено мешаной супесью с большим количеством различных частей скелета, кусков дерева из погребальных конструкций и отдельными предметами инвентаря. В раскопе обнаружено пять кирпичных склепов, из которых полно-

стью изучено два. Склепы отличаются между собой по форме свода: цилиндрической и уступчатой. Подобные погребальные конструкции в данный период достаточно распространены и встречались при раскопках Всехсвятского и Крестовоздвиженского некрополей, которые и датируются концом XVIII–XIX вв. [Бердников, 2012, с. 86; Тарасов, 2007, с. 225].

В 300 м восточнее Богоявленского собора зафиксирован еще один участок с захоронениями в пределах малого острога. Участок расположен между зданием Богоявленского собора и администрацией Енисейского района, на территории спортивной площадки школы. В 2004 г. в северо-восточном углу спортивной площадки заложен шурф, в котором обнаружены остатки четырех погребений в дощатых гробах и колодах [Тарасов, 2006, с. 245]. В 2013 г. территория обследована двумя шурфами размером 2 × 1 м и двумя перпендикулярными траншеями шириной 1 м и длиной 20 и 18 м. В них были вскрыты перекопы могильных ям и отдельные детские захоронения верхних ярусов могил. В изученных стратиграфических профилях удалось зафиксировать уровень пожара 1703 г. и прорезающие его перекопы могильных ям. Заполнение представляет собой мешаную супесь с большим включением древесного угля, кусков горелого

дерева, фрагментов мореной керамики, костей животных. На отдельных участках фиксировались перекопы с мешаной светло-бурой супесью без инородных включений, но отнести их к могильным ямам на данном этапе не представляется возможным. В южной части траншеи был зафиксирован развал камней бутового фундамента Преображенской церкви. Данный некрополь предварительно можно датировать началом – второй половиной XVIII в.

Следующим пунктом фиксации погребений русского времени стал восточный борт взвоза к р. Енисей, по которому ныне проходит ул. Бабкина. При обследовании на данном участке было разбито семь шурфов размерами от 2×1 м до 2×2 м. Погребение обнаружено в шурфе № 132, заложенном на мысовидном уступе, образованном краем береговой террасы и срезкой под взвоз. В шурфе, под слоем современной отсыпки, зафиксирован горелый слой с включением крупных кусков обугленного дерева и угля мощностью до 0,15 м. Под ним обнаружен перекоп могильной ямы, представляющий собой мешаную материковую супесь без инородных включений. Размеры ямы $1,55 \times 0,35$ м, глубина 0,55 м. На дне ямы обнаружено захоронение, совершенное по обряду трупоположения головой на запад, руки скрещены на груди. На ступнях ног за-

фиксированы фрагменты кожаной обуви. Погребальная конструкция сохранилась частично, но, судя по отдельным деталям, это была колода. Захоронение стратиграфически и по состоянию костяка соотносится с погребениями первого этапа Богоявленского собора и может датироваться серединой – концом XVII в. Детальное обследование участка, расположенного южнее, не выявило других захоронений. Вероятно, погребение маркирует южную границу одного из первых некрополей города, который в результате формирования взвоза и регулярных подмывов бортов террасы был уничтожен.

На территории Спасского мужского монастыря археологические исследования проводились в 2004, 2008, 2012 гг. В 2004 г. проведено обследование территории между надвратной церковью Захария и Елизаветы и Спасским собором. В двух шурфах, заложенных в приалтарной части Спасского собора, зафиксированы перекрытия деревянных конструкций погребений некрополя и кирпичный свод склепа [Тарасов, 2006, с. 246]. В 2008 г. архитектурно-археологические исследования были выполнены на территории надвратной церкви Захария и Елизаветы, расположенной северо-восточнее здания собора. В раскопе не было обнаружено перекопов могильных ям и отдельных погребений.

ний [Веженко, 2009]. В 2012 г. проведены разведочные работы вокруг контура Спасского собора на предмет уточнения границ распространения и определения датировки некрополя Спасского собора [Лысенко, 2013]. На основании данных, полученных в 2004 и 2012 гг., можно выделить два хронологических этапа в существовании некрополя при Спасо-Преображенском мужском монастыре.

Захоронения середины XVII в. – 1772 г. фиксируются со стороны северного и западного фасадов собора. В шурфах были вскрыты перекопы могильных ям, имеющих ориентировку по линии ЮЗЗ–СВВ. Заполнение – мешаная светло-бурая супесь с бурыми пятнами суглинка и мелкими линзами гумуса. Инородных включений не встречено. Глубина достигает 1 м от уровня впуска. Края ям ровные и четко читаемые на уровне материка, в плане образуют прямоугольник. Ямы прорезают пачку слоистого мелкозернистого песка мощностью до 0,2 м и подстилающий ее тонкий гумусированный горизонт, фиксирующий уровень освоения данной территории в первой половине XVII в. Уровень впуска, в свою очередь, также перекрыт пачкой слоистой легкой супеси с редкими гумусированными прослойками. Взаимное перекрытие перекопов могильных ям зафиксировано только в шурфе, заложенном напротив северо-западного

угла собора. Внутри собора провести разведочные работы не удалось, но по свидетельству реставраторов, выполняющих работы по замене полов, ими были отмечены многочисленные антропологические останки.

Захоронения второго этапа, датирующегося концом XVIII – началом XX в., связаны с погребениями в приалтарной части собора известных прихожан церкви. На данный момент здесь находится несколько поломанных надгробных памятников и плит, в том числе и с сохранившимися именами – Ф. Г. Баландин (умер в 18??.), Н. Е. Козьминых (умер в 1907 г.). После 2004 г. участок в приалтарной части вновь стал использоваться под захоронения, поэтому археологические работы здесь не проводились.

Исследования на территории Троицкой церкви выполнены в 2008 и 2013 гг. В 2008 г. проведен сбор антропологических останков с отвалов траншеи, заложенной под укрепление фундамента северного Сретенского придела [Веженко, 2009]. В 2013 г. на территории храма было заложено 10 шурфов, три внутри храма и семь на прилегающей территории. В шурфах были обнаружены перекопы могильных ям и изучено одно захоронение. Внутри здания храма перекопы могильных ям обнаружены внутри алтарной апсиды и в северо-

западном углу главного здания. Могильные ямы, расположенные внутри церкви и снаружи ее, по заполнению и планировке не отличаются. Глубина могильных ям от уровня впуска достигает 1,7 м. Ямы ориентированы по оси З–В и в плане имеют подпрямоугольную форму с ровными краями. Заполнение – мешаная светло-бурая супесь с крупными пятнами бурого легкого суглинка. Инородных включений не встречено. В шурфе, заложенном в 3 м от северной стенки колокольни, изучено захоронение по обряду трупоположения, ориентированное головой на запад. Руки скрещены на груди, ноги вытянуты. Погребальная конструкция – гроб, скрепленный гвоздями. На груди зафиксирован сильно окислившийся свинцовый всплеск (пуговица?). Другого погребального инвентаря в захоронении не обнаружено.

На основании данных, полученных по результатам разведочных работ, предварительно можно определить верхнюю границу перекопов могильных ям и изученного погребения 1772 г. Сложности в определении нижней границы возникают из-за скудных источников по истории деревянного храма подворья Троицкой церкви Туруханского монастыря и скромными по объему археологическими исследованиями. Кроме того, на данной территории в рамках проведенных работ не удалось вычле-

нить погребальные комплексы XIX в., известные по письменным источникам. В 1845 г. в ограде Троицкой церкви был похоронен декабрист А. И. Якубович, отбывавший ссылку в селе Назимовском Енисейского уезда [Енисейск..., 1989].

На территории Христорождественского монастыря, располагавшегося в устье р. Мельничная, археологические исследования были проведены в 2013 и 2014 гг. В 2013 г. выполнены разведочные работы на свободной от застройки территории монастыря. В результате работ был зафиксирован северо-западный угол снесенной Христорождественской церкви, перекопы могильных ям и отдельные захоронения. В 2014 г. на участке между зданием Христорождественской церкви и сохранившимся зданием келейного корпуса заложен раскоп размером 7 × 4 м. Предположительно, в данном месте находилась могила местопочтимого святого Даниила Ачинского. В раскопе изучен северо-западный край некрополя монастыря, в котором обнаружено 21 захоронение. Захоронения сохраняют порядовку, расстояние между которыми около 0,5 м. Перекопы могильных ям в плане имеют трапециевидную форму с не всегда ровными краями и ориентированы по оси СЗ–СВ. Глубина могильных ям до 0,8 м. Заполнение представляет собой мешаную темную супесь с включением пятен гумуса, угля и не-

значительного количества артефактов (керамика, кости животных). Погребальный инвентарь, нательные кресты обнаружены в захоронении № 2 и 3. Крестельник из захоронения № 2 представляет собой четырехконечный крест с прямыми углами в средокрестии, из которых отходят 4 небольших луча. На лицевой стороне выпуклым рельефом выделен восьмиконечный крест на голгофе, который украшен контррельефной полоской по центру. На верхней и боковых лопастях выделены квадраты, оконтуривавшиеся тонким рельефным валиком. Надписи не читаются. В вогнутых участках сохранились фрагменты белой эмали. С оборотной стороны крест разделен плохо читаемыми контррельефными полосами на прямоугольные зоны. Текст не читается. Аналогичный крест обнаружен в погребении № 184 некрополя Илимского острога [Молодин, 2007, с. 162]. Второй крест поломан на отдельные фрагменты и в данный момент находится на реставрации.

Погребальные комплексы, изученные в раскопе, перекрыты углубленной в землю постройкой, сгоревшей в пожаре 1869 г. На полу конструкции обнаружена фарфоровая лампада и серия стоящих керамических сосудов различных форм, нумизматический материал («1 копейка» 1840 и 1842 гг., «2 копейки» 1812 г.). Таким образом, верхней

хронологической границей изученных погребений является середина XIX в. Нижняя граница определяется достаточно условно второй половиной XVIII в.

Кроме обследования территории приходских и соборных церквей и монастырей были проведены археологические работы на территории Абалацкого кладбища. Сейчас на его территории разбит парк местного Дома культуры. На западной оконечности кладбища вблизи разрушенной Входаиерусалимской церкви был заложен один шурф. В шурфе на глубине 1 м обнаружен край гроба, украшенного по краям зеленой тесьмой. Захоронение было законсервировано. Датировка данного некрополя определяется достаточно точно с 1801 г. по 20-е гг. XX в.

Таким образом, наиболее ранними захоронениями, зафиксированными на территории малого города Енисейского острога, являются комплексы захоронений внутри здания Богоявленского собора и погребение, обнаруженное на пересечении ул. Бабкина и Петровского. На основании данных планиграфии и стратиграфии погребения уверенно можно датировать XVII в.

В течение XVIII в. в связи с увеличением числа прихожан и строительством новых храмов разрастаются и появляются новые прицерковные некрополи на участке между зданием гостиного двора и Богоявленским собором. Син-

хронность существования Богоявленского, Преображенского, Знаменского погостов и ограниченная территория, на которой они расположены, привела к размыванию границ между ними. Данные обстоятельства ограничили возможность привязки захоронений к конкретному храму и выделения отдельных этапов в их функционировании.

Начиная с конца XVIII в. в связи с изменением государственного законодательства, с одной стороны, и крайней сжатостью существующих участков для захоронений в пределах малого острога – с другой, привели к выделению участка для «кладбища мертвых тел» за пределами городской территории. В 2008 г. в траншее, заложенной вокруг существующей каменной ограды и вокруг алтарной апсиды Успенской церкви, были обнаружены многочисленные разрушенные кости скелетов и один натертый крест [Веженко, 2008]. В 2013 г. на территории, расположенной севернее Успенской церкви, было заложено три шурфа, в которых следов существования некрополя не обнаружено. Расширение

города в южном направлении привело к тому, что выделенная территория под погост была включена в жилой квартал городской застройки, в связи с чем и прекращаются захоронения на нем, а кладбищенская Успенская церковь переименовывается в приходскую [Буланков, Шумов, 1999, с. 162].

К концу XVIII в. произошло окончательное формирование участков под захоронение за пределами города на территории Абалацкого и ныне функционирующего Севостьяновского кладбища.

Не совсем ясна нижняя хронологическая граница погребальных комплексов на территории Спасского мужского и Христорождественского женского монастыря. В первую очередь это связано со скудостью погребального инвентаря в изученных захоронениях и невыраженностью стратиграфических позиций перекопов могильных ям.

Общим для всех изученных некрополей остается четко фиксируемый спад в динамике захоронений на прицерковных погостах в течение XIX в. и превращение их в места захоронений городской элиты.

Список литературы

Буланков В. В., Шумов К. Ю. Енисейск. Очерки по истории развития и застройки города. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1999. – 216 с.

Бердников И. М. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник (по материалам в Иркутске): дисс. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2012. – 199 с.

Бродников А. А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке. Очерки из истории города и уезда. – Красноярск: Енисейский благовест, 1994. – 143 с.

Веженко А. В. Отчет о выполнении разведочных работ на территории объектов культурного наследия памятников архитектуры «Успенская церковь», «Троицкая церковь», «Богоявленский собор», «Спасский монастырь, Надвратная церковь Захария и Елизаветы» в г. Енисейске Енисейского района Красноярского края, проведенных в 2008 году. – Красноярск, 2009 // Архив МК Красноярского края. № 1231.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. – Т. 3. – 539 с.

Краткое описание приходов Енисейской епархии. – Красноярск: Типография Епархиального братства, 1916. – 243 с.

Енисейск (исторический очерк) // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – Вып. 1. – С. 49–54.

Леонтьев В. П. Разведка в низовьях Ангары и в среднем течении Енисея // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 116–117.

Лысенко Д. Н. Отчет об археологической разведке на территории Богоявленского собора и Спасского мужского монастыря в г. Енисейске Красноярского края в 2012 г. – Красноярск, 2013 // Архив МК Красноярского края. № 1299.

Лысенко Д. Н. Отчет об археологических раскопках некрополя Богоявленского собора в г. Енисейске Красноярского края в 2010 г. – Красноярск, 2012 // Архив МК Красноярского края. № 1201.

Лысенко Д. Н. Тарасов А. Ю. Проблемы сохранения и перспективы исследований археологических объектов на территории города Енисейска // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: материалы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. – С. 137–144.

Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Николаев Р. В. Археологические находки на севере Красноярского края // СА. – 1960. – № 1. – С. 254–256.

Памятники Сибирской истории XVIII века. Книга 1: 1700–1713 гг. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1882. – 571 с.

Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 304 с.

Тарасов А. Ю. Археологические исследования в г. Енисейске // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 244–246.

Тарасов А. Ю. Раскопки Всехсвятского некрополя в г. Красноярске // Археологические открытия 2005 года. – М.: Наука, 2007. – С. 225–226.

Сахаров А. В. Организация кладбищ Российской Империи в свете официального законодательства второй половины XVII – начала XX века // Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия: материалы междунар. науч.-практ. конф. 5–6 апреля 2012 года. – Пенза; Баку, 2012. – С. 153–161.

Фаст Г. Г. Енисейск православный. – Красноярск: Енисейский благовест, 1994. – 240 с.

Царев В. И. История градостроительства в центральной Сибири с древнейших времен до начала XX века. – Красноярск: Кларетинаум, 2003. – 208 с.

ПИСАНИЦА ОЛЁКМА (НОВЫЕ ДАННЫЕ)

Летом 2014 г. авторами в Тындинском районе Амурской области была повторно обследована Олёкминская писаница (Юктали. Петроглифы 1). На памятнике была проведена топосъемка, фотофиксация, копировка наскальных рисунков.

Писаница находится на левом берегу р. Олёкма, в 16 км к западу от п. Юктали Тындинского района Амурской области, в 600 м к югу от железнодорожного моста через р. Олёкма и в 500 м севернее трассы проектируемой ЛЭП.

Писаница открыта А. И. Мазиным в 1967 г. Им были выявлены рисунки на двух широких смежных плоскостях, где были представлены антропоморфные фигуры (самостоятельно и в лодках), солярные знаки, животные, всадники и люди, ведущие животных на поводу (рис. 1). В 1971 г. у подножия писаницы А. И. Мазиным был заложен раскоп 5 × 1,5 м, который показал два культуросодержащих слоя. В первом культурном слое обнаружены железные изделия: на-

конечники стрел, обломок латной пластины. Во втором культурном слое найден каменный инвентарь (скребки). Между слоями обнаружено бронзовое изделие в виде пуговицы. В дерновом слое и в расщелинах скалы находились современные вещи (берданочные гильзы, пуговицы, монеты, бусины и др.). Находки у писаницы Олёкмы, обнаруженные при раскопках, были трактованы как жертвоприношения. Писаница датирована исследователем по материалам данного жертвенника: концом II – началом I тыс. до н. э. [Окладников, Мазин, 1976, с. 35–38, 81–82; Мазин, 1986, с. 98].

Петроглифы находятся на массивном валуне скального курумника в 17,5 м к западу от берега, на высоте 4,13 м от июльского уреза воды, экспонированы на восток (обращены в сторону реки, которая течет в этом месте в меридиальном направлении). Размеры валуна: высота более 4 м, ширина порядка 5 м. Камень находится в наклонном положении (под углом 30° к линии горизонта). В подножии он имеет ступенчатые уступы

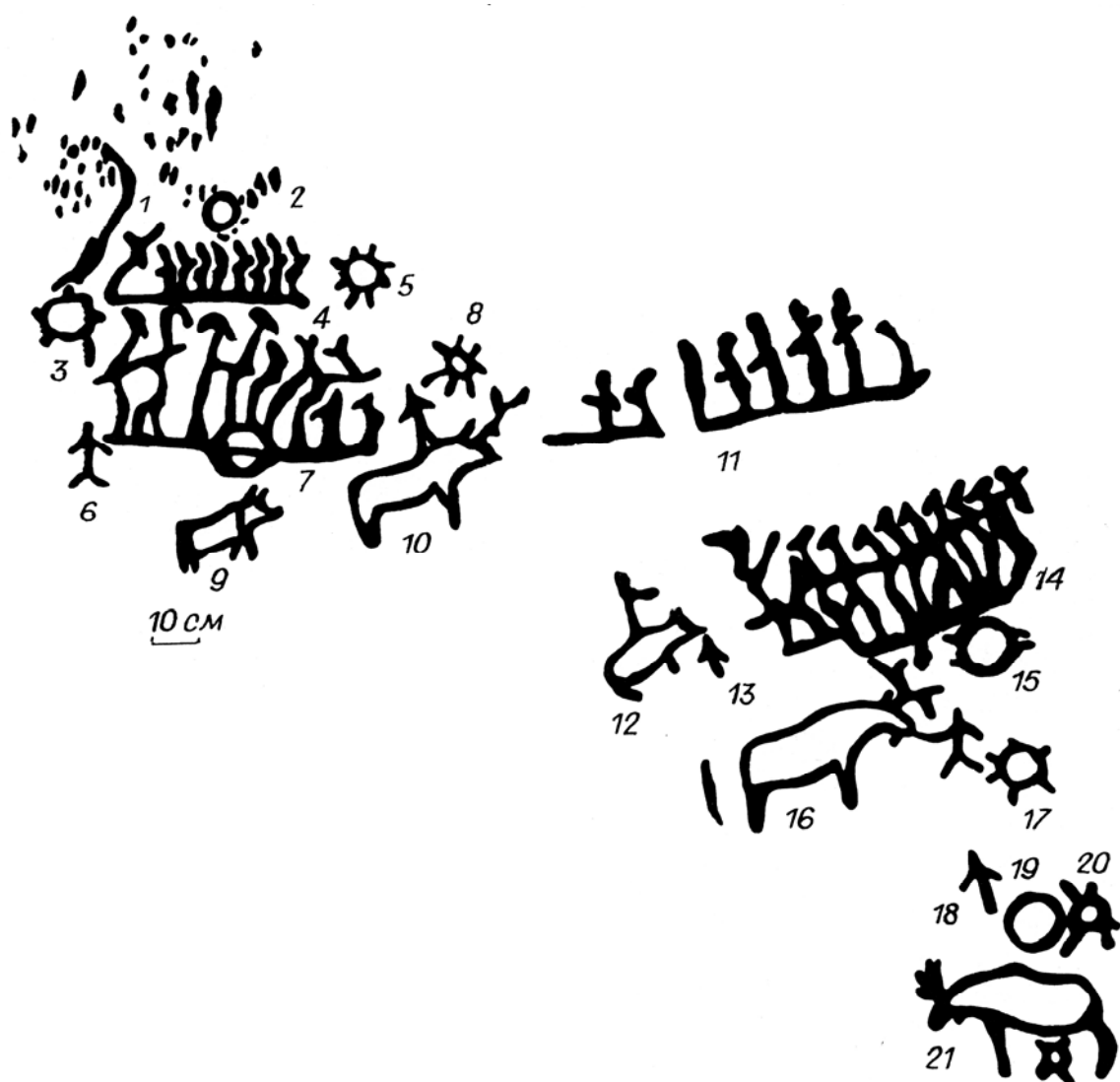

Рис. 1. Писаница Олёкма (по [Окладников, Мазин, 1976, С. 134, табл. 12])

каменных плит. На широком фризе ($4,9 \times 2,3$ м) выявлены рисунки, выполненные красной охрой различных расцветок (темно-бордовый, бордовый, красный, светло-красный). Рисунки сконцентрированы на семи плоскостях.

Плоскость 1 находится на северной оконечности камня на высоте 0,3 м от подножия. Плоскость вертикальная, высотой 1,7 м и шириной 1,5 м, в центре немного вогнутая, ориентирована на

ВЮВ (общий азимут 195°). Поверхность ее неровная, бугристая, обильно покрыта черным лишайником. По всей ее площади черной краской нанесена современная нецензурная надпись. В центре плоскости, на высоте 0,4 м от нижнего края охрой бордового цвета изображена линейная фронтальная фигура человека, слева от него находится контурное профильное изображение копытного животного с ветвистыми рогами, ориентированного в

правую сторону (рис. 3 – 1). В левой нижней части плоскости выявлены фрагменты линейных фигур, выполненных охрой бордового цвета. Древние рисунки частично перекрыты современной краской и повреждены отслоившейся скальной коркой и воздействием биообрастателей.

Плоскость 2 узкая (0,25 м), высокая (1,3 м), смежная с плоскостью 1. Она с неровной поверхностью, под разными углами наклона обращена на ВЮВ (общий азимут 210°), находится на высоте 0,8 м от подножия. В нижней части плоскости (участок 2а) охрой бордового цвета изображены: округлый контур, антропоморфная и неопределенная линейная фигуры (рис. 2 – 1). В центральной части плоскости (участок 2) на высоте 1,3 м от подножия охрой светло-красного цвета показана дугообразная линия с радиально расходящимися «лучами» (рис. 2 – 2). Внутри ее видны два пятна («глаза» личины?). В верхней части плоскости (участок 2б) на высоте 1,75 м от каменного приступка охрой темно-бордового цвета нанесена трудноопределимая линейная фигура (рис. 2 – 3).

Плоскость 3 (ширина 1 м, высота 2 м) под разными углами наклона (вертикальными, положительными, отрицательными к линии горизонта) обращена на ЮЮВ (общий азимут 230°). Поверхность плоскости неровная, бугристая,

со множеством выломов и мест отслоения скальной корочки. В центральной и верхней частях плоскости охрой красного цвета изображены «лодки» (рис. 2 – 5). В них показаны линейные профильные антропоморфные(?) фигуры. В правой части центральной «лодки» изображен солярный знак в виде округлого пятна. В левой части «лодку» перекрывает линейная фигура бордового цвета. Под «лодкой» показана контурная фигура копытного животного с рогами, обращенная в правую сторону. Справа от животного изображена фронтальная линейная фигура человека. Между мордой животного и рукой человека показана соединительная линия (повод?). Слева от животного нанесен вертикальный мазок охры. Рисунки выполнены охрой темно-бордового цвета. Справа под «лодкой» видны контуры антропоморфной(?) фигуры светло-красного цвета.

В правой части плоскости на центральное изображение «лодки с пассажирами»(?) сверху и снизу наложены рисунки солярных знаков в виде округлых контуров с радиально расходящимися линиями-лучами. Верхний знак темно-бордового, нижний – бордового цвета. Ниже видны фрагменты, по всей видимости, другой «лодки». Рисунок сильно пострадал от осыпания скальной породы. Справа от него видна неопределенная линейная фигура. Цвет рисунков красный..

Рис. 2. Писаница Олёкма (Юктали. Петроглифы 1) по работам авторов:
1 – участок 2а; 2 – плоскость 2; 3 – участок 2б; 4 – участок 3б; 5 – плоскость 3;
6 – плоскость 3а; 7 – плоскость 4

В нижней части плоскости находится контурная фигура оленя, ориентированная в левую сторону, под нею – фрагменты неопределенного рисунка.

Цвет охры красный. В правой нижней части плоскости (участок 3а) выявлены горизонтальный и вертикальный мазки охры бордового цвета (рис. 2 – 4).

Плоскость 3а шириной 0,3 м и высотой 0,4 м расположена в нижней части скального фриза, между плоскостями 3 и 4, на высоте 1 м от подножия. Под отрицательным углом наклона (-20°) она обращена на восток (азимут 250°). В центре плоскости контурно нанесено изображение звероподобного животного с валенкообразными короткими конечностями (медведь?) (рис. 2 – б). Ориентирована фигура в правую сторону. Сверху к спине животного примыкает вертикальная линия с боковым горизонтальным коротким «отростком». Ниже носа животного нарисована другая вертикальная линия с двумя диагональными «отростками» (концы их опущены вниз). Цвет охры темно-бордовый.

Плоскость 4 широкая (1,2 м), высокая (1,3 м), смежная с плоскостью 3. С отрицательным углом наклона (-20°) она обращена на ВЮВ (азимут 205°). Поверхность плоскости гладкая, в верхней и правой частях покрыта черным лишайником.

В верхней части плоскости нанесены многочисленные пятна красного, бордового и темно-бордового цветов (рис. 2 – 7; ил. 3). Наблюдается интенсивный палимпсест (нижний пласт охры красного цвета, следующий – бордового, наиболее поздний – темно-бордового цветов). Ниже их по центру расположено кольцо бордового цвета, под ним – «лодка

с 9 пассажирами» (?) красного цвета. Ориентирована «лодка» в левую сторону (вверх по течению). Нос «лодки» показан дугообразной линией, увенчанной округлым пятном (солярный знак?). Антропоморфные фигуры «пассажиров» (?) показаны условно в виде вертикальных линий, загнутых в верхней части в левую сторону. На месте сгиба их пересекают наклонные короткие росчерки охры. Слева над «лодкой» видны контуры неопределенной фигуры красного цвета, поврежденной диагональной трещиной. Под ней охрой бордового цвета изображен солярный знак с короткими отростками-лучами. Другой солярный знак с восемью более длинными лучами нанесен на плоскость охрой темно-бордового цвета по правую сторону от «лодки».

Ниже «лодки» (?) по центру плоскости расположена другая, более крупных размеров «лодка», выполненная также охрой красного цвета. «Кормовая» и «носовая» ее части четко не обозначены. Антропоморфные фигуры (?) также показаны в профиль, но более объемно и реалистично, они обращены в правую сторону. Головные части некоторых «пассажиров» показаны условно: в виде наклонных или дугообразных линий, «ноги» согнуты в «коленях». Центральную (на уровне «пояса») часть фигур пересекают наклонные прямые линии (фаллосы?). Поверх рисунка «лодки» в

центре наложено изображение кольца бордового цвета, в правой части фрагменты овального контура с лучами-отростками темно-бордового цвета. Правее показан всадник, стоящий на спине копытного животного с рогами. Над ними изображен солярный знак с семью лучами. Все эти рисунки выполнены охрой бордового цвета.

Под «лодкой» в нижней части плоскости охрой бордового цвета контурно показано животное с короткими конечностями (медведь?). Ориентирована фигура в правую сторону. Левее ее на краю плоскости выявлена линейная фронтальная фигура человека бордового цвета. В правой нижней части плоскости находятся пятна охры того же цвета. Вдоль нижнего края плоскости зафиксированы вертикальные короткие мазки охры красного и бордового цветов.

Плоскость 5а примыкает слева к верхней части плоскости 4 и снизу граничит с плоскостью 5. Ширина ее 0,3 м, высота – 0,4 м. Под отрицательным углом наклона (-20°) она обращена на ВЮВ (азимут 210°). Под лишайником черного цвета выявлены пятна охры красного и бордового цветов (рис. 3 – 3).

Плоскость 5 находится ниже плоскости 5а, слева граничит с плоскостью 4, рельефно выступает на 5–10 см над основной поверхностью скального фриза. Имеет подтреугольную форму,

ширина ее в основании 0,3 м, высота – 0,4 м. Она вертикальная, обращена на восток (азимут 190°), имеет бугристую поверхность. В центральной части плоскости охрой темно-бордового цвета изображен солярный знак с 5 лучами (рис. 3 – 2). Ниже него находится овальная фигура с горизонтальными и вертикальными «отростками», выполненная охрой светло-красного цвета.

Плоскость 6 шириной 0,4 м и высотой 0,3 м расположена на боковой грани каменного блока, она вертикальная, обращена на юг (азимут 265°). На высоте 1,7 м от подножия в центре плоскости охрой темно-бордового цвета нарисован круг с двумя короткими внешними «отростками» (рис. 3 – 4).

Плоскость 7 находится под плоскостью 6 (плоскость 6 нависает над ней, ширина навеса 0,4 м), на месте вылома в скале. Плоскость небольшая (ширина 0,2 м, высота 0,15 м), под небольшим положительным углом наклона обращена на восток (азимут 190°). Поверхность ее неровная, сильно повреждена отслоением скальной корочки. Сохранились фрагменты изображений в виде пятен (размером 1×1 см) бордового цвета (рис. 3 – 5).

Судя по сюжетным и стилистическим характеристикам, разнообразию цветовой гаммы красящего пигмента, степени сохранности, случаям палимпсеста,

Писаница Олёкма (новые данные)

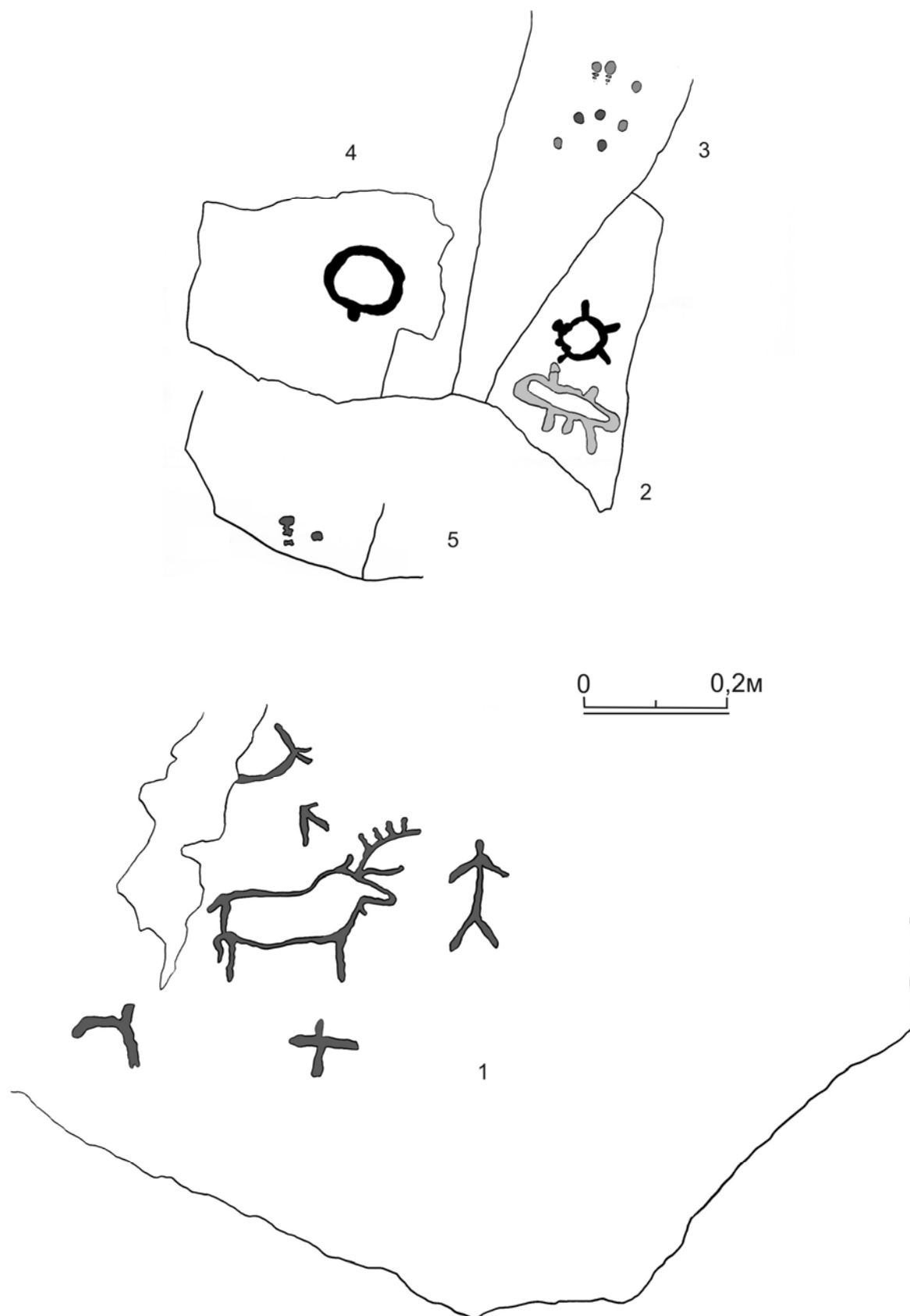

Рис. 3. Писаница Олёкма (Юктали. Петроглифы 1) по работам авторов:
 1 – плоскость 1; 2 – плоскость 5; 3 – плоскость 5а;
 4 – плоскость 6; 5 – плоскость 7

изображенные фигуры разновременные. Наиболее поздний пласт петроглифов выполнен охрой темно-бордового цвета. Как правило, это округлые пятна, соляренные знаки в виде колец, обрамленных иногда единичными короткими «отростками». По всей видимости, они выполнены в период позднего Средневековья – этнографической современности. Более ранний пласт петроглифов представлен рисунками бордового цвета. К ним относятся пятна, многолучевые соляренные знаки, контурные фигуры животных, обращенных в правую сторону, фронтальные линейные антропоморфные фигуры. Как правило, они иллюстрируют оленеводческие (?) и охотничьи сюжеты и могут соотноситься с эпохой раннего железного века – Средневековья. К эпохе бронзы могут относиться изображения «лодок», животных, выполненных охрой красного цвета. Наиболее ранний пласт петроглифов нанесен охрой светло-красного цвета. Эти рисунки имеют наименьшую степень сохранности, плохо просматриваются на скальной поверхности, составляют самый нижний

изобразительный слой в палимпсестах и, судя по выявленным сюжетам (личины), могут датироваться эпохой позднего неолита – ранней бронзы.

Соответственно петроглифы Олёкмы охватывают широкий временной интервал и предварительно могут быть датированы эпохой позднего неолита – этнографической современности (началом III тыс. до н. э. – II тыс. н. э.). Данной датировке не противоречат материалы, полученные в результате раскопок в 1971 г. А. И. Мазиным у подножия писаницы и сборов подъемного материала.

Таким образом, в результате археологических работ 2014 г. выявлены новые плоскости с рисунками (плоскости 2, 5–7) на писанице Олёкма, расширена и уточнена информация об опубликованных наскальных композициях. Это позволяет в дальнейших исследованиях с новых позиций подойти к вопросам интерпретации образов и сюжетов данного памятника, который является одним из опорных в изучении наскального искусства бассейна р. Олёкма.

Список литературы

- Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1976. – 152 с.
- Мазин А. И. Таяжные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

НОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ АНГАРЫ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

В 2014 г. совместным отрядом ООО «Красноярская геоархеология» и Музея археологии КГПУ им. В. П. Астафьева проведены археологические исследования в Богучанском и Мотыгинском районах Красноярского края. В ходе работ обследованы ранее известные и выявлены новые памятники древнего наскального искусства. На объектах проведены топографическая съемка местонахождений, фотофиксация, копировка изображений, определение современного состояния петроглифов.

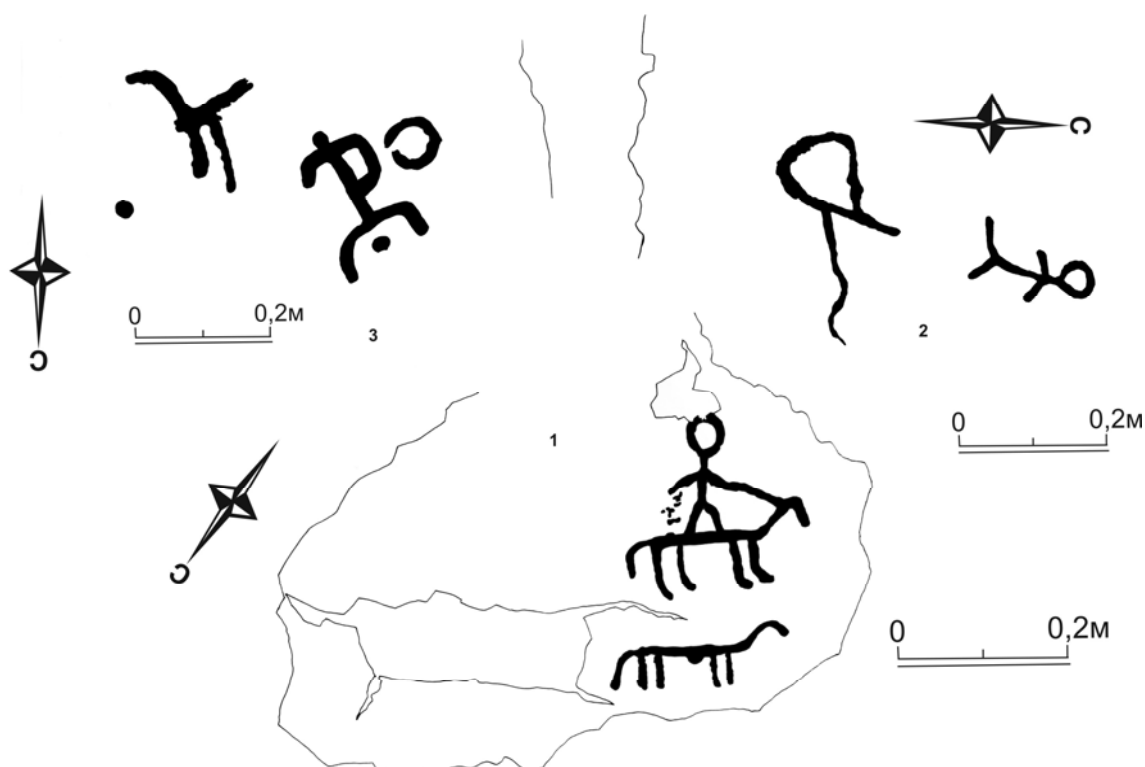
Петроглиф Манзинский камень.

Объект обнаружен краеведом А. В. Каявой в 2013 г., обследован участниками отряда в августе 2014 г. Валун с петроглифами находится на песчаном пляже левого берега р. Ангара, на южной оконечности п. Манзя. Он расположен на высоте 2,5 м от уреза воды, в 35 м от берега. Размеры валуна: длина 1,3 м, ширина 1,3 м. В плане он имеет подтреугольную форму, в поперечном разрезе –

трапецевидную. Рисунки выявлены на двух плоскостях.

Плоскость 1 расположена на верхней грани валуна, под положительным углом наклона (30°), обращена на СВ (азимут 35°), вверх по течению реки. Имеет подтреугольную форму. Размеры: длина 0,8 м, ширина в южной части 0,6 м, в северной – 0,25 м. Рисунки выполнены выбивкой. От воздействия воды и льда рисунки стали слаборельефными. Узнаваемые контуры изображений выявлены в южной части плоскости. Рисунки выполнены схематично, в линейном стиле. Изображена ростовая фигура всадника, стоящего на спине животного (лошадь?). Голова всадника показана в виде кольца. Под ним изображено другое копытное животное. Фигуры ориентированы в правую сторону (вниз по течению реки, на юг) (рис. 1 – 1).

Плоскость 2 смежная, является восточным бортом валуна. Она подтреугольной формы, немного выпуклая, вертикальная, обращена на восток

*Рис. 1. Петроглифы Нижней Ангары:
1 – Манзинский камень. Плоскость 1 (вид с северо-запада);
2 – Манзинский камень. Плоскость 2 (вид с востока);
3 – петроглифы Геофизик. Валун 3 (вид на петроглифы с северо-запада)*

(азимут 0°). Высота в южной части 0,8 м, в северной 0,25 м; длина 1,3 м. На высоте 0,25 м от подножия зафиксирован подтреугольный контур, выполненный неглубокой, редкой выбивкой. К нему примыкают слабоопределимые линии. Правее визуально просматривается фрагмент изображения в виде незаконченного горизонтального овала с небольшим отростком в левой части. Копировка данного изображения проявила горизонтальную линейную антропоморфную фигуру с кольцевидной головной частью (рис. 1–2).

Данная находка еще раз свидетельствует о существовании устойчивой

традиции у древнего населения региона использовать для нанесения петроглифов не только скальные утесы, но и береговые валуны.

Судя по технике нанесения рисунков, сюжетным и стилистическим особенностям, петроглифы выполнены в одно время и, по всей видимости, одним автором. Подобная схематичная линейная манера передачи образов, сюжетные аналогии (всадники, лошади, пешие люди), схожая иконография персонажей (кольцевидное оформление головы антропоморфов, их фронтальный ракурс), техника исполнения (выбивка) зафиксированы на других береговых камнях

в низовьях Ангары у шиверы Мурожной (Мурожные камни – 1, 2) [Заика, 2005, с. 139, рис. 6]. Первоначально рисунки были датированы эпохой бронзы, трактованы как сцены военных походов или перекочевок [Пашинов, Дроздов, 1976, с. 271]. Повторное обследование Мурожных камней навело исследователей на мысль, что «рисунки относятся ко времени миграций кетоязычных или самодийских этнических групп с юга на север» [Медведев, Дроздов, Пашинов, 1978, с. 259], позже они были отнесены к железному веку [Наскальное искусство..., 1995, с. 47].

В целом скотоводческие сюжеты не характерны для наскального искусства Нижней Ангары. Вместе с тем культурное влияние кочевников Минусинской котловины часто прослеживается на материалах погребальных, культовых комплексов и других объектов археологии на территории региона [Леонтьев, Дроздов, 2003; Мандрыка, 2010; Дроздов, Гревцов, Заика, 2011, с. 60; Сенотрусова, 2012]. Наиболее ярко свидетельствуют о тесных межкультурных контактах изделия художественной металлопластики как «импортного» происхождения, так и в виде местных дубликатов. Что касается существования если не местных вариантов коневодства, то почитания лошади, об этом может свидетельствовать факт ритуального захоронения

краниальных остатков и фрагментов конечностей лошади (СОАН – 4362: 2295±45 л. н.) на культовом комплексе Каменка [Следы медвежьего культа..., 2003]. Соответственно нижняя дата появления в регионе лошади и, видимо, всадников как сюжета в наскальном искусстве соотносится с концом 1 тыс. до н. э., что не противоречит ранее сделанным выводам о датировке рисунков всадников в петроглифах Нижней Ангары в широком временном интервале (ранний железный век – этнографическая современность) [Ключников, Заика, 2006]. В нашем случае также следует датировать петроглифы на Манзинском камне.

Объект находится в аварийном состоянии. Под воздействием воды и льда поверхность камня разрушается: отслаивается верхняя корочка камня, появляются трещины, участки вылома пород. По всей поверхности камня видны многочисленные царапины и росчерки, следы затертостей. Негативно сказывается на сохранности объекта использование его для швартовки современных судов: видны многочисленные следы металлических тросов в виде царапин, желобов и ржавчины. Плоскость 2 сильно пострадала от разжигаемых под ней костров: поверхность покрыта нагаром, скальная корочка отслаивается.

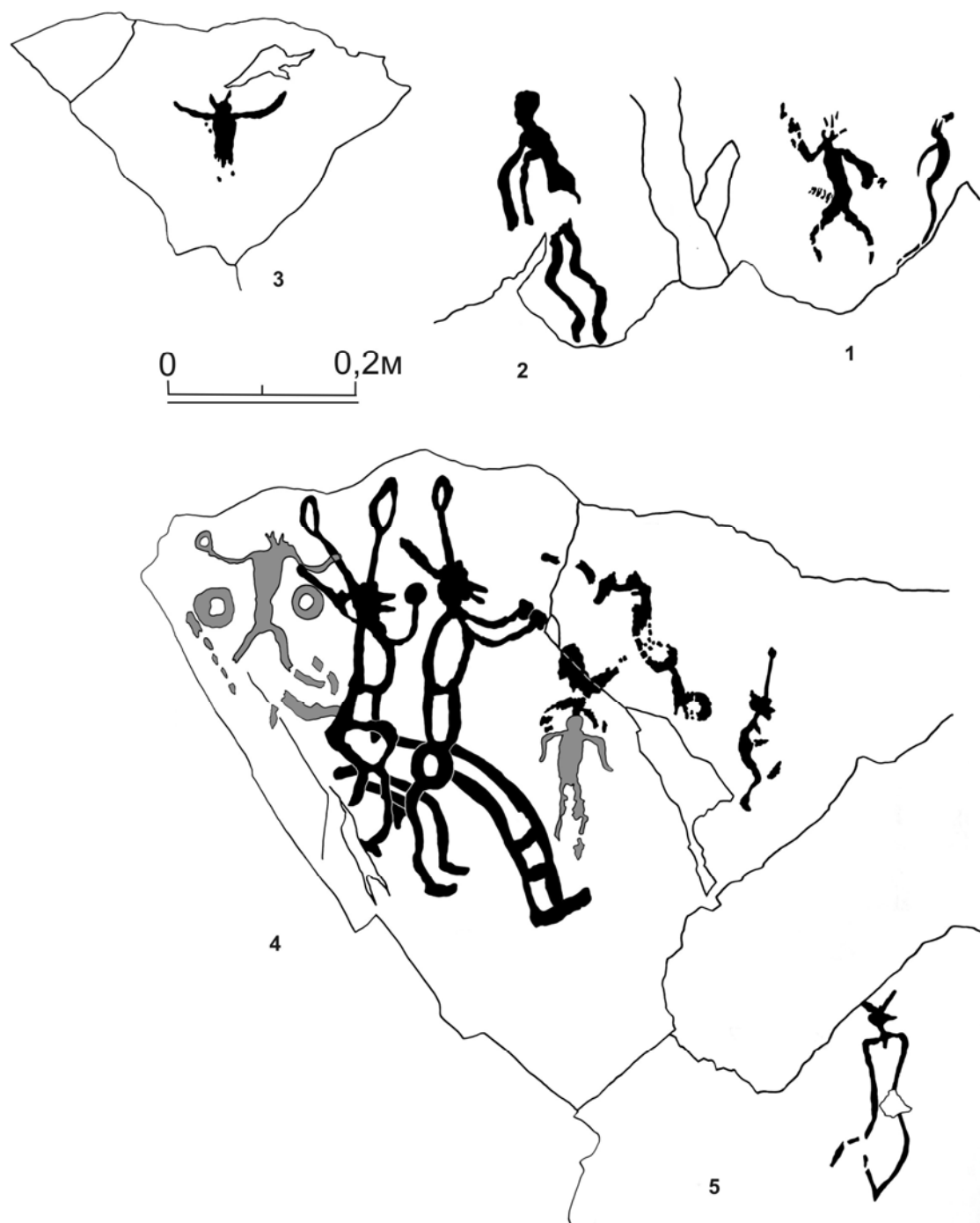

Рис. 2. Писаница Потаскыйский Бык:

1 – плоскость 1; 2 – плоскость 2; 3 – плоскость 3а; 4 – плоскость 3; 5 – плоскость 4

Писаница Потаскыйский Бык.

Писаница была обнаружена в 2008 г. участниками совместного отряда КГПУ им. В. П. Астафьева и Института археологии и этнографии СО РАН [Постнов, 2009, с. 64–65]. На памятнике были про-

изведены: внешнее обследование, выборочная копировка (рис. 3 – 2), фотофиксация наскальных рисунков. В 2014 г. было проведено детальное обследование скального массива с использованием альпинистского снаряжения.

Петроглифы нанесены на левобережный утес Ангары, сложенный известняками. Находится он напротив одноименной шиверы, в 1,6 км южнее п. Орджоникидзе Мотыгинского района. Рисунки встречаются на протяжении более 100 м на отвесных фризах юго-восточного участка скального массива, ограниченного осыпями. Они выявлены на девяти плоскостях, обращенных на восток, северо-восток и юго-восток на высоте 10,5–17,1 м от августовского уреза воды, в 6,5–17,5 м от берега реки. Изображения выполнены красной охрой различных оттенков.

Плоскости 1–5, смежные между собой, сгруппированы на северо-западной оконечности памятника, являются гранями выступающего каменного блока, расположены на высоте 12 м от августовского уреза воды и в 14,5 м к ЮЗ от берега (судя по вертикальному разрезу через плоскость 3).

Плоскость 1 – крайняя правая, шириной 0,5 м, высотой 0,3 м. Находится на высоте 1,8 м от подножия (приступка), под положительным углом наклона (10°), обращена на восток (азимут 160°). На ней выявлены миниатюрные антропоморфные фигуры. Они показаны в фас и профиль, в «рогатых» головных уборах (?). Нанесены рисунки охрой бордового цвета (рис. 2 – 1).

Плоскость 2 примыкает слева к предыдущей плоскости, находится на

той же высоте, разделена с нею скальным уступом глубиной 0,03–0,04 м. Размеры плоскости: ширина 0,5 м, высота 0,3 м. Под небольшим положительным наклоном (10°) она обращена на восток (азимут 155°). В правой части плоскости охрой бордового цвета выполнена профильная антропоморфная фигура с гипертрофированными конечностями (рис. 2 – 2).

Плоскость 3 имеет вид неправильного треугольника, вершина которого обращена вниз. Размеры: ширина в верхней части 0,9 м, высота 0,7 м. Под небольшим положительным углом наклона (10°) она обращена на восток (азимут 165°), находится на высоте 1 м от подножия. Справа к ней примыкает плоскость 4, слева – 5, сверху – плоскости 1 и 2. Разделена с последними горизонтальной трещиной шириной 0,2–0,3 м. Рисунки выполнены охрой красного и бордового цветов. Бордовые рисунки перекрывают красные охристые изображения. Красным цветом выполнены фронтальные антропоморфные фигуры и фрагменты трудноопределимых рисунков в виде линий; бордовым – профильные антропоморфные фигуры в звероподобных масках, фрагменты трудноопределимых изображений (рис. 2 – 4).

Плоскость 3а – смежная с предыдущей, находится левее ее и разделена с нею диагональной трещиной

шириной 0,01–0,03 м. Плоскость вертикальная, расположена на высоте 1,6 м от подножия, обращена на восток (азимут 165°). Она имеет вид равносностороннего треугольника, опущенного вершиной вниз. Ширина верхней части 0,4 м, высота 0,25 м. В центре ее фрагментарно сохранилась верхняя часть фронтальной антропоморфной фигуры, выполненной охрой бордового цвета. Руки персонажа широко раскинуты в стороны, головная часть увенчана «рожками» (рис. 2 – 3).

Плоскость 4 примыкает к плоскости 3 справа, под отрицательным углом наклона (–45°) обращена на север (азимут 100°), расположена на высоте 0,8 м от подножия. Размеры ее: ширина 0,5 м, высота 0,55 м. В левой верхней части она повреждена выломом скальных пород. В верхней части плоскости (на границе вылома) выявлена фронтальная антропоморфная фигура, выполненная охрой бордового цвета. У нее подтреугольное контурное туловище. Верхние конечности (руки) отсутствуют, нижние сохранились фрагментарно и представляют собой ромбовидный контур («колени» развернуты в стороны, «ступни» сведены вместе). Слева (на уровне «коленного сгиба» ноги) к фигуре примыкает дугообразная линия (сохранилась фрагментарно). «Голова» показана на длинной шее, увенчана двумя

отростками и справа имеет приостренный выступ (рис. 2 – 5).

Плоскость 5 (1,4 × 0,8 м) является восточной гранью каменного блока, правым краем граничит с плоскостями 3 и 4. Под отрицательным углом наклона (–25°) она обращена на восток (азимут 210°). В правой ее части на высоте 0,7 м от подножия нанесен охрой бордового цвета линейный П-образный контур. Рядом с ним выявлены фрагменты фронтальной антропоморфной фигуры. Ниже их видны фрагменты головной части животного (лось?). Животное ориентировано в правую сторону (на север). Слева к ней примыкает (частично вписывается в контур головы лося) фигура другого животного, выполненная охрой бордового цвета более светлого оттенка. Контур рисунка читается фрагментарно (рис. 3 – 1). В центре плоскости охрой красного цвета нанесены линейные изображения антропо- и орнитоморфного вида (сохранились фрагментарно). Левая часть скального фриза повреждена широкой глубокой вертикальной трещиной. В верхней части, по обоим краям ее, просматриваются линейные фрагменты неопределенной фигуры, выполненной охрой бордового цвета.

Плоскость 6 находится между плоскостями 1–5 и 7–8 на высоте 10,5 м от уреза воды, в 6,5 м к западу от берега. Она ориентирована на восток,

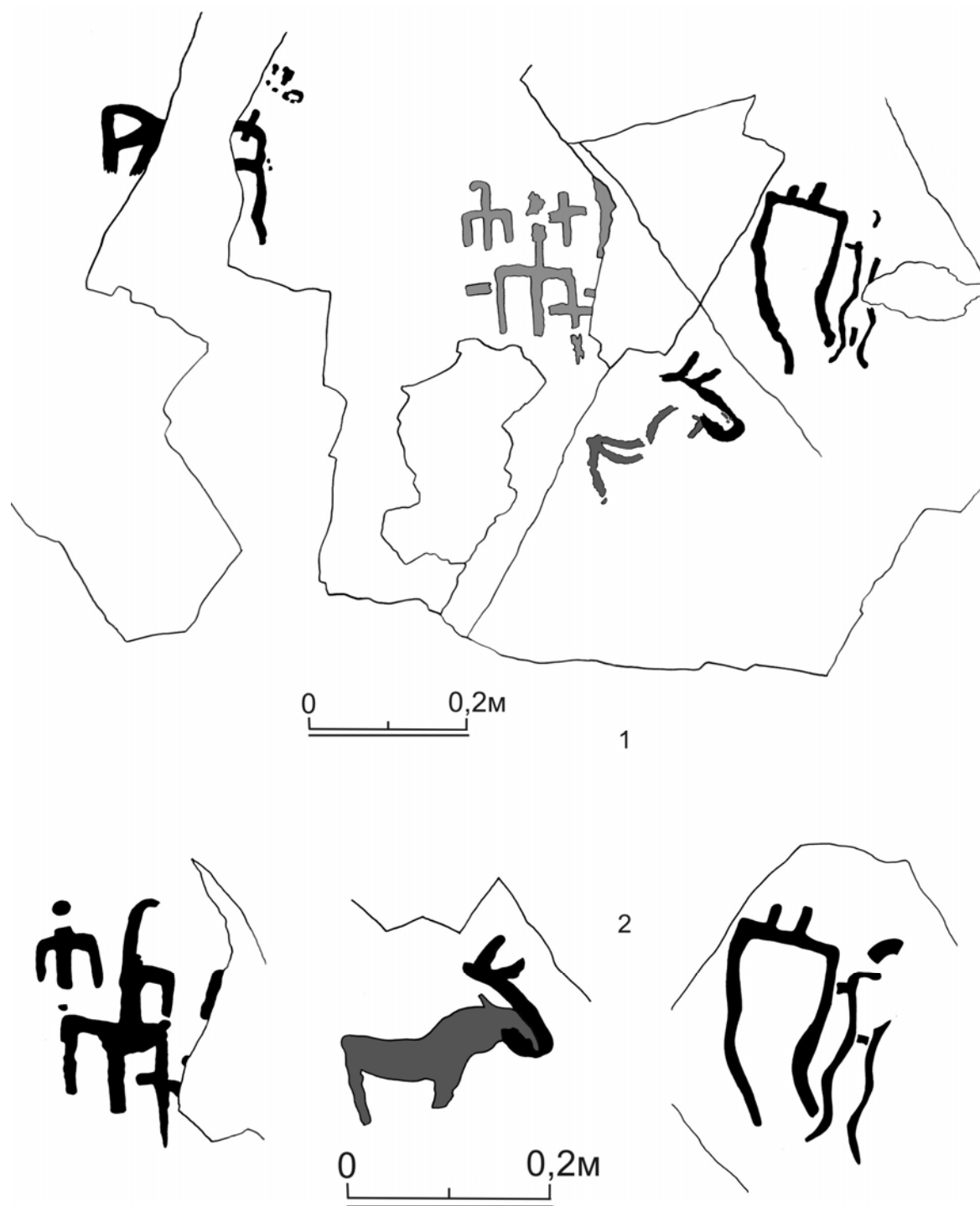

Рис. 3. Писаница Потаскуйский Бык. Плоскость 5:
1 – копии 2014 г.; 2 – копии 2008 г.

(азимут 180°). Основная часть плоскости вертикальная, но нижний край имеет отрицательный наклон (-25°). Размеры ее: ширина 0,6 м, высота 0,7 м. Рисунки выполнены в нижней части плоскости,

представлены миниатюрными фигурами всадников, выполненными охрой бордового цвета на высоте 0,5 м от подножия (рис. 4 – 3). Животные ориентированы в правую сторону, т. е. на север.

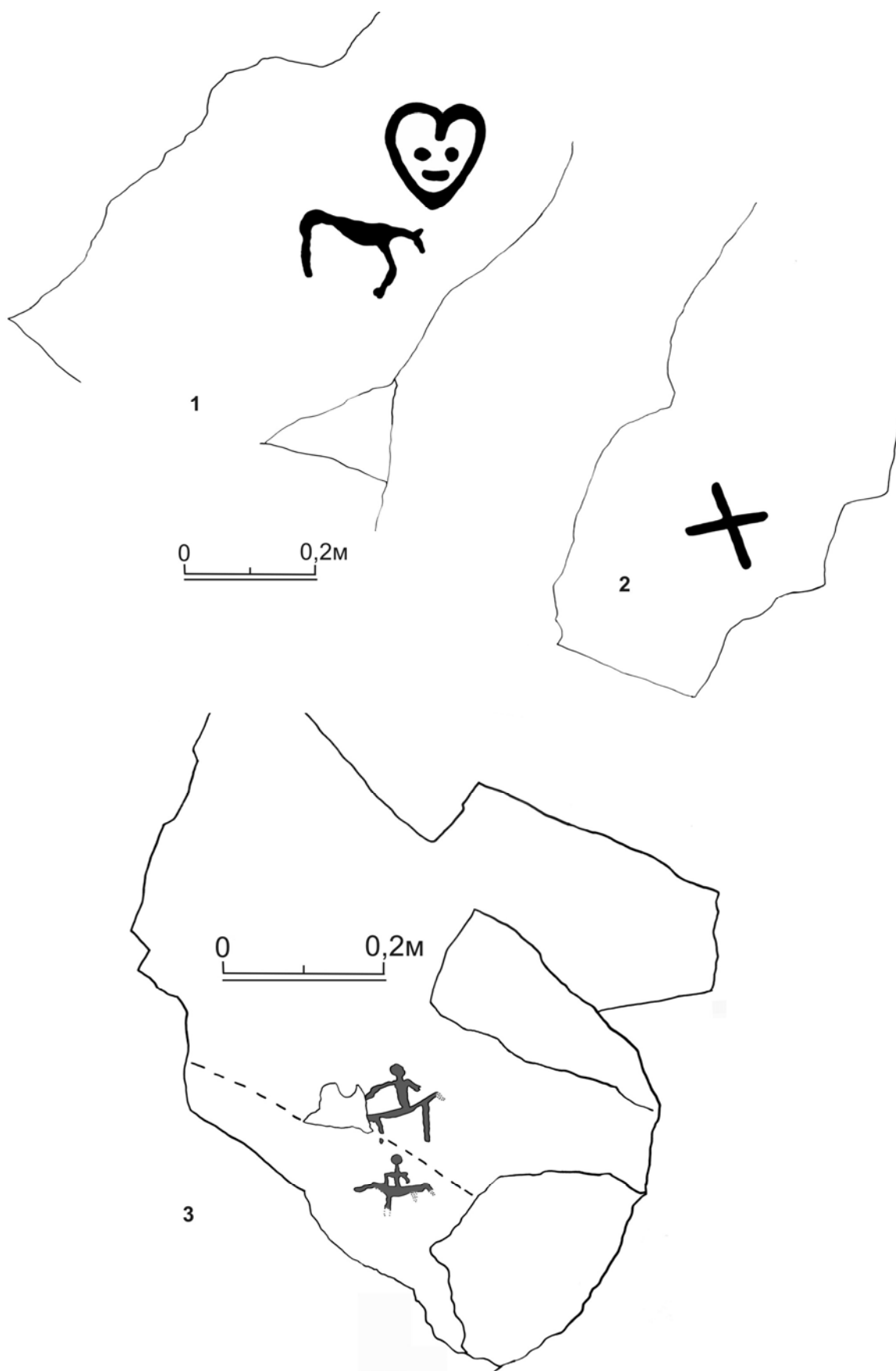

Рис. 4. Писаница Потаскуйский Бык:
1 – плоскость 8; 2 – плоскость 7; 3 – плоскость 6

Плоскости 7, 8 смежные между собой, сгруппированы на юго-восточной оконечности памятника, представляют собой грани общего скального фриза, расположены на высоте 17 м от августовского уреза воды и в 17,5 м к западу от берега реки.

Плоскость 7 ($0,4 \times 0,3$ м) находится на отвесном фризе скалы, почти вертикальная (-5°), обращена на восток (азимут 200°), имеет подпрямоугольную форму, ограничена уступами скальных пород. В центре плоскости расположено изображение чуть наклонного прямого креста, выполненного красной охрой кирпичного оттенка (рис. 4 – 2).

Плоскость 8 – смежная с предыдущей, находится слева и чуть выше нее (между ними уступ скальных пород шириной 0,3–0,4 м). Плоскость вертикальная (-10°), обращена на восток (азимут 205°), расположена под навесом скалы шириной 1 м. Слева от нее находится покатая площадка (угол падения 45°) шириной 1,5 м. Контур плоскости имеет вид неправильного параллелограмма (косая трапеция). Размеры ее: высота 0,6 м, ширина в верхней части 0,4 м, в нижней – 0,6 м. На поверхность верхней правой части плоскости красной охрой кирпичного оттенка нанесено изображение сердцевидной личины (рис. 4 – 1). Под личиной изображено животное, ориентированное в правую сторону.

Учитывая сюжетные и стилистические характеристики изображений, беря во внимание случаи палимпсеста и различные цветовые тонировки красителей, есть основания полагать, что рисунки на писанице выполнены в разное время.

Наиболее ранние изображения находятся на смежных плоскостях 1–4. Большинству антропоморфных фигур (как фронтальных, так и профильных) находятся многочисленные аналогии как в наскальном искусстве региона, так и в петроглифах Сибири, которые датируются эпохой ранней бронзы. Отличаются своеобразием и необычны для петроглифов Ангары профильные изображения зооантропоморфов и фигура с непомерно длинными конечностями. Примечательно, что последней находятся практически прямые аналогии на Шалаболинской писанице [Пяткин, Мартынов, 1985, табл. 3, рис. 8]. Подобные изображения встречаются также в петроглифах окуневской и каракольской культур, что подтверждает наши выводы о датировке рисунков. Изображения профильных человеческих фигур со звероподобным оформлением головы (маски?) уникальны, причем не только для древнего искусства региона, но и Северной Азии. Кроме своеобразно трактованных головных частей привлекают внимание ростовые характеристики фигур, округлое

оформление кистей рук, вынесенные вперед длинные ноги, «антенны». Можно, конечно, в поисках аналогий обратиться к зооантропоморфам в окуневском искусстве, но там представлен образ фантастического хищника, у которого если и присутствуют антропоморфные черты, то они слабо выражены, т. е. вторичны. В нашем случае – наоборот. Наиболее часто профильные антропоморфы со звероподобными головами присутствуют в неолитических петроглифах на мысу Бесов Нос (Онежское озеро). Причем у одного из них руки также оканчиваются силуэтным кругом [Савватеев, 1967, с. 35]. Последняя деталь отмечена и в недавно обнаруженных петроглифах на Шалаболинской писанице, но там антропоморфы лишены звероподобных черт [Заика, 2007, с. 34, рис. 15]. Поэтому вопросы интерпретации и культурно-хронологической принадлежности рассматриваемых образов дискуссионные и требуют дальнейшего исследования.

Изображения на других плоскостях, по всей видимости, выполнены в последующие периоды. Самыми поздними являются миниатюрные рисунки всадников, которые могут датироваться, как указывалось выше, в широком временном интервале.

Петроглифы Геофизик. Одним из участков работ в 2014 г. стала прибреж-

ная зона р. Ангара около п. Геофизиков, где по информации директора Богучанского краеведческого музея М. Н. Душкина были обнаружены валуны с петроглифами. Ранее, в 1972 г., Богучанским отрядом КАЭ ИГУ под руководством Н. И. Дроздова в том же месте был обнаружен валун с выбитыми антропоморфными личинами. Этот валун находился в непосредственной близости от берега, и плоскость с рисунками была обращена к воде. Ее площадь составляла около 7,6 м². Первоначально было зафиксировано 41 изображение антропоморфных личин в виде тройных лунок, заключенных иногда в округлые контуры. Исследователи отметили, что они «схожи с окуневскими» [Пашинов, 1975; Пашинов, Дроздов, 1976, с. 271]. При повторном осмотре объекта было выявлено еще 51 изображение личин [Медведев, Дроздов, Пашинов, 1978, с. 259]. В сентябре 1994 г. валун с петроглифами был перевезен на территорию Богучанского краеведческого музея, где обследовался археологическим отрядом КГПУ в 1995–1996 гг. [Заика, Емельянов, 1996; Заика, Каява, Емельянов, 1997].

При перемещении камень раскололся пополам, часть его поверхности осыпалась, многие петроглифы были утрачены. Сохранились 136 круглых ямок диаметром 1,4–3,8 см и глубиной 0,1–0,6 см, выполненных в технике выбивки

Новые петроглифы Ангары (предварительное сообщение)

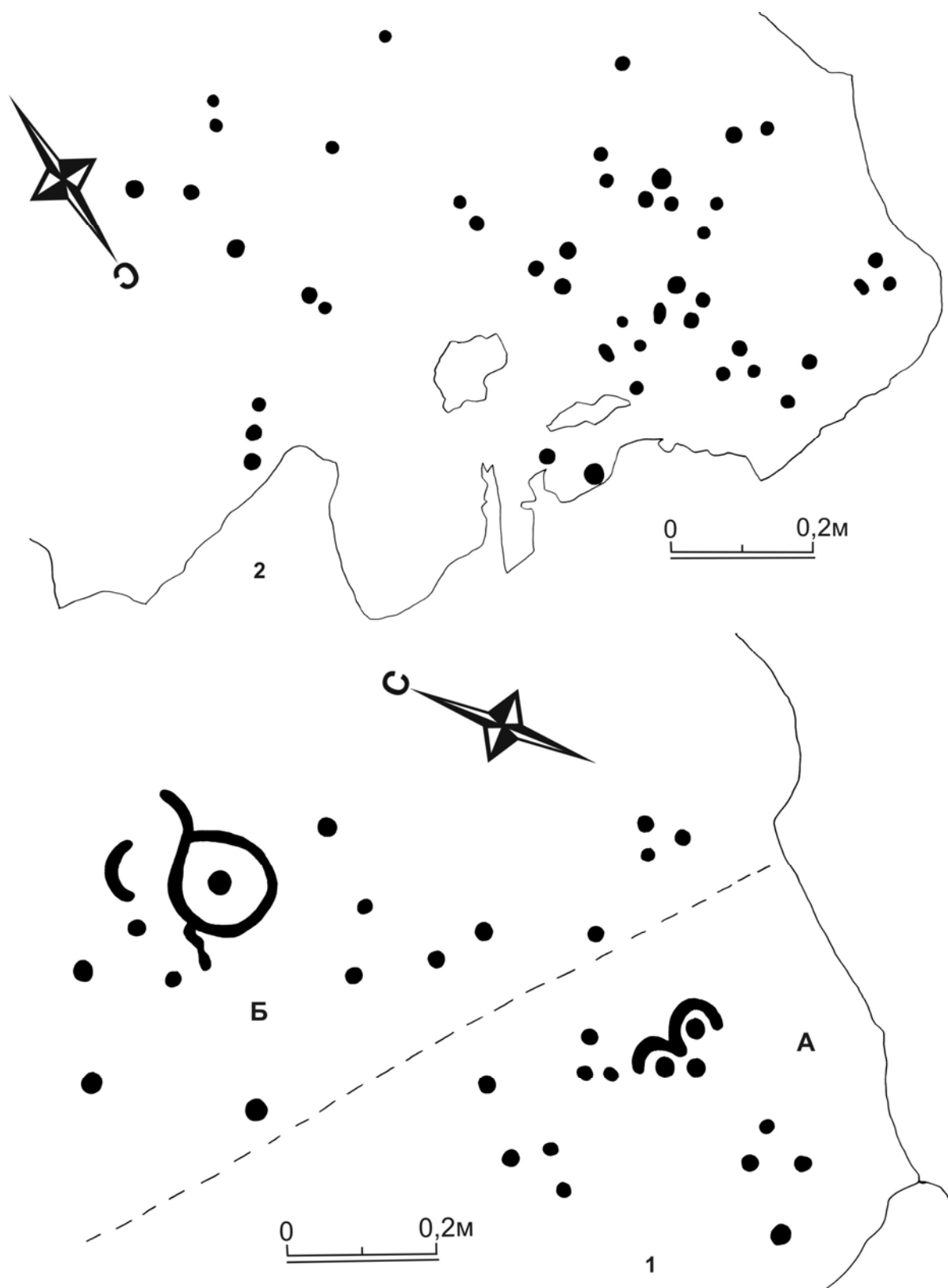

Рис. 5. Петроглифы Геофизик:
1 – валун 1 (А – плоскость 1, Б – плоскость 2), вид с юго-запада;
2 – валун 2 (вид с северо-запада)

с последующей шлифовкой. В большинстве своем они встречаются по три и располагаются по контуру равнобедренного треугольника, возможно, обозначая глаза и рот личин (29 случаев). В трех случаях «рот» показан в виде горизонтального овала. Иногда различимы только «глаза» (14 личин). Выявлены также восемь одиночных ямочных углублений. В центре плоскости находится солярный знак в виде окружности с радиально расходящимися от нее «отростками»-лучами. Одно ямочное углубление находится в центре солярного круга, два – на концах лучей. По причине многолетнего воздействия воды и льда внешние контуры личин (?), выполненные в технике неглубокой точечной выбивки, прослеживаются слабо или совсем неразличимы. Видимые контуры имеют сердцевидную и череповидную формы, в ряде случаев – форму круга [Заика, 2013, с. 51–52].

В 2014 г. в связи с низким уровнем воды выявлена группа валунов с петроглифами, расположенными вдоль кромки левого берега р. Ангара на северо-западной оконечности п. Геофизиков Богучанского района. Рисунки зафиксированы на трех камнях и представляют в большинстве своем чашевидные углубления диаметром 1,5–3,1 см и глубиной 0,1–0,5 см.

Валун 1 расположен в воде, в 2 м от берега. Камень в плане имеет трапе-

чиевидную форму. Длина его 1,8 м; ширина 1,5 м; высота в центральной части 0,8 м, в восточной – 0,43 м. Рисунки нанесены путем выбивки с последующей шлифовкой и фиксируются на двух смежных плоскостях.

Плоскость 1 (1,10 × 0,55 м) почти горизонтальная, под небольшим углом наклона (10°) обращена на юг (азимут 100°) в сторону берега. На ее поверхности выявлены 3 тройных ямочных углубления и одна «трехточечная» личина, обрамленная неполным сердцевидным контуром. Две чашевидные ямки расположены на периферии плоскости (рис. 5 – 1а).

Плоскость 2 (1,25 × 0,65 м) под более крутым наклоном (32°) обращена на север (азимут 115°) в сторону реки. На ее поверхности зафиксированы: неоконтуренная «трехточечная» личина, крупное чашевидное углубление внутри кольцевидного контура с двумя «отростками», рядом с ним дуга. Остальные 11 ямок расположены без видимой системы (рис. 5 – 1б).

Валун 2 находится на расстоянии 35 м к северо-западу от валуна 1, на краю берега. Камень в плане имеет подпрямоугольную форму. Размеры его: длина 1,95 м, ширина 1,4 м, высота южной части 0,4 м, северной – 0,65 м. На южной стороне валуна зафиксирована плоскость с рисунками. Она широкая

(1,05 м), длинная (1,25 м), обращена на берег, имеет положительный угол наклона (25°). На ее поверхности выявлено 45 чашевидных углублений, объединенных в тройные (7 случаев), двойные (8 случаев) комбинации (личины?). У одной из личин (?) «рот» показан в виде горизонтального овала. Остальные семь одиночных ямок расположены несколько хаотично на плоскости (рис. 5 – 2).

Валун 3 находится на берегу, у подножия надпойменной террасы р. Ангара на расстоянии 16 м к юго-западу от валуна 1, в плане имеет подовальную форму. Размеры его: длина 1,45 м; ширина 0,9 м; высота в южной части 0,47 м, в северной – 0,15 м. Рисунки нанесены путем выбивки на верхней плоскости камня (0,9 × 0,75 м), обращенной под положительным углом наклона (35°) на северо-запад (в сторону реки). В юго-восточной части валуна выявлена линейная антропоморфная фигура с широко расставленными ногами, между ними выбито небольшое пятно (рис. 1 – 3). Правее расположен незамкнутый кольцевидный контур. Левее изображения человека выбита неопределенная линейная фигура, рядом с ней – чашевидная лунка. Поверх рисунков современной краской красного цвета нанесен крест.

Учитывая тополандшафтные соответствия объектов, технику нанесения

рисунков, сюжетные характеристики изображений, валуны с петроглифами 1, 2 могут быть датированы, как и «Петроглиф Геофизик», эпохой позднего неолита – ранней бронзы [Заика, 2012, с. 69–70]. В целом они составляли, видимо, единый древний культовый комплекс, интерпретация которого требует отдельного исследования. Рисунки на валуне 3, расположенном несколько обособленно и в другой тополандшафтной ситуации, отличаются по техническим характеристикам выбивки и сюжету изображений. Они, по всей видимости, были выполнены позже.

Петроглифы у п. Геофизиков находятся в аварийном состоянии. Плоскости сильно повреждены царапинами, бороздами и выломами, которые являются следствием воздействия льда и грунта во время ледоходов и паводков. Валун 3 покрыт современными росчерками, следами краски.

В заключение необходимо отметить, что в результате работ 2014 г. корпус источников, касающихся развития древнего искусства на территории региона, ощутимо пополнился объемом новой информации, которая позволяет расширить возможности для решения круга проблем, связанных с вопросами развития как материальной, так и духовной культуры древнего населения Нижнего Приангарья.

Список литературы

- Дроздов Н. И., Гревцов Ю. А., Заика А. Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре (краткий очерк) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова: тр. Сиб. ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – Вып. VII. – С. 77–85.
- Заика А. Л. История изучения петроглифов Нижней Ангары // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: КГПУ, 2005. – Вып. 4. – С. 127–147.
- Заика А. Л. Личины в наскальном искусстве Нижней Ангары // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1 (49). – С. 62–75.
- Заика А. Л. Личины Нижней Ангары. – Красноярск: КГПУ, 2013. – 178 с.
- Заика А. Л. Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: КГПУ, 2007. – Вып. 3. – С. 24–38.
- Заика А. Л., Емельянов И. Н. Писаницы Нижней Ангары // Археология, палеоэкология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1996. – Ч. 2. – С. 25–29.
- Заика А. Л., Каява А. В., Емельянов И. Н. Новые петроглифы Нижней Ангары // Дуловские чтения. – Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1997. – С. 122–126.
- Ключников Т. А., Заика А. Л. Образ всадника в петроглифах Нижней Ангары // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 303–305.
- Леонтьев В. П., Дроздов Н. И. Новые материалы железного века со стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 408–410.
- Мандрыка П. В. К вопросу о появлении и распространении скотоводства в южнотаежной зоне Средней Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. Запад-Сиб. археолого-этнограф. конф. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 203–205.
- Медведев Г. И., Дроздов Н. И., Пашинов А. М. Исследования петроглифов на Нижней Ангаре // Археологические открытия 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 259.
- Наскальное искусство Северного Приангарья / Н. И. Дроздов, В. П. Леонтьев, В. И. Макулов, А. Л. Заика // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – Вып. 1. – С. 46–47.
- Пашинов А. М. Новые петроглифы нижнего течения Ангары // Материалы 13-й Всесоюз. науч. студенч. конф. История. – Новосибирск, 1975. – С. 64–65.

Новые петроглифы Ангара (предварительное сообщение)

Пашинов А. М., Дроздов Н. И. Новые петроглифы нижнего течения р. Ангара // Археологические открытия 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 271.

Постнов А. В. Отчет об археологических разведках устьевых частей притоков р. Ангара в нижнем ее течении на территории Богучанского и Мотыгинского районов Красноярского края в 2008 году. – Новосибирск, 2009. – 259 с.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.

Савватеев Ю. А. Рисунки на скалах. – Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1967. – 167 с.

Сенотрусова П. О. Предметы конского снаряжения в материалах могильника Проспихинская Шивера – IV // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: материалы ЛП Регион. (VIII Всеросс. с междунар. участием) археолого-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т; ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 230–231.

Следы медвежьего культа на Нижней Ангаре (предварительное сообщение) / А. Л. Заика, Н. Д. Оводов, Н. В. Мартынович, Л. А. Орлова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 347–351.

Т. А. Пахомова, А. Л. Заика, А. С. Вдовин
Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева

ПЕТРОГЛИФЫ НА ОЗ. ТУС В ХАКАСИИ

Летом 2013 г. во время музейно-экскурсионной полевой практики студентов исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева было проведено обследование известных объектов историко-культурного наследия на территории Хакасии и юга Красноярского края. Объектом изучения стали археологические памятники в виде стоянок, могильников, наскальных рисунков. На них отрабатывалась методика фиксации в полевых условиях в контексте решения задач охраны и музеефикации данных объектов. Одним из пунктов исследования стали петроглифы на оз. Тус. Была проведена их топосъемка, фотофиксация, копировка наскальных рисунков [Ануфриева, Пахомова, Дорохина, 2014]. В 2014 г. в результате повторных полевых исследований этих петроглифов, работы с фондами и архивами в Красноярском краевом краеведческом музее, Хакасском республиканском национальном музее им. Л. Р. Кызласова, Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартья-

нова, непосредственного общения с Н. В. Леонтьевым, Э. А. Севастьяновой и Н. В. Нащёкиным была уточнена и расширена известная информация о памятнике.

История исследования

Наскальные рисунки на оз. Тус были случайно обнаружены студентами Красноярского сельскохозяйственного института в июне 1968 г., о чем они сообщили сотруднику Красноярского краеведческого музея Н. В. Нащёкину, который в это время руководил археологическими раскопками в окрестностях с. Соленоозерное. В результате обследования местонахождения им и сотрудником Абаканского краеведческого музея А. Н. Липским было обнаружено «семь камней с рисунками» [Нащокин, 1969, л. 23]¹. Исследователями были произведены копировка, фотофиксация, описание петроглифов. О найденных рисунках Н. В. Нащёкин сделал доклад на заседании секции железного века сессии

¹ Н. В. Нащёкин в архивной документации КККМ того времени фигурирует под фамилией «Нащокин».

ИА АН СССР, посвященной итогам полевых работ 1968 г. В следующем году им было продолжено обследование памятника, в результате которого было найдено еще «2 камня с рисунками». Исследователь отметил, что петроглифы разрушаются, часть выпавших плит и отслоившихся фрагментов петроглифов была доставлена им в ККМ [Нащокин, 1969, л. 27–32].

Позже, в 1975 г., на памятнике работали красноярский художник М. М. Бирюков и сотрудник Минусинского краеведческого музея Н. В. Леонтьев [Вадецкая, 1986, с. 160–161]. Ими было отмечено 6 плоскостей с рисунками, нумерация которых проводилась, в отличие от Н. В. Нащёкина, с севера на юг. По словам Н. В. Леонтьева, уже тогда встречались обломки выпавшей одной плоскости (камень № 4 по Н. В. Нащёкину). Петроглифы были сфотографированы и скопированы на микалентную бумагу (рис. 5 – 1). Отслоившиеся фрагменты композиции Н. В. Леонтьев передал в Абаканский краеведческий музей. По информации Э. А. Севастьяновой, она вместе с художником В. Ф. Капелько в 1980-х гг. выезжала на осмотр писаницы. Они копировали петроглифы, также собирали обломки камней с рисунками. Позже фрагменты были склеены В. Ф. Капелько и в настоящее время экспонируются в

Хакасском республиканском национальном музее им. Л. Р. Кызласова.

В 2002 г. рисунки на оз. Тус выборочно копировались петроглифическим отрядом Тувинской экспедиции Государственного Эрмитажа [Панкова, Архипов, 2003, с. 26]. В 2012 г. памятник обследовался отрядом Хакасского отделения ВООПИК под руководством сотрудника Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова А. И. Поселяниным с целью его паспортизации. Н. В. Нащёкин повторно посетил петроглифы оз. Тус в 2012 г. и сообщил авторам данной статьи, что рисунки интенсивно разрушаются. Это явилось одной из причин обследования их в 2013–2014 гг. и определения их состояния.

Характеристика петроглифов

Петроглифы находятся в верхнем ярусе скальных обнажений горы, расположенной на юго-западной оконечности оз. Тус, в окрестностях с. Соленоозерное (Ширинский район, Республика Хакасия). Рисунки выполнены путем гравировки, реже – выбивки, протирки, встречаются на протяжении 500 м. Зафиксированы на 10 плоскостях, экспонированных на юго-восток, восток и юго-запад.

Плоскость 1 (камень № 9 по Н. В. Нащёкину)² находится на северной

² Авторами статьи, в отличие от Н. В. Нащёкина, индексация петроглифов проводилась в обратном направлении – с севера на юг.

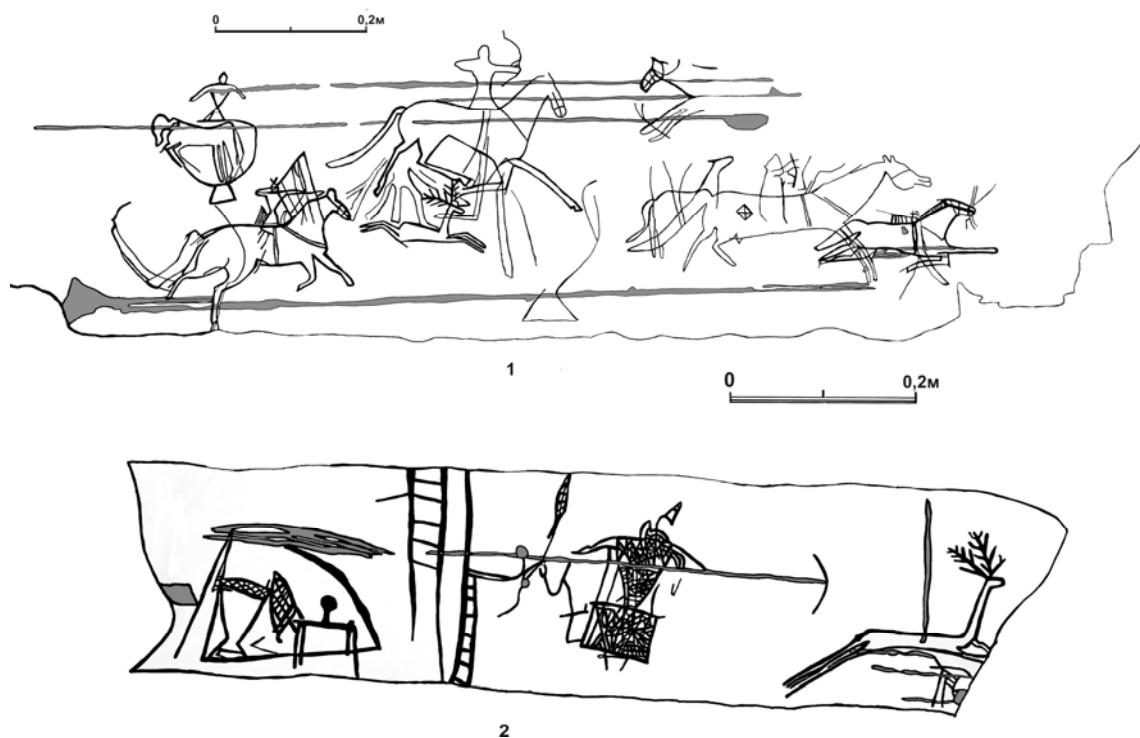

Рис. 1. Писаница Тус. Копии петроглифов:
1 – плоскость 1; 2 – плоскость 5/4 (фрагмент нижней части)

окраине писаницы. Она вертикальная (длина 1,4 м, высота 0,9 м), обращена на юго-восток (азимут 230°). Рисунки выполнены путем гравировки, расположены в нижней части плоскости (верхняя половина ее отслоилась). Представлена сцена охоты с участием всадников и копытных животных (олени, косули). Выявлены фрагменты изображений двух котлов на поддоне (рис. 1 – 1).

Плоскость 2 (камень № 8 по Н. В. Нащёкину) (высота 1,25 м, длина 1,6 м) смежная с предыдущей, под небольшим положительным наклоном обращена на северо-восток (азимут 5°), обильно покрыта лишайниками. В правой нижней половине плоскости выявлено два горизонтальных ряда из семи

котлов на поддоне, выполненных широкой, глубокой резной линией (рис. 2 – 1).

Плоскость 3 (камень № 7 по Н. В. Нащёкину) – смежная с предыдущей, обращена на юго-восток (азимут 125°), узкая (0,5 м), длинная (3,65 м), находится под скальным навесом и сама является скальным карнизом, нависающим над подножием на высоте 0,4–0,5 м. В правой части плоскости зафиксированы олени, выполненные широкой резной линией и протиром. В центральной и левой частях глубокой резной линией и тонкой гравировкой выполнены изображения копытных животных, всадников. Также выявлены рисунок котла на поддоне и схожие перевернутые изображения (рис. 3).

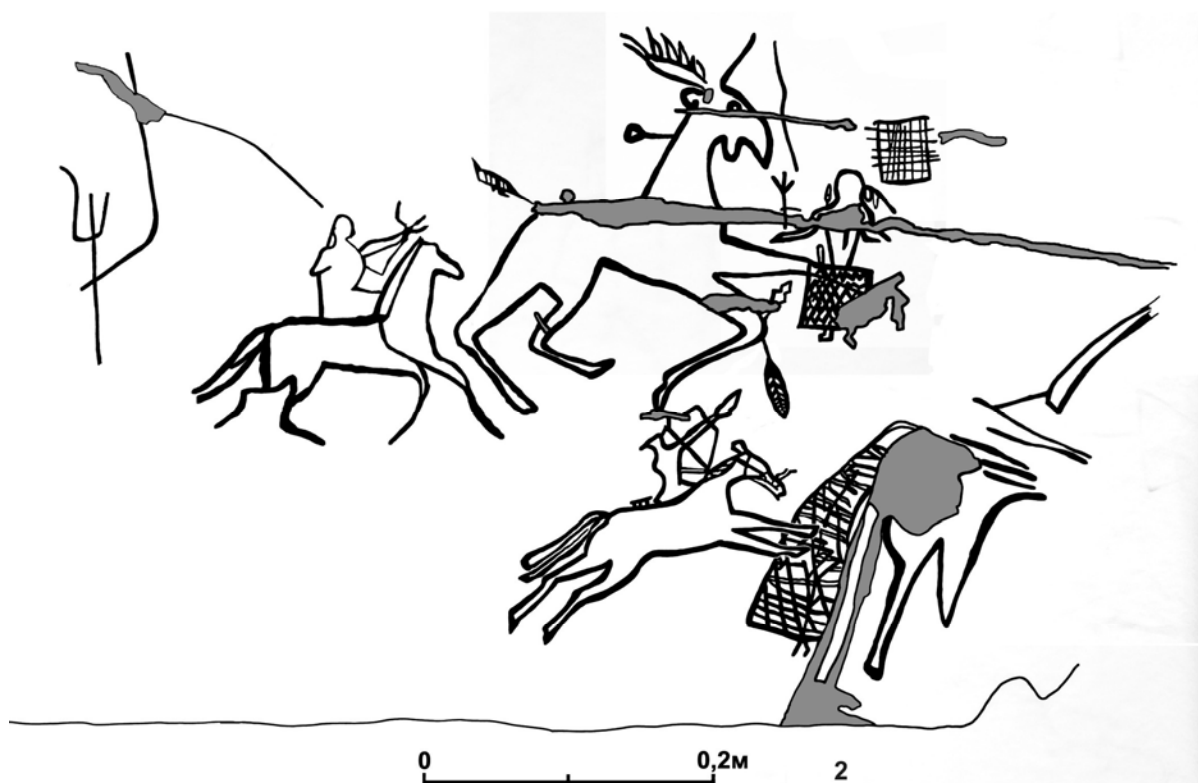
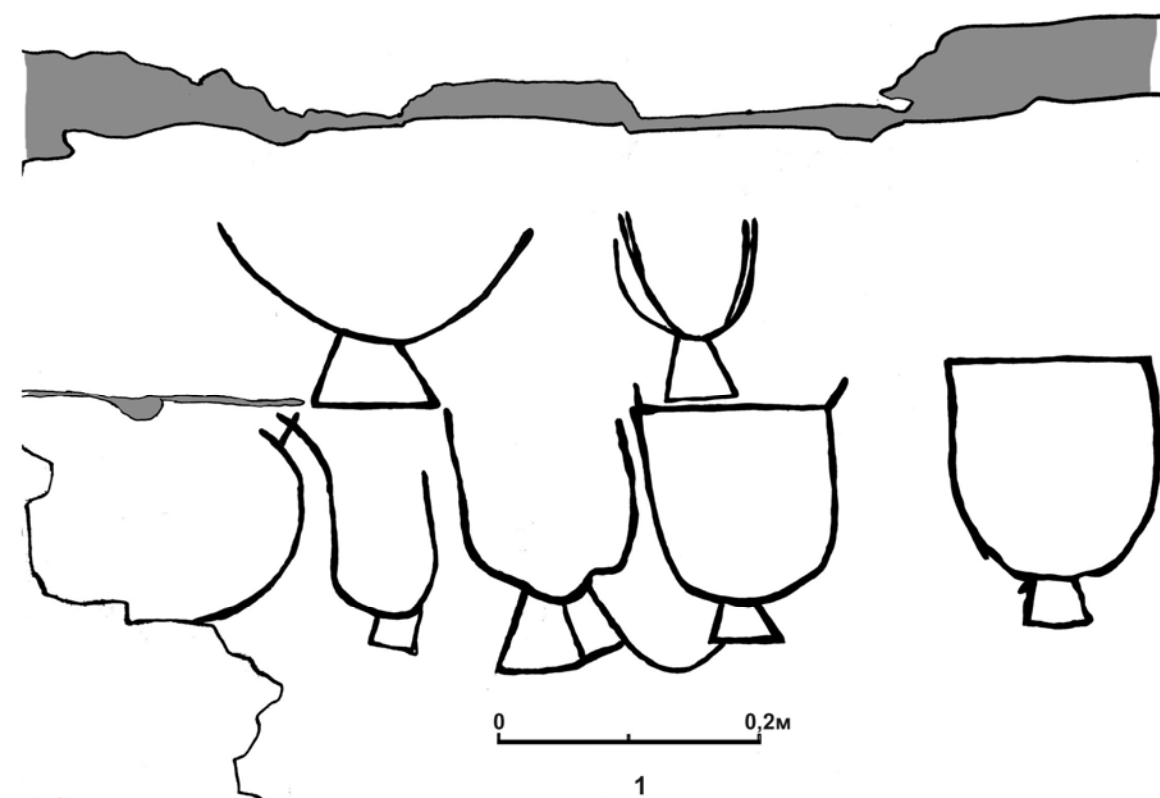

Рис. 2. Писаница Тус. Копии петроглифов:
1 – плоскость 2; 2 – плоскость 5

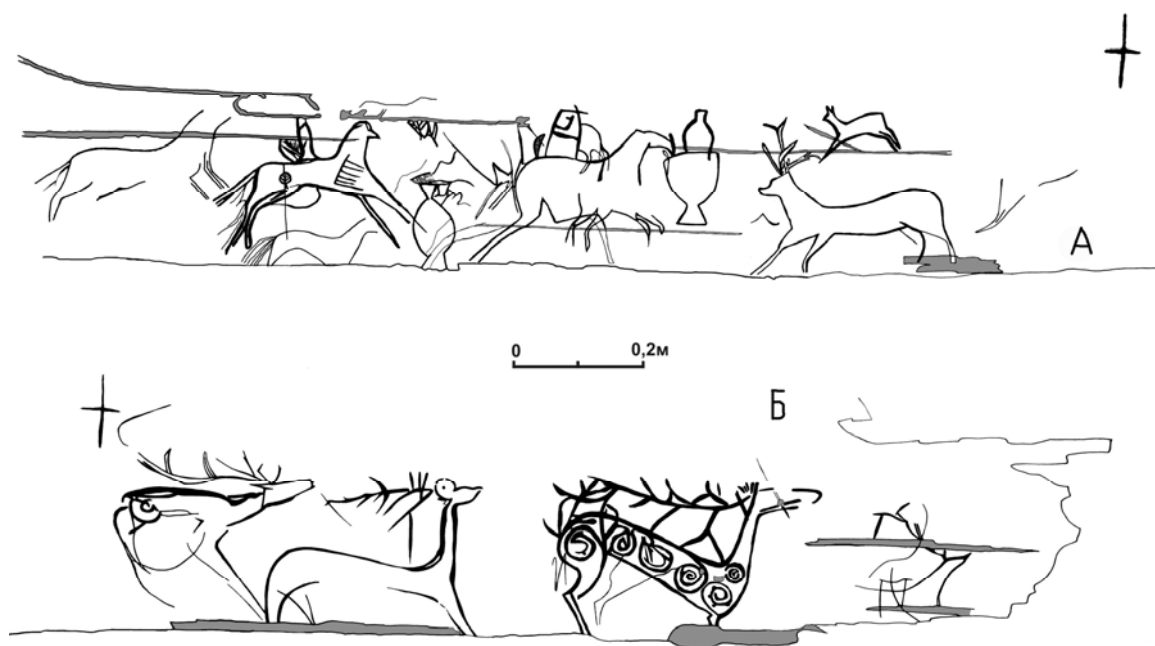

Рис 3. Писаница Тус. Копии петроглифов:
А – левая часть плоскости 3; Б – правая часть плоскости 3

Плоскость 4 (обнаружена авторами в 2013 г.) находится в 15 м южнее плоскости 3, обращена на восток (азимут 0°). Высота ее 0,7 м, длина 1 м. Поверхность камня волнистая, покрытая многочисленными горизонтальными трещинами. В левой части плоскости выявлено гравированное изображение котла на поддоне, правее более свежей гравировкой выполнено портретное изображение человека с длинными «ушами» (рис. 4 – 4).

Плоскость 5/4 (камень № 4 по Н. В. Нащёкину). Большая часть изображений утрачена. На склоне горы летом 2014 г. был обнаружен обломок скалы, на котором отмечены рисунки нижней части первоначальной композиции (рис. 1 – 2). На нем изображены: в левом нижнем углу юрта (?) с сосудом на под-

доне внутри ее; в центре антропоморфная фигура в одежде с сетчатым орнаментом (?) и в крайнем правом углу олень (?). Утраченную часть плоскости можно воспроизвести по копии Н. В. Леонтьева, выполненной в 1975 г. (рис. 5 – 1) и описанию Н. В. Нащёкина: «...камень... имеет, пожалуй, наибольшее количество рисунков. Наиболее интересны фигуры воинов в остроконечных головных уборах с луками в руках и боевыми молотами у пояса. Воины одеты в кафтаны, туго стянутые в талии, облегающие штаны с бахромой и узкие сапоги. От пояса к паху и частично на верхнюю часть ног свешивается какой-то предмет ромбической формы (сумка или украшения). Конные воины, некоторые из них одеты в пластинчатый

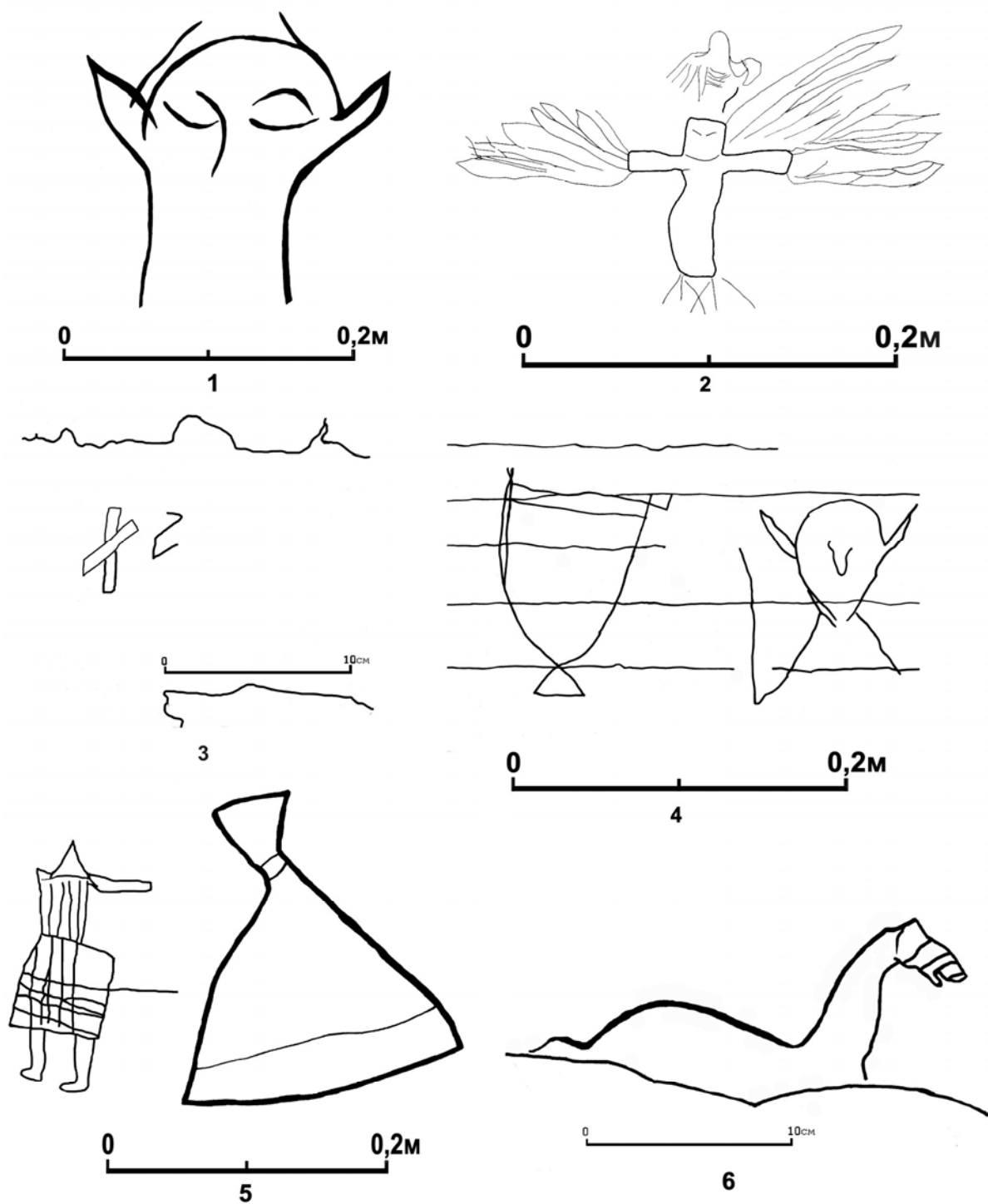

Рис 4. Писаница Тус. Копии петроглифов:
1 – плоскость 8; 2 – плоскость 6; 3 – плоскость 10; 4 – плоскость 4;
5 – плоскость 5 (верхний край); 6 – плоскость 5а

доспех. В середине, ближе к левому краю камня, изображено несколько котлов на поддоне. В левом нижнем углу,

по-видимому, изображена юрта, а в ней кубковидный сосуд на поддоне и ромбический заштрихованный сеткою пред-

мет, по-видимому, аналогичный украшениям воинов, и бочонок с пробкой (аналогичные бочонки известны в таштыкских комплексах)» [Нащокин, 1969, л. 25].

Часть плит, составляющих поверхность камня, была сброшена много лет назад, по словам Н. В. Нащёкина, «могильниками-пастухами» вниз по склону. Все плиты найти ему не удалось. На найденных фрагментах наиболее интересно, по его мнению, изображение «шамана с бубном и одной стрелой в другой руке» (рис. 5 – 2). Данная плита была доставлена Н. В. Нащёкиным в Красноярский краеведческий музей.

Плоскость 5 (камень № 3 по Н. В. Нащёкину) расположена в 3 м к западу от предыдущей, под небольшим положительным углом наклона обращена на северо-восток (азимут 154°). Высота ее 0,9 м, длина – 2,3 м. Плоскость неровная, вогнутая. В центре ее представлена сцена охоты с участием всадников и лося, пораженного стрелами. Присутствуют также решетковидная фигура, мужская и женская фигуры в широких орнаментированных одеяниях, перевернутое изображение котла на поддоне (жилище?). Рисунки выполнены как широкой, так и тонкой резной линией (рис. 2 – 2; 4 – 5).

Плоскость 5а (камень № 5 по Н. В. Нащёкину) горизонтальная, нахо-

дится у подножия плоскости 5. На ее поверхности фрагментарно сохранилась верхняя часть гравированного изображения лошади (рис. 4 – 6).

Плоскость 6 (обнаружена авторами в 2013 г.) расположена в 4 м южнее плоскости 5 за поворотом скалы, обращена на восток (азимут 4°). Глубокими гравированными линиями выполнена контурная антропоморфная крестовидная фигура. В нижней части к ней примыкает пара тройных сходящихся прочерченных линий. В области «рук» веерообразно расположены «перьевидные» контуры («крылья»?). Над головной частью находится трудно читаемая грудная антропоморфная фигура (рис. 4 – 2).

Плоскость 7 (обнаружена авторами в 2013 г.) длиной 2 м, находится в 1 м южнее плоскости 6, обращена на восток (азимут 4°). На ее поверхности выявлены неопределенные резные линии различных конфигураций.

Плоскость 8 (камень № 2 по Н. В. Нащёкину) расположена в 3 м к юго-востоку от плоскости 7, за поворотом скалы. Высота ее 1 м, ширина – 2,3 м, обращена на юго-восток (азимут 50°). Левая часть плоскости сильно разрушена. Отслоившийся фрагмент композиции передан Н. В. Нащёкиным в КККМ, в настоящее время он реставрируется. В сохранившейся верхней правой части плоскости глубокими и

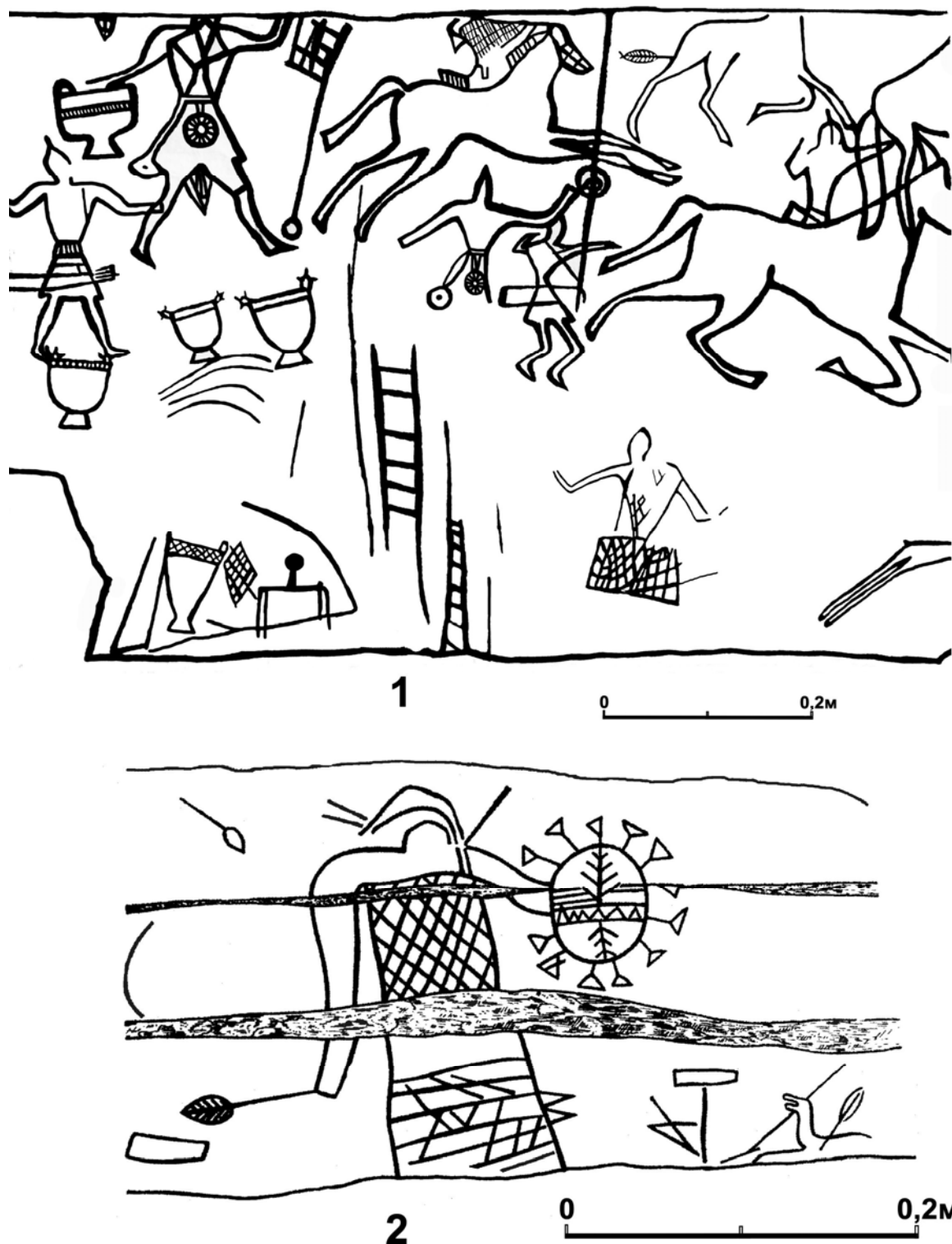

Рис 5. Писаница Тус. Копии петроглифов:
 1 – центральная часть плоскости 5/4 (по Н. В. Леонтьеву);
 2 – фрагмент плоскости 5/4 (по [Кызласов, 1989])

тонкими резными линиями выполнено изображение копытных животных (олень, косуля?), оперения стрел, миниа-

турное изображение котлов на поддоне (рис. 6 – 1). В нижней части зафиксированы: резное портретное изображение

человека с длинными «ушами» (рис. 4 – 1), неопределенные тонкие гравировки.

Плоскость 9 (камень № 1 по Н. В. Нащёкину) – смежная с предыдущей, под большим положительным углом наклона (60°) обращена на восток (азимут 358°). Длина ее 1 м, высота – 1,2 м. Поверхность обильно покрыта лишайниками, повреждена горизонтальными трещинами. В центральной ее части выбивкой выполнены изображения двух животных (козел и хищник?), над ними – два округлых контура («глаза» личины, солярные символы, тамги?) (рис. 6 – 2).

Плоскость 10 (обнаружена авторами в 2013 г.) находится на южной окраине писаницы в 12 м к юго-западу от предыдущей. Плоскость небольшая (длина 0,6 м, ширина 0,7 м), обращена на юго-восток. На ней тонкой гравировкой выполнен контур изображения косо́го креста, рядом с ним короткая ломаная линия, напоминающая письменный знак (руна?) (рис. 4 – 3).

Вопросы хронологии и интерпретации

Учитывая стилистические особенности, иконографию рисунков, технику исполнения петроглифов, степень скального загара и результаты анализа палимпсестов, привлекая археологические параллели и датированные аналогии, можно сделать следующие выводы

по поводу культурно-хронологической принадлежности наскальных рисунков на оз. Тус.

Основная масса петроглифов (плоскости 1, 3, 5/4, 5, 5а, 8) соотносится с рисунками таштыкской культуры (сцены конной охоты и др.). На это указывает и их первооткрыватель: «Техника нанесения рисунков (резьба по контуру) не характерна для тагарского времени, сюжеты и особенности художественного стиля: сцены конной охоты, скифские сложные луки, сферические котлы на поддонах, особенности строения наконечников стрел и оперение последних, очень характерное изображение бочонка, особенности изображения лошади (с хвостами, распущенными по ветру, и ногами, развернутыми в фас) позволяет датировать памятник таштыкским временем. О той же дате говорят и прямые аналоги рисунков дощечек с рисунками, обнаруженными М. П. Грязновым в таштыкском склепе могильника «Тепсей», и таштыкских рисунков, обследованных Л. Р. Кызласовым у улуса Подкамень» [Нащокин, 1969, л. 26].

К тагарской культуре могут относиться изображения оленей, выполненные в скифо-сибирском «зверином» стиле (рис. 3 – Б). «Клювовидная морда» одного из них свидетельствует о ранних традициях, но своеобразная трактовка ветвистых рогов и богатая спиралевидная

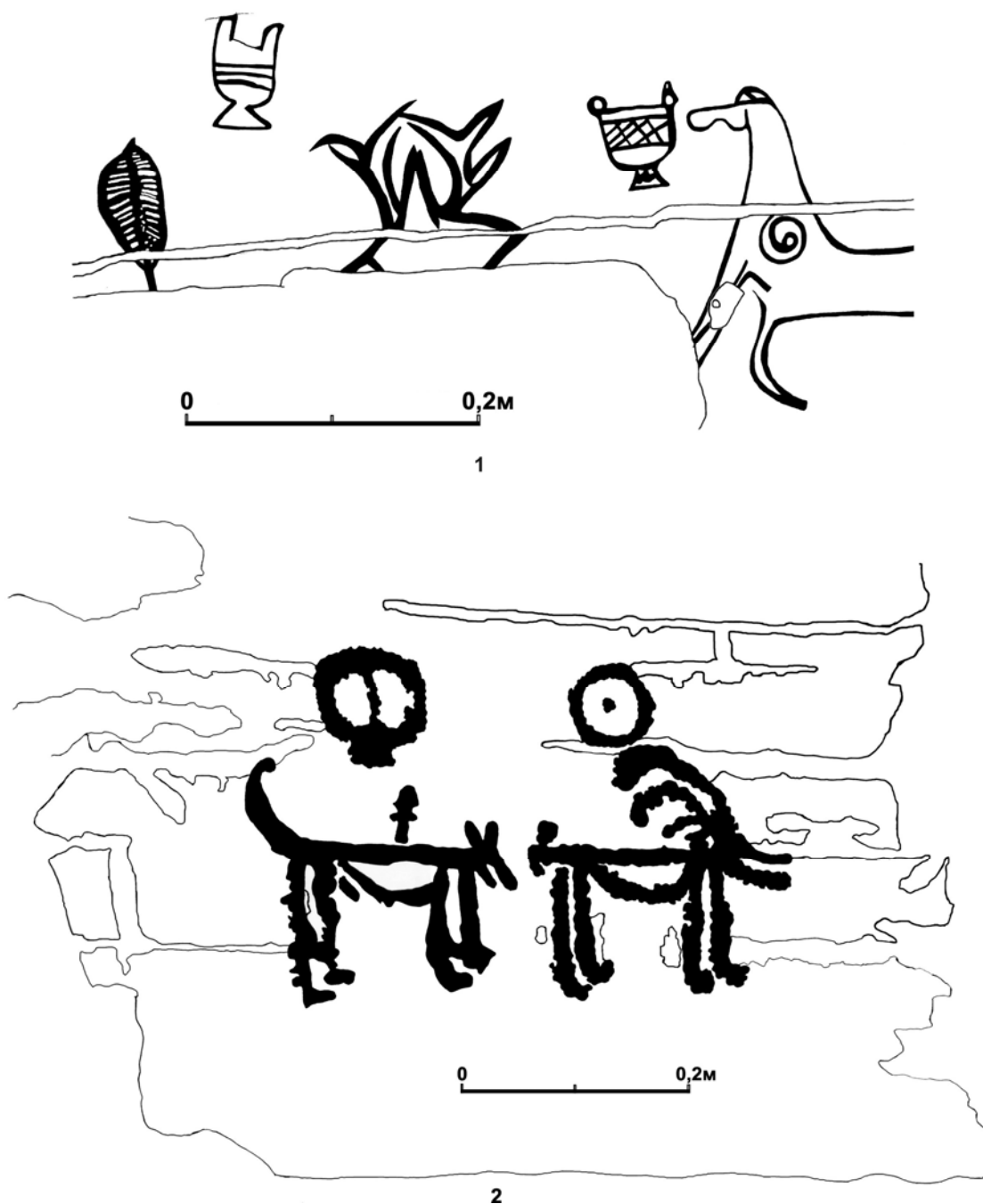

Рис 6. Писаница Тус. Копии петроглифов:
1 – плоскость 8; 2 – плоскость 9

орнаментация туловища в большей степени характерна для тесинского времени. К тагаро-таштыкскому времени может относиться изящная гравировка фигуры лошади (рис. 6 – 1).

Изображения котлов встречаются как отдельно, так и в многофигур-

ных композициях. Они могут датироваться как тагарским, так и таштыкским временем. Данный вопрос требует отдельного исследования. Своеобразны фронтальные антропоморфные фигуры, которые соседствуют с таштыкскими рисунками, но по стилю и

иконографии отличаются от них (рис. 1 – 2; 2 – 2; 4 – 5; 5 – 1, 2).

Более поздними являются портретные изображения человека с длинными «ушами», антропоморфная крестовидная фигура с перьевым оформлением рук и ряд графических знаков (этнографическая современность?) (рис. 4 – 1–4).

Проблематична датировка композиции с участием животных и двух округлых знаков над ними, выполненных путем выбивки (плоскость 9). О. В. Ковалева относит их к эпохе поздней бронзы [Ковалева, 2011, с. 86], того же мнения придерживается Н. В. Леонтьев (устное сообщение). Вместе с тем подобные статичные фигуры животных с сегментовидным туловищем встречаются и среди более поздних петроглифов, например на Шалаболинской писа-

нице [Результаты исследований..., 2008, с. 46].

Согласно мнению Н. В. Нащёкина, «по стилю исполнения рисунок похож на современные «палочные» детские рисунки. По-видимому, это довольно позднее произведение. Аналогии ему можно найти среди других позднейших рисунков в Минусинской котловине» [Нащокин, 1969, л. 23]. Соответственно, вопрос о датировке данных петроглифов в настоящее время является дискуссионным. Нельзя исключать как средневековый их возраст, так и принадлежность к карасукской культуре эпохи поздней бронзы.

Таким образом, петроглифы на оз. Тус могут охватывать широкий временной интервал от эпохи поздней бронзы до этнографической современности. Они требуют дальнейшего исследования.

Список литературы

Ануфриева Е. И., Пахомова Т. А., Дорохина А. А. Результаты исследования петроглифов на озере Тус // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. LIV Регион. (X Всеросс. с междунар. участием) археолого-этнограф. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 130-летию открытия палеолита на Афонтовой горе и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 274–278.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 178 с.

Ковалева О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 160 с.

Петроглифы на оз. Тус в Хакасии

Кызласов Л. Р. Древняя и средневековая история Южной Сибири (В кратком изложении). Пособие для учителей истории. – Абакан: Хакасс. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1989. – 58 с.

Нащокин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1969 г. // Архив КККМ. Оп. 05. Д. 159. – 47 л.

Панкова С. В., Архипов В. Н. Работы петроглифического отряда Тувинской экспедиции // Отчетная археологическая сессия за 2002 г. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. – С. 25–28.

Результаты исследований Шалаболинской писаницы в 2007 г. / А. Л. Заика, А. П. Березовский, В. Е. Матвеев, А. С. Техтереков // Мартыановские краеведческие чтения. – Красноярск: КГПУ, 2008. – Вып. V. – С. 46–51.

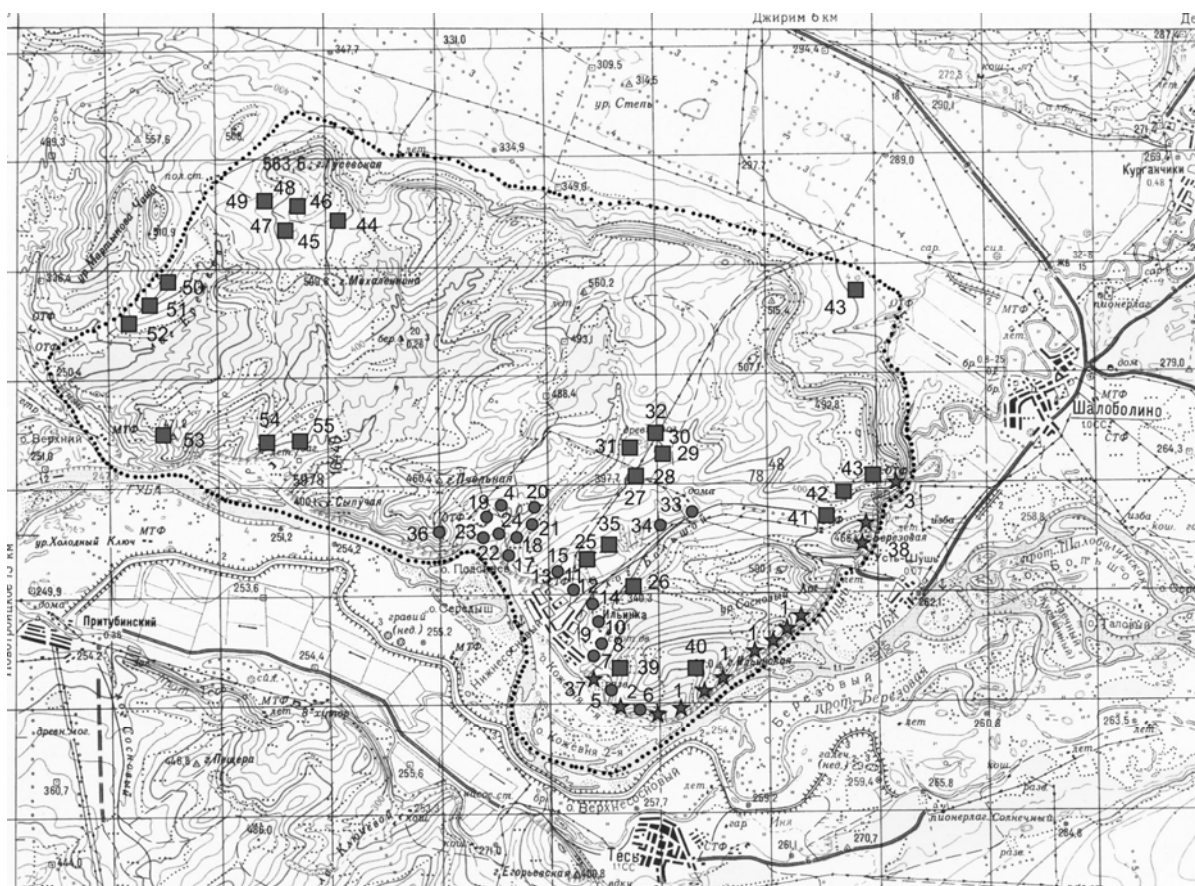
**ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА НА ТЕРРИТОРИИ
ПРОЕКТИРУЕМОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
«ШАЛАБОЛИНСКАЯ ПИСАНИЦА»**

Границы планируемой территории музея-заповедника «Шалаболинская писаница» охватывают правобережный участок реки Туба, прилегающий к д. Ильинка Курагинского района Красноярского края. Юго-западная граница проходит по правому берегу р. Туба от верхнего оголовка острова Кожевня (на востоке) до устья протоки Инза (на западе). Северо-восточная граница пролегает по широкой ложбине (Еремеев лог) от устья р. Инза (на юге) до подножия северного склона горы Гусеевская (на севере). Северо-восточная граница обозначена вдоль северного склона возвышенности (ограничена с севера пахотными полями) от горы Гусеевская (на западе) до правого берега р. Шушь напротив с. Шалоболито (на востоке). Юго-восточная граница проходит вдоль р. Шушь и правого берега р. Туба от участка правого берега р. Шушь напротив с. Шалоболито (на севере) до верхнего оголовка острова Кожевня (на юге).

На его территории установлены следующие объекты древнего историко-

культурного наследия: ранее известные 24 стоянки и поселения эпохи палеолита, неолита, бронзы, раннего железного века, Средневековья – курганные могильники Усть-Шушь (1, 2, 3, 4), одиночные курганы (1, 2); курганные могильники Ильинка (1, 2). В 2013 г. выявлены новые объекты: курганный могильник эпохи раннего железа («могильное поле» размерами 1000 × 200–400 м) на горе Березовая, грунтовые средневековые захоронения на вершине горы Ильинская, средневековое городище на вершине горы Сыпучая и др. [Шалаболинская писаница..., 2014; Дорохина, Ануфриева, Пахомова, 2014] (рис. 1).

Целью данной работы является характеристика памятников наскального искусства, выявленных на территории проектируемой зоны музея-заповедника «Шалаболинская писаница», определение их современного состояния. Многие из них не находили должного освещения в научной литературе, сведения о некоторых из них публикуются впервые.

★ - петроглифы; ■ - могильники; ● - стоянки, поселения, городища

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников на территории проектируемого музея-заповедника «Шалаболинская писаница»:

- 1 – Шалаболинская писаница; 2 – Писаница Ильинка-2; 3 – Писаница Ильинка-3;
- 4 – Ильинка. Поселение-1 (Ильинка – 1, 2); 5 – Ильинка. Стоянка-3; 6 – Ильинка. Стоянка-4; 7 – Ильинка. Стоянка-5 (Ильинка-5); 8 – Ильинка. Стоянка-6 (Ильинка-6);
- 9 – Ильинка. Стоянка-7; 10 – Ильинка. Стоянка-8 (Ильинка-8); 11 – Ильинка. Поселение-9 (Ильинка-9); 12 – Ильинка. Поселение-10 (Ильинка-10); 13 – Ильинка. Стоянка-11 (Ильинка-11); 14 – Ильинка. Стоянка-12 (Ильинка-12); 15 – Ильинка. Стоянка-13 (Ильинка-13);
- 16 – Ильинка. Поселение-14 (Ильинка-14); 17 – Ильинка. Стоянка-15 (Ильинка-15); 18 – Ильинка. Стоянка-16 (Ильинка-16); 19 – Ильинка. Стоянка-17 (Ильинка-17); 20 – Ильинка. Поселение-18 (Ильинка-18, 19); 21 – Ильинка. Поселение-19 (Ильинка-20, 21); 22 – Ильинка. Стоянка-20 (Ильинка-22); 23 – Ильинка. Поселение-21 (Ильинка-23); 24 – Ильинка. Стоянка-22 (Ильинка-24); 25 – Могильник курганный – 1 (Одиночный курган Ильинка-1); 26 – Могильник курганный – 2 (Одиночный курган Ильинка-2); 27 – Одиночный курган Усть-Шушь-1; 28 – Одиночный курган Усть-Шушь-2;
- 29 – Могильник курганный Усть-Шушь-1 (12 курганов); 30 – Могильник курганный Усть-Шушь-2 (2 кургана); 31 – Могильник курганный Усть-Шушь-3 (2 кургана); 32 – Могильник курганный Усть-Шушь-4 (43 кургана); 33 – Усть-Шушь. Стоянка-1;
- 34 – Усть-Шушь. Стоянка-2; 35 – Ильинка. Могильник курганный – 3; 36 – Ильинка. Городище-1; 37 – Писаница Ильинка-4; 38 – Писаница Ильинка-5 (Березовая-2); 39 – Ильинка. Могильник грунтовый – 1; 40 – Ильинка. Могильник грунтовый – 2;
- 41–43 – Могильник курганный и одиночные курганы; 44–49 – Могильник курганный и одиночные курганы; 50–52 – Могильник курганный и одиночные курганы; 53–55 – Могильник курганный и одиночные курганы

Шалаболинская писаница (Ильинка. Петроглифы 1) расположена на правом берегу р. Туба (правый приток Енисея) на расстоянии 0,6 км к юго-востоку от д. Ильинка и в 5 км к юго-западу от с. Шалаболино Курагинского района Красноярского края (рис. 1 – 1).

Шалаболинская писаница была издавна известна местному населению. Первое упоминание о ней принадлежит минусинскому окружному начальнику, известному этнографу Н. А. Кострову, который и назвал данные петроглифы Шалаболинскими. Сообщения Н. А. Кострова впоследствии были опубликованы бывшим дворянским заседателем Красноярского уездного суда Г. И. Спасским [Спасский, 1857, с. 153]. Позже осматривал рисунки во время своих служебных поездок чиновник И. Скороговоров [Скороговоров, 1865].

В конце 80-х гг. XIX в. изучением петроглифов занималась финская экспедиция во главе с профессором Гельсингфорского университета И. Р. Аспелиным, но путевые дневники и великолепные иллюстрации Шалаболинских петроглифов были опубликованы только в 1931 г. участниками экспедиции Х. Аппельгреном-Кивало и в 1933 г. А. М. Тальгреном [Appelgren, 1931; Tallegren, 1933].

В 1885 г. И. Т. Савенков вместе с орнитологом М. Е. Кибортом во время поездки по р. Туба, руководствуясь со-

общением крестьянина Н. А. Трухина из с. Тесинское, обнаружили и скопировали ряд изображений Шалаболинской писаницы [Савенков, 1886, с. 45; 1910, с. 99].

Наиболее полный набор эстампов с подробнейшим описанием петроглифов сделал крупнейший исследователь наскального искусства Среднего Енисея А. В. Адрианов [Адрианов, 1904; 1908, с. 42; 1910, с. 47]. Частично материалы его исследований были опубликованы К. В. Вяткиной [Вяткина, 1949].

В 50-е гг. XX в. петроглифы исследовались этнографом и археологом Р. В. Николаевым [Николаев, 1957]. В эти же годы они были осмотрены Э. Р. Рыгдылоном [Рыгдылон, 1951]. Ряд сцен с их кратким описанием были опубликованы Ю. С. Гришиным и Б. Г. Тихоновым [Гришин, Тихонов, 1964]. В 1966 г. шалаболинские петроглифы осмотрел и сфотографировал известный исследователь первобытного искусства А. А. Формозов [Формозов, 1969, с. 87, рис. 28, 32 – 2].

В 1968 г. каменским отрядом Красноярской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством Я. А. Шера Шалаболинские петроглифы были обследованы по «сокращенной программе» как не попадающие в зону затопления будущего Красноярского водохранилища [Шер, 1980, с. 154, рис. 86]. Копирование, фотофиксация и

описание петроглифов производилось выборочно. Предпочтение отдавалось изображениям с наиболее показательными и интересными сюжетами.

С 1977 г. в течение трех лет писаница изучалась петроглифическим отрядом Южносибирской археологической экспедиции КемГУ под руководством Б. Н. Пяткина [Пяткин, 1980]. В состав отряда входил профессиональный художник В. Ф. Капелько, который разработал оригинальный метод копирования наскальных изображений на микалентную бумагу [Капелько, 1986], прекрасно себя зарекомендовавший и позволивший копировать петроглифы максимально точно и объективно в большом объеме и довольно быстро. На Шалаболинской писанице отрабатывалась методика исследования, регистрации и копирования наскальных рисунков, которая впоследствии на других памятниках была развита и дополнена [Советова, Миклашевич, 1999]. Результаты изучения Шалаболинских петроглифов нашли свое отражение в диссертационном исследовании [Пяткин, 1982] и монографии [Пяткин, Мартынов, 1985]. С 2001 г. Шалаболинские петроглифы исследуются археологическим отрядом Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева под руководством А. Л. Заики [Заика, Дроздов, 2005, 2008; Заика, Дроздов, Березовский, 2006; Ре-

зультаты исследований..., 2008, Шалаболинская писаница..., 2012].

Окружающая местность представляет собой всхолмленную равнину (абсолютные отметки высот 300–600 м) правобережья р. Туба с лесостепным ландшафтом. Северные склоны холмов заняты березово-осиновыми лесами и ленточными сосновыми борами, открытые места заняты пашнями и пастбищами. Берега реки и ее широкая пойма часто ограничены скалистыми утесами. Шалаболинские петроглифы расположены на правом берегу р. Туба (правый приток р. Енисей) на высоком (до 200 м), крутом береговом скальном массиве, сложенном девонскими песчаниками, который имеет протяженность в северо-восточном направлении около 2,5 км. Береговые утесы начинаются в 0,6 км к ЮВ от д. Ильинка и заканчиваются выше по течению р. Туба в устье р. Шушь, что в 5 км к ЮЗ от с. Шалаболино.

Границы памятника охватывают территорию размерами по линии ЮЗ–СВ – 1 950 м, по линии СЗ–ЮВ – 30–180 м.

Всего насчитывается около 500 плоскостей и скальных фриз с рисунками, которые встречаются на всем протяжении скального массива на различных высотах: от 2,5 м до 150 м от августовского уреза воды.

Следует выделить три основных скальных яруса с петроглифами, расположенных на различных высотах относительно уреза воды: нижний (2,5 – 5–8 м), средний (8–10 – 20 м), верхний (30–150 м). В местах большой концентрации рисунков плоскости нижнего яруса дифференцированы по уровням напластований осадочных пород.

Изображения выполнены в различной технике: минеральными красителями (охрой), выбивкой, шлифовкой, гравировкой. Нередки случаи комбинированного сочетания различных техник при выполнении рисунка.

Скопления петроглифов локализованы на 8 участках скальных обнажений, разделены территориально или имеют естественные границы в виде мощных осыпей скальных пород, ложбин, участков прижима реки.

Индексация скальных фризов и отдельных плоскостей с петроглифами производилась дифференцировано – по участкам, нумерация – в соответствии с последовательностью их выявления. Исследования производились по направлению как вниз, так и вверх по течению реки.

Участок 1 протяженностью порядка 120 м находится на крайнем западном участке скального массива, с востока ограничен мощной осыпью скальных пород техногенного происхождения. Вы-

явлено 38 скальных фризов и отдельных плоскостей с рисунками, выполненными охрой, путем выбивки и гравировки на высоте 2,5–10 м от уреза воды. Многие изображения сохранились фрагментарно. Двадцать плоскостей и скальных фризов нижнего яруса (участок 1а) были обнаружены в результате разборки каменных осыпей. Скальные фризы нижнего яруса разделяются по высотным параметрам на три уровня. Представлены человеческие фигуры, изображения рыб, лодок, антропоморфных личин, быков, лосей, хищников фантастического облика, знаковых символов.

Участок 2 протяженностью около 150 м находится восточнее участка 1 за границей осыпи. Выявлено более 30 плоскостей с рисунками, выполненными охрой путем выбивки, гравировки и шлифовки на высоте 4–37 м от уреза воды. Рисунки расположены по нижнему и среднему ярусам скальных обнажений, 8 плоскостей зафиксировано на верхнем ярусе скалы (участок 2а) на высоте 31–37 м от уреза воды.

Представлены антропо- и зооморфные фигуры, знаковые символы, личины, лодки, орнитоморфные фигуры, животные фантастического облика. Интерес вызывают известные скальные фризы, полностью покрытые изображениями эпохи позднего неолита – ранней бронзы [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 56–60].

Участок 3 протяженностью около 400 м находится к ВСВ от участка 2, обособлен территориально. На нижних (высота 6,5–9,5 м) и средних (высота 11–18 м) ярусах скалы выявлено 19 плоскостей с рисунками. Рисунки выполнены в технике выбивки, реже – охрой, гравировкой и протиркой. Представлены антропо- и зооморфные фигуры. Привлекает внимание известная большая плоскость с изображением длинной лодки с одним гребцом и безрукими «пассажирами» в динамичных позах [Там же, с. 44–45].

Участок 4 протяженностью около 150 м находится в 100 м к СВВ (азимут 62°) от участка 3, обособлен территориально. Рисунки выявлены на 42 плоскостях (ранее были известны камни 1–21 первого яруса [Там же, с. 16–37]) на высоте 3–6 м от уреза воды. Плоскости расположены довольно компактно, иногда многоступенчатыми ярусами скальных обнажений. Практически все ранее неизвестные петроглифы выявлены фрагментарно под мощными отложениями наносного грунта и осыпями скальных пород на нижнем ярусе скалы [Заика, 2007].

Много новых изображений таштыкской культуры, выполненных путем гравировки, обнаружено на уже известных фризах скалы. В композициях выявлено также много зооморфных фигур,

контуры которых обозначены редкой неглубокой выбивкой. На этом участке скалы находятся одни из самых показательных древних композиций, практически полностью покрывающих фигурами широкие фризы скальных выходов [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 24–32].

В данном секторе присутствуют практически все известные сюжеты и стили петроглифов, охватывающие широкий временной интервал от эпохи неолита до этнографической современности.

Участки 5, 6 являются наиболее насыщенными рисунками, которые расположены на различных ярусах, приурочены к прижиму скалы, в 130 м к СВ (азимут 50°) от участка 4, разделены территориально отрезком в 200 м. Верхние плоскости чрезвычайно труднодоступны (подходы к ним, по всей видимости, осыпались), находятся на высоте около 20 м от уреза воды, нижний ярус рисунков сильно поврежден воздействием воды и льда, перекрыт мощными осыпями и наносным грунтом, находится на высоте 1,5–2 м от уреза воды. Материалы о некоторых композициях нижнего яруса не опубликованы.

Рисунки выполнены в технике выбивки и гравировки. Представлены фигуры копытных животных, медведей, изображения лодок, антропоморфных фигур, знаковых символов. Присутству-

ют известные многофигурные композиции среднего яруса с участием динамичных, реалистичных фигур лосей, быков, медведей [Там же, с. 72–85].

Участок 7 протяженностью около 100 м расположен в 100 м к СВ от прижима с участками 5, 6, с юго-запада ограничен отвесными выходами скальных обнажений, с северо-востока — левым бортом широкого развала скальных пород. Выявлено около 10 плоскостей на высоте более 20 м от уреза воды. Плоскости труднодоступны, расположены одиночно, на некотором расстоянии друг от друга. Представлены изображения копытных животных, в большинстве своем выполненные в «скелетном» стиле. Рисунки не опубликованы.

Участок 8. В устье широкого лога, в 120 м к СВ от участка 7, на высоте около 8 м от уреза воды на нескольких плоскостях выявлены выбитые изображения быков. Подходы к рисункам хорошие. По правую сторону развала скальных пород на высоте 15–20 м выявлено 5 плоскостей с рисунками, выполненными в технике выбивки, шлифовки и прорисовки охрой. Одна плоскость, где изображена длинная лодка, густо закрашена желтой масляной краской, другие плоскости также покрыты надписями и рисунками пятиконечной звезды. Основной сюжет рисунков: копытные животные

(лоси, маралы, быки). Рисунки не опубликованы.

Проведенный стилистический анализ, стратиграфический и планиграфический способы датирования, археологические аналогии и случаи взаимовстречаемости в одних композициях различного типа изображений позволяют сделать вывод о том, что весь масштабный комплекс Шалаболинских петроглифов охватывает широкий временной интервал от эпохи неолита до этнографической современности (VI тыс. до н. э. — XIX в. н. э.).

Шалаболинские петроглифы находятся в аварийном состоянии: под воздействием естественных эрозийных процессов плоскости растрескиваются и осыпаются (некоторые ранее опубликованные рисунки уничтожены), нижние ярусы скалы с рисунками ежегодно разрушаются от паводковых вод, погребены под осыпями скальных пород или мощными напластованиями наносного грунта.

Негативное влияние на петроглифы оказывает кустарниковая и древесная растительность у подножия скального массива. Корневая система разрушает каменные монолиты, провоцирует растрескивание их в продольном и поперечном направлениях, инициируя осыпи скальных пород. Обширная затененность от крон деревьев и последующее повышение влажности

способствуют росту мхов и лишайников, которые разрыхляют скальную поверхность с петроглифами, «вытягивают» красящий пигмент, уничтожая древние красные изображения.

Антропогенное воздействие на скальные плоскости проявляется в виде современных надписей, выполненных путем прочерчивания камнем, металлическими инструментами, нанесения краски, разведением костров у подножия наскальных рисунков.

Крайний, наиболее доступный юго-восточный участок Шалаболинской писаницы сильно пострадал от котлованов и осыпей технического происхождения, появившихся в результате взрывных работ и добычи строительного камня ручным способом.

Писаница Ильинка-2 (Ильинка. Петроглифы 2) расположена на скальных обнажениях правого берега протоки р. Туба, в 1,8 км к юго-востоку от д. Ильинка, в 0,7 км к западу от Шалаболинской писаницы (рис. 1 – 2).

Границы памятника имеют следующие размеры: по линии С–Ю – 30 м, по линии З–В – 50 м.

На небольшом участке скалы шириной 20 м, на высоте 4–6 м от сентябрьского уреза воды зафиксировано 4 плоскости с петроглифами, обращенными на юг, юго-восток, юго-запад. Рисунки выполнены путем выбивки. Пред-

ставлены линейные изображения людей, контурные фигуры копытных животных.

Плоскость 1 шириной 1 м расположена на восточной окраине писаницы, на высоте 4 м от подножия и 6 м от уреза воды, в 10 м от протоки р. Туба. На поверхности плоскости выявлено изображение лося. Животное показано в статичной позе, ориентировано в правую сторону.

Плоскость 2 шириной 2 м находится в 1,8 м к северо-западу от плоскости 1, обращена на юго-восток (азимут 250°). На поверхности плоскости выявлено изображение копытного животного. Животное показано в статичной позе, ориентировано в правую сторону.

Плоскости 3, 4 расположены на широком (5 м) скальном фризе, разделены трещиной. Рисунки представлены антропоморфными образами, экспонированы на юго-запад (азимут 315°).

По стилистическим особенностям, иконографии рисунков, технике исполнения петроглифов, датированным изображением аналогичным памятником относится к эпохе бронзы – раннего железного века и датируется II–I тыс. до н. э.

Писаница Березовая 1 (Ильинка. Петроглифы 3).

Расположена на правом берегу р. Шушь (правый приток р. Туба), в 6,3 км к северо-востоку от с. Ильинка, на восточном склоне горы Березовая, сложенной

девонскими песчаниками (рис. 1 – 3). Границы памятника имеют следующие размеры: по линии С–Ю – 60 м, по линии 3–В – 20 м. На протяжении 50 м выявлено 7 плоскостей с рисунками, обращенных на юг, восток, ЮВ, ЮЗ.

Плоскость 1 шириной 1,5 м и высотой 2 м расположена на южной окраине писаницы и обращена на ВСВ (азимут 350°). Выявлены фрагменты зоо- и антропоморфных фигур, выполненных слабо видимыми гравированными линиями.

Плоскость 2 шириной 2,5 м находится в 5 км к СВ от плоскости 1 и является частью широкого скального фриза, обращена на ЮВ (азимут 10°). Представлены скотоводческие сюжеты и сцены охоты, в частности на медведя. Рисунки выполнены в технике гравировки.

Плоскость 3 (ширина 1,6 м) перпендикулярна предыдущей, обращена на ЮВ (азимут 80°). Выявлены фрагменты трудноопределимых фигур, выполненных точечной выбивкой.

Плоскости 4, 5 расположены одна над другой на одном скальном фризе шириной 1,3 м, обращенном на юг (азимут 85°). Рисунки выполнены путем выбивки, сохранились фрагментарно. На поверхности нижней плоскости 4 узнаваемо контурное изображение лося.

Плоскость 6 расположена за поворотом скальных обнажений, в 5 м ниже верхней кромки скалы, под отрицатель-

ным углом наклона обращена на СВ (азимут 330°), имеет ширину 2,8 м. Выявлены фрагменты трудноопределимых фигур, выполненных точечной выбивкой.

Плоскость 7 шириной 1,3 м перпендикулярна предыдущей, на высоте 1,5 м от подножия скального фриза обращена на ЮВ (азимут 35°). Рисунки выполнены в технике выбивки, сохранились фрагментарно. На поверхности плоскости выявлено полуразрушенное контурное изображение лося.

Наиболее ранние изображения выполнены путем выбивки, представлены фигурами копытных животных, которые показаны контурно и в «скелетном» стиле, относятся к эпохе неолита – ранней бронзы, сохранились фрагментарно вследствие осыпания скальных пород. Поздние изображения датируются таштыкским временем, выполнены путем гравировки, иллюстрируют скотоводческие сюжеты и сцены охоты, в частности на медведя. Рисунки сильно повреждены современными резными надписями.

Писаница Березовая 2 (Ильинка. Петроглифы 5).

Расположена в устье р. Шушь, в 0,8 км выше впадения ее в р. Туба (рис. 1 – 38). Скальный массив сложен девонскими песчаниками, которые образуют шесть ярусов. Петроглифы встречаются на протяжении 0,35 км, на высоте 170 м от подножия.

В южной части скального массива зафиксировано 20 плоскостей с рисунками, ориентированными на юг и юго-восток. Представлены сюжеты охотничьего, скотоводческого и батального характера. Рисунки выполнены в технике выбивки и гравировки.

Учитывая внутреннюю стратиграфию и планиграфию композиций, привлекая в качестве аналогий материалы из закрытых комплексов, принимая во внимание степень скального загара и уровень патинизации рисунков, с определенной степенью уверенности мы можем выделить три культурно-хронологических периода нанесения изображений: тагарский, таштыкский и средневековый.

Петроглифы подвергаются разрушению под влиянием антропогенных, биогенных и физических факторов.

Писаница Ильинка 1 (Ильинка. Петроглифы 4) расположена на правом берегу р. Туба, на скале, которая примыкает к восточной оконечности д. Ильинка (рис. 1 – 37). В восточном сегменте скалы зафиксированы три плоскости с рисунками, выполненными в технике выбивки.

На плоскостях 2 и 3 изображены композиции, включающие в себя зоо- и антропоморфные фигуры, иллюстрирующие, по всей видимости, скотоводческие сюжеты. На плоскости 1 выбито животное, видовую принадлежность которого определить трудно.

Все изображения могут предварительно датироваться периодом Средневековья.

Таким образом, на территории планируемого музея-заповедника «Шалаболинская писаница», кроме собственно Шалаболинских петроглифов находятся еще 4 памятника древнего наскального искусства, которые были выявлены и обследованы в 2004–2013 гг. археологическими отрядами Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. По своим масштабам они уступают Шалаболинским петроглифам, рисунки ограничены сравнительно узкими хронологическими рамками, но, по всей видимости, составляют единый петроглифический комплекс, который играл немаловажную роль в культурной жизни местного населения на протяжении многих веков.

Список литературы

Адрианов А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. (Из писем секретарю Комитета) // Известия РКСИВА. – СПб, 1908. – № 8. – С. 37–46.

Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия РКСИВА. – СПб, 1910. – № 10. – С. 41–53.

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия РКСИВА. – СПб, 1904. – № 4. – С. 23–25.

Вяткина К. В. Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения // МАЭ. – М.-Л., 1949. – Т. 12. – С. 417–484.

Гришин Ю. С., Тихонов Б. Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа // МИА. – 1964. – № 90. – С. 133.

Дорохина А. А., Ануфриева Е. И., Пахомова Т. А. Проект музея-заповедника «Шалаболинская писаница» // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. LIV Регион. (X Всеросс. с междунар. участием) археолого-этнограф. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 130-летию открытия палеолита на Афонтовой горе и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 254–257.

Заика А. Л. Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: КГПУ, 2007. – Вып. 3. – С. 24–38.

Заика А. Л., Дроздов Н. И. Новые петроглифы Шалаболинской писаницы // Труды II (XVIII) Всеросс. археолог. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. III. – С. 28–30.

Заика А. Л., Дроздов Н. И. Шалаболинская писаница (результаты исследования 2001–2004 годов) // Мир наскального искусства: сб. докл. междунар. конф. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 111–115.

Заика А. Л., Дроздов Н. И., Березовский А. П. Результаты исследования Шалаболинской писаницы в 2005–2006 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 331–335.

Капелько В. Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1986. – С. 105–111.

Николаев Р. В. Отчет о полевой археологической работе в 1957 г. в зоне строительства алюминиевого комбината и на юге края, в том числе Курагинского района, Оглахты, Боградского района Хакасии 1957 г. // Архив КККМ. Оп. 5. Д. 71–1.

Пяткин Б. Н. Ранние петроглифы Шалаболинских скал // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1980. – С. 27–44.

Пяткин Б. Н. Шалаболинские петроглифы (вопросы методики и хронологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1982.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.

Результаты исследований Шалаболинской писаницы в 2007 г. / А. Л. Заика, А. П. Березовский, В. Е. Матвеев, А. С. Тихтерев // Мартыановские краеведческие чтения. – Красноярск: КГПУ, 2008. – Вып. V. – С. 46–51.

Рыгдылон Э. Р. Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея // МИА. – 1951. – № 39. – С. 276–281.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия ВСОРГО. – Иркутск, 1886. – Т. 17. – № 3–4. – С. 26–110.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV археологического съезда в Чернигове в 1908 г. – М., 1910. – 552 с.

Скороговоров И. Описание Енисейской губернии. (Из дорожных заметок о Восточной Сибири) // Зап. СОРГО. – Иркутск, 1865. Смесь. – Кн. 8. – С. 6–8.

Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности Среднеенисейских петроглифов (по итогам работ Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело: сб. науч. тр. каф. археологии КемГУ. – Кемерово, 1999. – С. 47–74.

Спаский Г. И. О достопримечательных памятниках сибирских древностей // ЗВОРАО. – 1857. – Кн. XIII. – С. 153.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. – М.: Наука, 1969. – 255 с.

Шалаболинская писаница (вопросы музеефикации) / А. Л. Заика, А. А. Дорохина, Е. И. Кочкина, Т. А. Пахомова, Е. И. Ануфриева // Вестник КГПУ. – 2014. – № 1 (27). – С. 184–187.

Шалаболинская писаница: опыт трассологического исследования / Е. Ю. Гиря, Н. И. Дроздов, Е. Г. Дэвлет, В. И. Макулов // Вестник КГПУ. – 2012. – № 1. – С. 308–331.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980. – С. 154.

Appelgeren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. S. VIII.

Tallgren A. M. Inner Asiatic and Siberian rock Pictures // ESA. Helsinki, 1933. Vol. 8.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ РЕКИ ХАУС В КАЗАЧИНСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Изучение археологических памятников Казачинского района Красноярского края началось порядка сорока лет назад. Отправной точкой считается 1975 г., когда археологическим отрядом КГПУ и ИГУ под руководством Н. И. Дроздова и Г. И. Медведева в устье р. Заливная было открыто местонахождение Заливская [Левонтьев, Макулов, 1989, с. 268]. В последующее десятилетие по берегам енисейских террас эпизодически ведется поиск объектов археологии путем сбора подъемного материала и закладки отдельных шурфов. С 1977 по 1986 г. отрядами Северо-Ангарской археологической экспедиции КГПИ было открыто и обследовано семь разновременных памятников от неолита до Средневековья [Там же, с. 268–272]. В 1988 г. отрядом КККМ под руководством Н. П. Макарова была обнаружена неолитическая стоянка Пискуновский камень, а в 1989 г. – стоянка железного века Шилка-3¹.

С 1984 г. в районе начинаются первые археологические раскопки. Отрядом КККМ под руководством Н. П. Макарова в течение пяти лет изучалась стоянка Усть-Шилка I. Здесь были выявлены три культурных слоя, содержащих материалы от позднего каменного до железного веков [Макаров, 1989, с. 166].

С 1987 по 2007 г. планомерное изучение археологических памятников Казачинского района проводит П. В. Мандрыка. За двадцать лет им были открыты и изучены 34 объекта археологии, большинство из которых расположены в створе Казачинского порога. Это разновременные могильники, петроглифы, стоянки, селища, городища, производственные площадки и другие комплексы. На двадцати памятниках были проведены комплексные рекогносцировочные и стационарные работы, давшие материал для построения культурно-хронологической схемы развития региона в древности и Средневековье [Мандрыка, 2001, с. 73].

Кроме того, в Казачинском районе работали и другие отряды археологи-

¹ Мандрыка П. В. Отчет о работе по инвентаризации археологических памятников Большемурутинского и Казачинского районов Красноярского края в 1992 году // ЛА СФУ. Р-1. № 07. Л. 21, 23, 24.

ской экспедиции КГУ (ныне СФУ). Ими руководили в 1995–1996 гг. Л. В. Коваленко (разведка по правому берегу р. Енисей и раскопки на острове Островки); С. М. Фокин в 1999–2000 гг. (разведки по правому берегу Енисея); Ю. А. Титова (Абдулина) в 2006–2007 гг. (раскопки на поселении Заостровка-2); Е. В. Князева в 2009 г. (обследование стоянок Нижнепорожнинского комплекса).

В итоге проведенных работ на сегодняшний день в Казачинском районе известно более 50 объектов археологического наследия. Данные, полученные в ходе их изучения, легли в основу более ста статей, а также нескольких кандидатских диссертаций, где предложена схема развития древних культур района.

Археологические объекты локализованы преимущественно в долине Енисея, а берега его небольших притоков оставались не обследованными археологами. Поэтому работы отряда СФУ под руководством автора в 2013–2014 гг. были направлены на поиск памятников археологии в долине р. Хаус – левобережного притока Енисея, от заброшенного с. Вилимовка до бывшего с. Самково. Ранее на реке был известен только один объект археологии – стоянка Усть-Хаус, расположенная на левобережном приустьевом участке.

Общая длина водотока р. Хаус – 24 км, ширина его в верховьях составля-

ет 1–2 м, в приустьевой части – 6–8 м. Наибольшая ширина поймы (150 м) отмечена в среднем течении реки, при этом русло, по большей его части, прижато к правому берегу. В долине реки в недалеком прошлом находилось семь населенных пунктов, пять из которых сохранилось до сегодняшнего дня. Покровные отложения разновысотных речных террас местами уничтожены хозяйственной деятельностью жителей сел и деревень. На участках, не тронутых антропогенным воздействием, растут хвойные и смешанные леса.

В ходе проведенных полевых работ было выявлено четыре новых объекта археологического наследия.

Селище Вилимовка расположено в верховьях р. Хаус, в 3,2 км западнее с. Мокрушинское, на склоне 25–30-метровой мысовидной коренной левобережной террасы, вблизи заброшенной деревни. Здесь р. Хаус сливается с р. Романовка, образуя широкую пойму. Экспозиция мыса юго-западная. У основания склона проходит полевая дорога, которая частично его подрезает. В западной части памятника расположен заброшенный карьер.

На склоне визуально фиксируются 23 рельефно выраженные впадины, строящиеся в четыре ряда. Три из них имеют направление СЗ–ЮВ и расположены один над другим параллельно

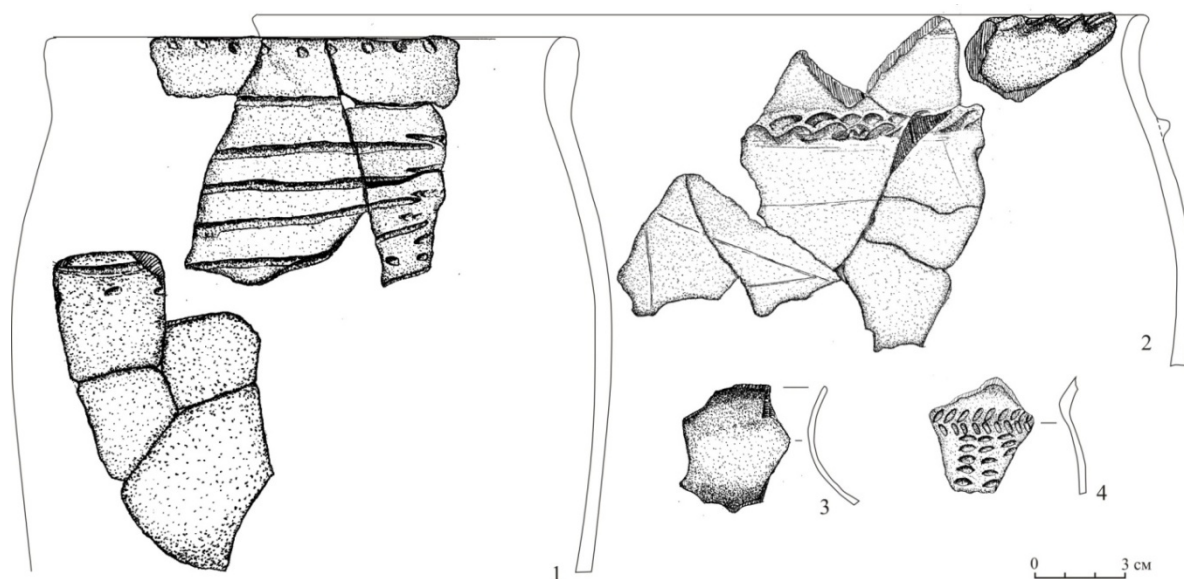

Рис. 1. Фрагменты керамических сосудов, найденные на объектах в долине р. Хаус:

1 – стоянка Челноки-2; 2 – селище Вилимовка, зачистка № 1;
3 – селище Вилимовка, зачистка № 2; 4 – местонахождение Челноки-1

основанию мыса. Нижние котлованы частично разрушены дорогой. Четвертый ряд перпендикулярен им. Он располагается в юго-восточной части памятника и состоит из шести впадин. Внешних различий между котлованами разных рядов не отмечено. Все они овальной либо округлой формы, размерами от 3×3 до 4×6 м. Глубина их – от 0,1 до 0,2 м. При осмотре основания террасы, подрезанной дорогой, в двух местах был найден археологический материал и сделаны зачистки. Культурный слой памятника приурочен к подошве темно-серой супесчаной почвы, имеющей мощность 4–15 см.

В зачистке № 1, расположенной вблизи котлована жилища № 7, на глубине 43 см было зафиксировано скопление кусков глиняной массы и фрагментов одного керамического горшка. По

собранным черепкам была реставрирована верхняя часть формы. Диаметр устья – 30 см. Венчик сосуда оформлен пальцевыми защипами. Шейка слабо профилирована. В верхней части плечика расположен округлый в сечении налепной валик, рассеченный такими же защипами. Остальная поверхность горшка не орнаментировалась. На тулове сосуда фиксируются следы от протягивания узкого предмета. В тесте присутствует большое количество песка (рис. 1 – 2).

В зачистке № 2 на глубине 28 см были найдены фрагменты еще одного горшка с профилированной шейкой, но украшенной вертикально поставленными гребенчатыми штампами. Оттиски здесь расположены вертикальными отрезками. Венчик сосуда, округлый в се-

чении, орнаментирован округлыми насечками (рис. 1 – 3).

Горшок из зачистки № 1 имеет ряд общих черт с посудой первого типа шилкинской культуры (VI – начало I в. до н. э.). Их сближает форма, а также наличие орнамента в виде одного налепного рассеченного валика [Мандрыка, 2008б, с. 73, рис. 5]. Ближайшими аналогиями горшку из зачистки № 2 могут служить сосуды середины II тыс. н. э. из енисейских памятников, например, керамика второго типа второго культурного слоя многослойного поселения Шилка-9 [Мандрыка, 2005, с. 174–175] и горшки из первого культурного слоя многослойного поселения Бобровка [Археология и палеоэкология..., 2003, с. 160]. Общими признаками для горшков являются тонкостенность, отогнутая шейка и использование в орнаментации гребенчатых и накольчатых оттисков. Кроме того, сосуд с гребенчатой орнаментацией из селища Вилимовка сопоставляется с керамикой лесосибирского стиля, бытовавшей на территории южнотажной подзоны Средней Сибири в период с XI по XIV в. н. э. [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013, с. 70].

Особенностью памятника является его расположение вдали (в 9 км) от основного русла р. Енисей. На сегодняшний день на памятнике зафиксированы материалы раннего железного века

и Средневековья. О культурной принадлежности жилищ говорить пока рано. Более детальную информацию о них можно будет получить после проведения археологических раскопок.

Местонахождение Березняки.

Находится в среднем течении р. Хаус, в 250 м северо-восточнее д. Березняки, на 5–6-метровой правобережной надпойменной террасе, южнее заброшенного карьера. Терраса покрыта хвойным лесом. По склону ее проходит лесная дорога. В пункте подъемного сбора материала верхние слои были скрыты.

В осыпи борта дороги был найден каменный наконечник стрелы с листовидной формой пера и обломанным насадом. Изделие покрыто мелкой отжимной ретушью. В нескольких метрах от него на дороге был найден каменный отщеп. Полученные материалы могут датироваться в широком хронологическом диапазоне. Похожие наконечники стрел были встречены на памятниках региона в слоях неолита и бронзового века [Археология и палеоэкология..., 2003, с. 131–132, 170]. В ходе зачистки борта дороги и шурфовки вблизи мест сбора подъемного материала культурный слой не выявлен.

Местонахождение Челноки-1

находится в среднем течении р. Хаус, в 0,5 км южнее д. Челноки, на 4–5-метровой надпойменной правобережной террасе. Местность ровная, покрыта гус-

тым сосновым лесом. При осмотре склонов был обнаружен фрагмент верхней части горшка с отломанным венчиком. Сосуд тонкостенный с профилированной шейкой, орнаментированной в основании двумя поясами овальных штампов, наклоненных в разные стороны. Плечико горшка украшено вертикальными рядами таких же оттисков (рис. 1 – 4). На внутренних стенках сохранился слой нагара. В ходе зачистки борта террасы культурный слой выявить не удалось.

У черепка из местонахождения Челноки-1 тонкие плотные стенки и хороший обжиг. По этим признакам он близок средневековой керамике района. Сосуд, близкий по орнаменту (ряды разнонаправленных овальных штампов), но отличный по форме (баночный, утолщенный по внешнему краю наклепной лентой), встречен во втором культурном слое многослойного поселения Бобровка (конец I – начало II тыс. н. э.) [Там же, с. 115]. Кроме того, по декору сосуд из местонахождения Челноки-1 сопоставим с посудой лесосибирского стиля из городища Лесосибирское (XI–XIV вв. н. э.) [Мандрыка, 2003, с. 89].

В целом находку из местонахождения Челноки-1 предварительно можно датировать Средними веками.

Стоянка Челноки-2 расположена в среднем течении р. Хаус, в 250 м юго-восточнее д. Челноки, на 5–6-метровой

надпойменной правобережной террасе. Поверхность террасы имеет плавное повышение, покрыта редким хвойным лесом. Склоны ее в некоторых местах осыпаются. На местности фиксируются следы современных перекопов, траншеи и котлованы глубиной до 1 м. В одном из них, а также на склоне оврага были найдены фрагменты керамики, выполненные на гончарном круге и относящиеся к русскому времени.

Севернее них в осыпи склона террасы были обнаружены фрагменты керамического горшка ручной лепки. По собранным фрагментам была реставрирована верхняя часть формы. Диаметр сосуда по венчику – 17 см. Шейка горшка высотой 2,5 см, слабопрофилирована, имеет утолщение. Венчик, округлый в сечении, рассечен по внешнему ребру приостренными наколами. Плечико сосуда орнаментировано пятью поясами отступающих наколов, переходящих в прочерченные линии, а также рядом отдельных оттисков аналогичного орнамента (рис. 1 – 1).

По форме шейки и орнаменту этот сосуд сопоставим с керамикой III типа из первого культурного слоя поселения Нижнепорожинское-1, датированного VII–III вв. до н. э. [Мандрыка, 2008а].

По зачистке борта террасы был отмечен культурный слой, который приурочен к кровле бурой суглинистой почвы и залегает на глубине 20 см. Для оп-

ределения границ распространения культурного слоя вблизи зачистки № 1 был заложен шурф, в котором археологического материала не найдено.

В результате обследования долины р. Хаус нами было открыто четыре

новых разновременных объекта археологического наследия, которые после изучения раскопками дополняют наши представления о культурах древности и Средневековья в южной тайге Среднего Енисея.

Список литературы

Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / П. В. Мандрыка, А. А. Ямских, Л. А. Орлова, Г. Ю. Ямских, А. А. Гольева. – Красноярск: КГУ, 2003. – 138 с.

Леонтьев В. П., Макулов В. И. Археологические памятники среднего течения Енисея // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – С. 261–272.

Макаров Н. П. К истории комплектования и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – С. 131–189.

Мандрыка П. В. Микрорайон Казачинского порога: итоги и перспективы // Историко-культурное наследие Северной Азии. Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 73–75.

Мандрыка П. В. Средневековое городище в Енисейской тайге // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – Новосибирск: НГУ, 2003. – Т. 2. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 89–91.

Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.

Мандрыка П. В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008а. – Т. II. – С. 162–164.

Мандрыка П. В. Новая археологическая культура раннего железного века в южнотаежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008б. – № 3 (35). – С. 68–76.

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера – IV в Нижнем Приангарье // Вестник ТГУ. История. – 2013. – № 2. – С. 67–71.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ
ПОСЕЛКА КРАСНОГОРЬЕВСКИЙ В БОГУЧАНСКОМ РАЙОНЕ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

Несмотря на более чем двухсот-летнюю историю археологического изучения нижнего течения Ангары [Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989] и масштабные производственные работы в этом регионе [Богучанская..., 2014], полевые разведочные исследования по-прежнему актуальны. В 2012 г. отрядом Сибирского федерального университета были осмотрены береговые террасы правого берега р. Ангара от п. Гремучий до скальных массивов в районе Шиверы Косой. К началу наших работ на данном участке было известно одно местонахождение «Миллеровский» [Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989, с. 204–205], выявленное в 1971 г. Богучанским отрядом комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета.

Высота ангарской террасы вдоль речного потока в районе проведения разведки составляет 6–10 м, низкие ее уровни располагаются в районе речных перекатов (шивер), здесь же отмечены скопления крупных валунов. На таких участках памятников археологии не за-

фиксировано. Все выявленные объекты находятся на ровных сухих террасах, часто на небольших возвышенностях. Целостность культурного слоя для большинства из них в той или иной степени нарушена современной хозяйственной деятельностью.

Местонахождение Шивера Косая – 1. Памятник находится на правобережной террасе р. Ангара, высотой до 10 м от уреза воды. Материал был зафиксирован в 8,6 км к юго-востоку от п. Красногорьевский и в 9,7 км к западу от п. Шиверской. В 50–60 м от края террасы проходит заброшенная лесная дорога. В данном районе проводились лесосводные работы, в результате которых полностью сnivelирована почти вся поверхность террасы. В настоящее время старые вырубki заросли молодым лесом и кустарником. Неповрежденной оказалась только узкая кромка (шириной менее 10 м) вдоль края террасы, поросшая сосновым лесом; подлесок здесь практически отсутствует, дерновый слой тонкий.

На поверхности террасы в небольшом обнажении был найден фрагмент венчика сосуда закрытой формы, со слабовыраженными плечиками (рис. 1 – 5). Обрез венчика гладкий, скошен наружу. Под обрезом располагается массивный жгутиковый валик, рассеченный глубокими косыми насечками. На тулово сосуда спускаются тонкие валики, которые строятся в мотив «шеvron». Здесь же были найдены черепки с тонкими налепными валиками и фрагменты отслоившегося жгутикового валика.

Подобные сосуды относятся к керамике усть-ковинского типа, широко представленной в материалах второй половины I тыс. н. э. в нижнем течении Ангары [Бирюлева, 2013, с. 84]. На основании этого датировка местонахождения определяется Средними веками.

Местонахождение Шивера Косая – 2. Памятник расположен на правобережной 8-метровой террасе р. Ангара. Находки отмечены в 8,0 км к юго-востоку от п. Красногорьевский, западнее глубокого лога с пересыхающим ручьем. Под террасой расположена обширная пойма шириной до 200 м, использовавшаяся раньше под покосы. В 20–30 м от края террасы проходит заброшенная дорога.

Археологический материал был собран в выворотах деревьев и небольших обнажениях. Здесь собраны фраг-

менты керамики, орнаментированные отисками мелкозубчатого штампа, и небольшие черепки без орнамента. Вместе с ними найдены кусочки спекшейся глины, возможно, от обмазки стенок печи.

На основании черепков с гребенчатой орнаментацией, которые относятся к керамике лесосибирского типа [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013, с. 70], данное местонахождение следует датировать XI–XIV вв.

Стоянка Шивера Овсянка – 1.

Объект выявлен на правом берегу р. Ангара, в 3,3 км к юго-востоку от п. Красногорьевский, на 8-метровой террасе, поросшей сосновым лесом с незначительным количеством подлеска. По террасе проходят две лесные дороги. По борту террасы имеются незначительные обнажения, образованные размывом талыми водами. С западной стороны площадь памятника ограничена глубоким логом, в северном направлении терраса плавно поднимается. На памятнике визуально фиксируется 25 задернованных жилищных котлованов квадратной и прямоугольной форм. Судя по их значительной глубине (до 1,5 м) и наличию ярко выраженной обваловки по периметру, они относятся к русскому времени. Согласно сведениям старожилов, на этом месте в 40–50-е гг. находилось плотбище Шивера Овсянка, где вязались плоты для сплава леса.

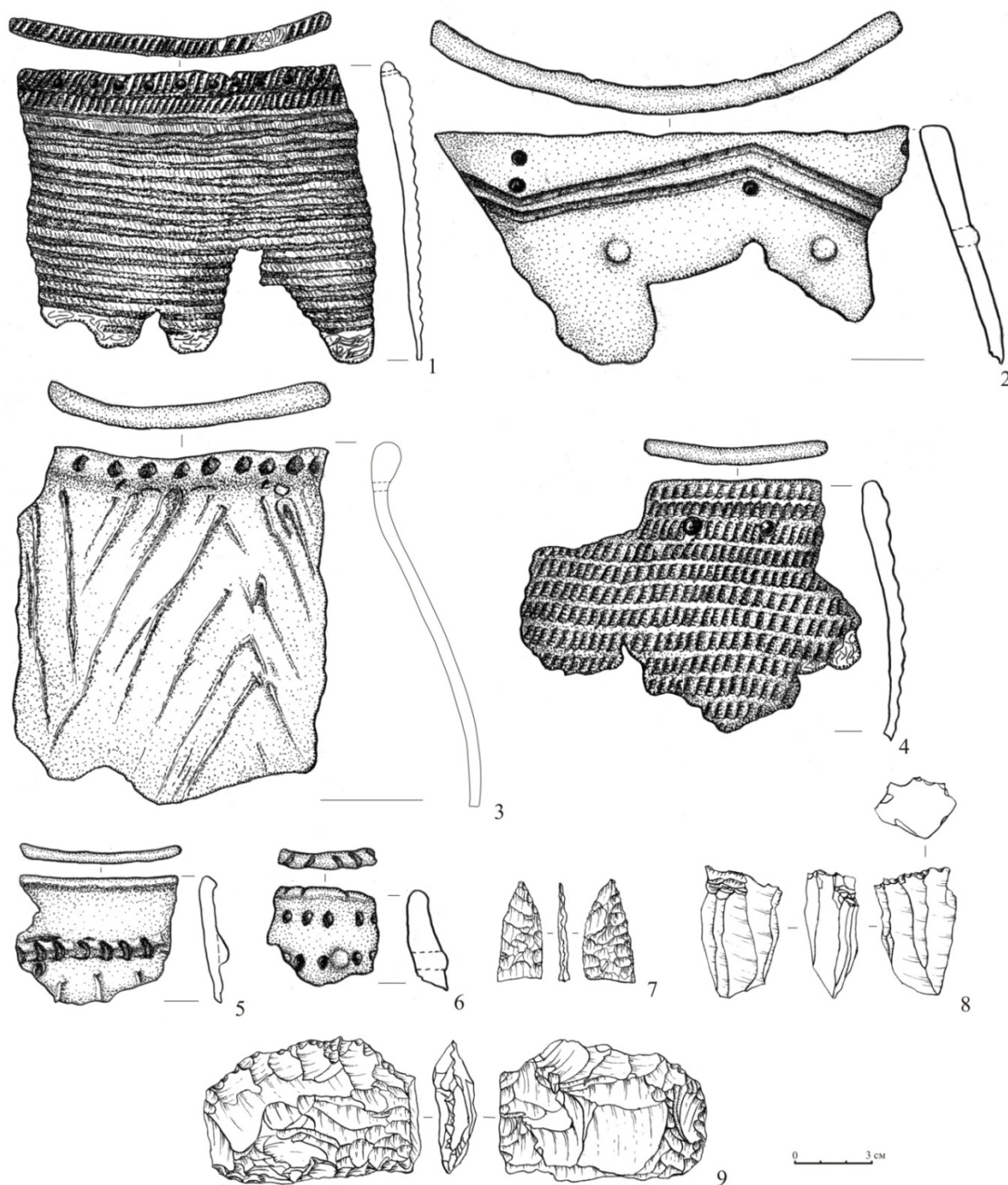

Рис. 1. Археологические материалы (1–6 – керамика; 7–9 – камень) из объектов, в окрестностях п. Красногорьевский:

1 – Шивера Овсянка – 2, пункт 2; 2, 8 – Красногорьевский-1, пункт 1;
3 – Красногорьевский-2, пункт 1; 4 – Красногорьевский-1, пункт 2;
5 – Шивера Косая – 1; 6, 9 – Шивера Овсянка – 1; 7 – Шивера Овсянка – 2, пункт 4

На осыпи террасы найдены фрагменты венчиков от двух сосудов с профилированными шейками. Первый из них украшен по обрезу гребенчатым тре-

зубым штампом (рис. 1 – 6), а с внешнего борта – двумя горизонтальными рядами ямок и поясом «жемчужина». Шейка второго сосуда орнаментирована

длинными косыми насечками. Из других находок следует отметить фрагменты керамики с оттисками гладкой «качалки», каменные отщепы и фрагменты кальцинированных костей.

В месте наибольшей концентрации подъемного материала была сделана зачистка борта террасы. В ней на глубине 12–15 см в слое светло-серой подперновой легкой супеси найдено каменное бифасиальное изделие (рис. 1 – 9) и отмечена линза прокаленной почвы с углем. Археологические материалы позволяют датировать стоянку неолитическим временем.

Местонахождение Шивера Овсянка – 2. Памятник располагается в 2,5 км к юго-востоку от п. Красногорьевский на ровной поверхности правобережной 8-метровой ангарской террасы, поросшей сосновым лесом с незначительным количеством подлеска. По террасе проходит дорога. Борт террасы открытый, обнажения прогрессируют от ветровой эрозии. Выположенность рельефа, возможно, связана с лесосводными работами. На памятнике было выявлено шесть пунктов сбора подъемного материала.

Первый пункт сбора расположен в восточной части памятника. Здесь найдены фрагменты керамики без орнамента и черепок с наlepным жгутиковым валиком.

Второй пункт сбора находится в 70 м к западу от первого. Здесь был найден небольшой развал сосуда «посольского» типа. Сосуд закрытой формы, непрофилированный, обрез оформлен наклонно поставленными оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа (рис. 1 – 1). Под обрезом располагается ряд отверстий. Тулово сосуда украшено горизонтальными линиями, прочерченными гладким орнаментом.

Третий пункт сбора отмечен в 90 м к западу от второго, восточнее небольшого лога. Среди каменных сколов и фрагмента кости отмечен каменный боковой скребок на отщепе с выпуклым полукруглым рабочим краем, оформленным разнофасеточной крутой ретушью.

Четвертый пункт сбора располагается на краю небольшого лога, в 140 м к западу от предыдущего пункта. Здесь с поверхности был поднят каменный наконечник стрелы с прямым насадом (рис. 1 – 7). Перо наконечника оформлено струйчатой ретушью. В осыпи террасы зафиксированы каменный скол с подшлифовкой дорсальной стороны, а также отщепы без дополнительной обработки и фрагмент керамики без орнамента.

В 200 м к западу от четвертого пункта отмечен пятый пункт сбора, на котором были зафиксированы только каменные отщепы.

Шестой пункт сбора расположен в 50 м к западу от предыдущего. Среди находок здесь присутствуют каменные пластинка, отщепы и сколы.

Памятник представляет собой комплекс разновременных стоянок, которые могут быть датированы в очень широком интервале – от каменного века до Средневековья. Керамика посольского типа на юге Средней Сибири бытовала в рамках 6900–4100 л. н. [Бердников, 2013, с. 221]. Фрагменты керамики со жгутиковыми валиками позволяют предположить наличие на памятнике слоев раннего железного века и Средневековья.

Стоянка Красногорьевская-1. Объект находится на правом берегу р. Ангара, на 8-метровой террасе, на юго-восточной окраине п. Красногорьевский (в 1,6 км юго-восточнее почтового отделения поселка). Со стороны реки терраса имеет обнажения, а с западной стороны она прорезана дорожным спуском на берег. В 60–70 м от края берега располагаются жилые дома и земельные участки жителей поселка. По краю террасы проходит тропинка. Дерновый слой на поверхности сильно вытоптан и местами поврежден, возможно, переотложены и верхние почвенные горизонты. На стоянке было отмечено два пункта сбора археологического материала.

На первом пункте сбора в осыпи террасы были найдены каменные одно-

площадочный монофронтальный призматический нуклеус (рис. 1 – 8) и отщепы. Здесь же собраны фрагменты сосуда закрытой формы с наклонной шейкой и гладким венчиком (рис. 1 – 2). Под краем прочерчена линия, строящаяся «зигзагом», дополненная по угловым стыкам одиночными и парными ямками. Ниже проходит пояс «жемчужин». Предполагаемый диаметр сосуда 30 см.

Второй пункт сбора расположен в 40 м к северо-западу от первого. Материал здесь зафиксирован в осыпи несколько восточнее дорожной врезки в террасу. Найден фрагмент венчика сосуда закрытой формы с раздутым туловом (рис. 1 – 4). Поверхность черепка покрыта горизонтальными рядами оттисков наклонно поставленной четырехзубой крупной «гребенки». Под краем на орнамент накладывается ряд ямок. На внутренних стенках фиксируется нагар.

Фрагмент сосуда с гребенчатой орнаментацией, найденный на втором пункте сбора, относится к керамике усть-бельского типа, распространенного как в Нижнем Приангарье [Материалы неолитического времени..., 2012, с. 487; Лысенко, Матвеев, Рейс, 2011, с. 429; Марченко, Гришин, Гаркуша, 2011, с. 445], так и на сопредельных территориях 6600–4100 л. н. [Бердников, 2013, с. 221]. Датировка керамики с первого пункта сбора остается пока неясной.

Местонахождение Красногорьевское-2. Памятник располагается на 10-метровой террасе правого берега р. Ангара, на юго-восточной окраине п. Красногорьевский (в 0,7 км юго-восточнее почтового отделения поселка). Борт террасы с обнажениями, по ее краю проходит дорога. Дерновый слой на поверхности вытоптан и местами нарушен. На объекте зафиксировано три пункта сбора археологического материала.

На первом пункте в осыпи террасы найден развал сосуда закрытой формы. Венчик в сечении округлый, отогнут наружу и оформлен валиком, который рассечен наклонными насечками. Под венчиком располагается сквозное отверстие. Тулово сосуда орнаментировано тонкими налепными валиками, которые строятся в мотив «шеvron». На внутренней и внешней сторонах сосуда фиксируются следы нагара. Среди черепков этого сосуда отмечены фрагмент стенки с тонкими горизонтальными гладкими валиками, куски железных шлаков и колотые кости.

Второй пункт сбора расположен в 230 м к северо-западу от первого. Здесь было зафиксировано скопление фрагментов керамики от двух сосудов закрытой формы с выраженной шейкой. Первый из них орнаментирован рядами оттисков наклонно поставленного пятизубого гребенчатого штампа, второй – без орнамента.

На третьем пункте сбора, возле обочины дороги, были найдены два черепка без орнамента.

Сосуды, найденные на памятнике, относятся к усть-ковинскому и лесосибирскому типам, что позволяет датировать находки ранним и развитым Средневековьем.

Местонахождение «Миллеровский». Памятник был открыт в 1971 г. САРО КАЭ ИГУ в составе Н. И. Дроздова, Д. И. Дементьева под руководством Г. И. Медведева. Объект был отмечен на 15–18-метровой правобережной ангарской террасе у поселка с одноименным названием¹. На лоцманской карте р. Ангара [Лоцманская..., 1973. Л. 23] этот поселок проходил под названием «п. Красногорск (Миллеровский леспромхоз)», сейчас это п. Красногорьевский.

Наш осмотр нарушенных участков на поверхности террасы, обнажений по ее борту и осыпей в пределах поселка археологического материала не выявил, так как покровные отложения здесь полностью уничтожены. Не были отмечены культуровмещающие почвы и на участке между п. Красногорьевский и п. Гремучий, здесь они снесены при строительстве площадки лесосклада и дороги.

¹ Медведев Г. И. Отчет о работах Ангарской партии комплексной археологической экспедиции ИГУ в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4609. Л. 60.

Таким образом, в ходе разведочных работ 2012 г. на правом берегу р. Ангара в окрестностях с. Красногорьевский было выявлено шесть новых объектов археологического наследия, культурные слои которых датируются в интервале от неолита до русского времени. Выразительны неолитические материалы с керамикой усть-бельского и посольского типов, зафиксированные на стоянке Красногорьевская-1 и местонахождении Шивера Овсянка – 2. К позднему неолиту или ранней бронзе следует отнести материалы стоянки Шивера Овсянка – 1. Средневековые находки отмечены на местонахождениях Шивера Косая – 1, 2 и Красногорьевское – 2. Из-за интенсивного современного хозяйственного освоения береговых террас культурные отложения отмеченных объектов в значительной степени переотложены.

Отсутствие укрепляющего дернового слоя на поверхности террас и прогрессирующие обнажения их бортов приводят к выносу нового археологического материала, что подтвердили сотрудники ООСА ИАЭТ СО РАН, собрав в пяти пунктах на стоянке «Красногорьевский» около 40 предметов [Выборнов, Цыбанков, Макулов, 2014, с. 429–430].

Дальнейшие работы на этих и других памятниках должны быть продолжены с целью определения их границ и изучения сохранившихся участков культурного слоя. Еще одной важной составляющей в изучении и сохранении археологического наследия ангарского края должно стать грамотное оформление учетной документации, исключающее дублирование названий или присвоение разных названий одним и тем же объектам.

Список литературы

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия ИрГУ. – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

Бирюлева К. В. Морфологический анализ тонковаликовой керамики поселения Проспихинская Шивера – IV // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: СФУ, 2013. – Вып. VI. – С. 75–85.

Богучанская археологическая экспедиция. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – 105 с.

Выборнов А. В., Цыбанков А. А., Макулов В. И. Археологическая разведка 2014 года на Ангаре в Кежемском и Богучанском районах Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных террито-

рий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 427–430.

Дроздов Н. И., Макулов В. И., Ермолаев А. В. Археологическая карта нижнего течения реки Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – Вып. I. – С. 190–203.

Лоцманская карта реки Ангара. От Усть-Илимской ГЭС до устья. – 1973. – 34 л.

Лысенко Д. Н., Матвеев В. Е., Рейс Е. С. Предварительные итоги полевых исследований поселенческого комплекса Хедугин Ручей в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 427–431.

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера – IV в Нижнем Приангарье // Вестник ТГУ. История. – 2013. – № 2. – С. 67–71.

Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н. Новые данные по поселенческим памятникам Северного Приангарья Деревня Пашино и Камешок (работы Пашинских отрядов Богучанской экспедиции в 2011 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 443–447.

Материалы неолитического времени стоянки Сергушкин-1, пункт «А» (раскопки 2012 года) / В. С. Славинский, П. В. Герман, С. Н. Леонтьев, Е. П. Рыбин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 486–491.

Медведев Г. И. Отчет о работах Ангарской партии комплексной археологической экспедиции ИГУ в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4609. – 179 л.

**ИТОГИ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
В БОГУЧАНСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
В 2007–2009 ГГ.**

В 2007–2009 гг. Богучанским отрядом археологической экспедиции Сибирского федерального университета проводились разведочные работы на ангарских береговых террасах в районе п. Богучаны, что позволило определить состояние известных и выявить ряд новых объектов культурного наследия. Многие из них оказались повреждены в ходе хозяйственного освоения территории, тем не менее, полученные материалы представляют определенный научный интерес.

Археологические комплексы у п. Старый Абакан. В непосредственной близости от п. Богучаны, на левом берегу Ангары, возле урочища Старый Абакан расположен ряд разновременных археологических объектов. Первые памятники в этом районе выявлены в 1986 г. отрядом по паспортизации памятников археологии КАЭ КГПИ. Здесь в 200–250 м друг от друга на 18–22-метровой террасе на территории ниже-

го и верхнего складов Абаканского леспромхоза¹ в 0,3–0,8 км восточнее паромной переправы были найдены три местонахождения, материал зафиксирован в слое светло-коричневой супеси на глубине 0,25 – 0,85 м [Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989, с. 205]. В 2006 году западнее п. Абакан под руководством Д. Н. Лысенко проводились работы на участках, попадающих в зону строительства мостового перехода через Ангару. Тогда было выявлено неолитическое местонахождение Абакан-4 [Лысенко, 2007, с. 604].

Разведочные работы нашего отряда в 2007 и 2009 гг. позволили зафиксировать комплекс разновременных стоянок, расположенных выше урочища по течению реки [Сенотрусова, 2009, с. 25]. На данном участке высота террас составляет 8–12 м, они поросли смешан-

¹ На территории верхнего склада размещался п. Старый Абакан, от которого даже сейчас сохранилось несколько домов

ным лесом с преобладанием хвойных пород. По террасе была проложена полевая дорога, и значительное количество подъемного материала собрано на ее поверхности. Терраса в нескольких местах прорезана логами глубиной до трех метров, которые не ограничивают пространственное распространение материала. Для террас в этом районе отмечено характерное для Нижнего Приангарья геологическое строение покровных отложений. Дерновый слой сформирован на светло-бурой (серой) супесчаной почве, ниже располагается бурая (коричневая) песчаная почва, а «материком» выступает серый крупнозернистый песок, подстилающийся слоистыми разнородными песками и русловым галечником.

На основании распространения подъемного материала и результатов археологических вскрытий предполагаемая протяженность выделяемого комплекса составляет около 3,3 км. Проведенные работы позволили выявить на этом участке несколько пунктов сбора материала.

Пункт сбора Абакан-5 расположен в 1,8 км к востоку от п. Старый Абакан. Здесь была найдена керамика с обмазочными валиками, приуроченная к подерновой светло-бурой супесчаной почве.

Пункт сбора Абакан-6. Материал был найден в 100 м к западу от предыдущего пункта, на небольшой возвышенности. Среди находок из камня под-

няты бесчерешковый наконечник стрелы пятиугольной формы (рис. 1 – 2), заготовка тесла (рис. 1 – 1) и продолговатая галька, которая использовалась в качестве молотка (на это указывают следы забитости на торцах орудия), а также отщепы и сколы. Здесь же найден фрагмент венчика сосуда с «карнизиком», который рассечен ногтевыми вдавлениями. Внешний борт покрыт ногтевыми наколами (рис. 1 – 3). Среди сборов также отмечены фрагменты керамики без орнамента и с обмазочными валиками.

Пункт сбора Абакан-7 был зафиксирован в 50 м к западу от предыдущего пункта. На осыпи террасы подняты заготовка каменного тесловидного орудия (рис. 1 – 9), пластинка и отщепы. На обочине дороги найдены фрагменты венчиков от двух сосудов. Первый из них закрытой формы, его шейка слабо профилирована, венчик утолщен. Под краем нанесен ряд пальцевых зацепов и пояс «жемчужин» (рис. 1 – 4). С внутренней стороны венчик оформлен косыми насечками. Второй сосуд с внешнего борта под краем украшен вертикальными отпечатками палочки (рис. 1 – 6). С внутренней стороны он также оформлен косыми насечками. Здесь же на дороге обнаружены черепки, украшенные гребенчатым штампом и без орнамента.

В 15 м к югу от дороги в вывороте от упавшего дерева были найдены

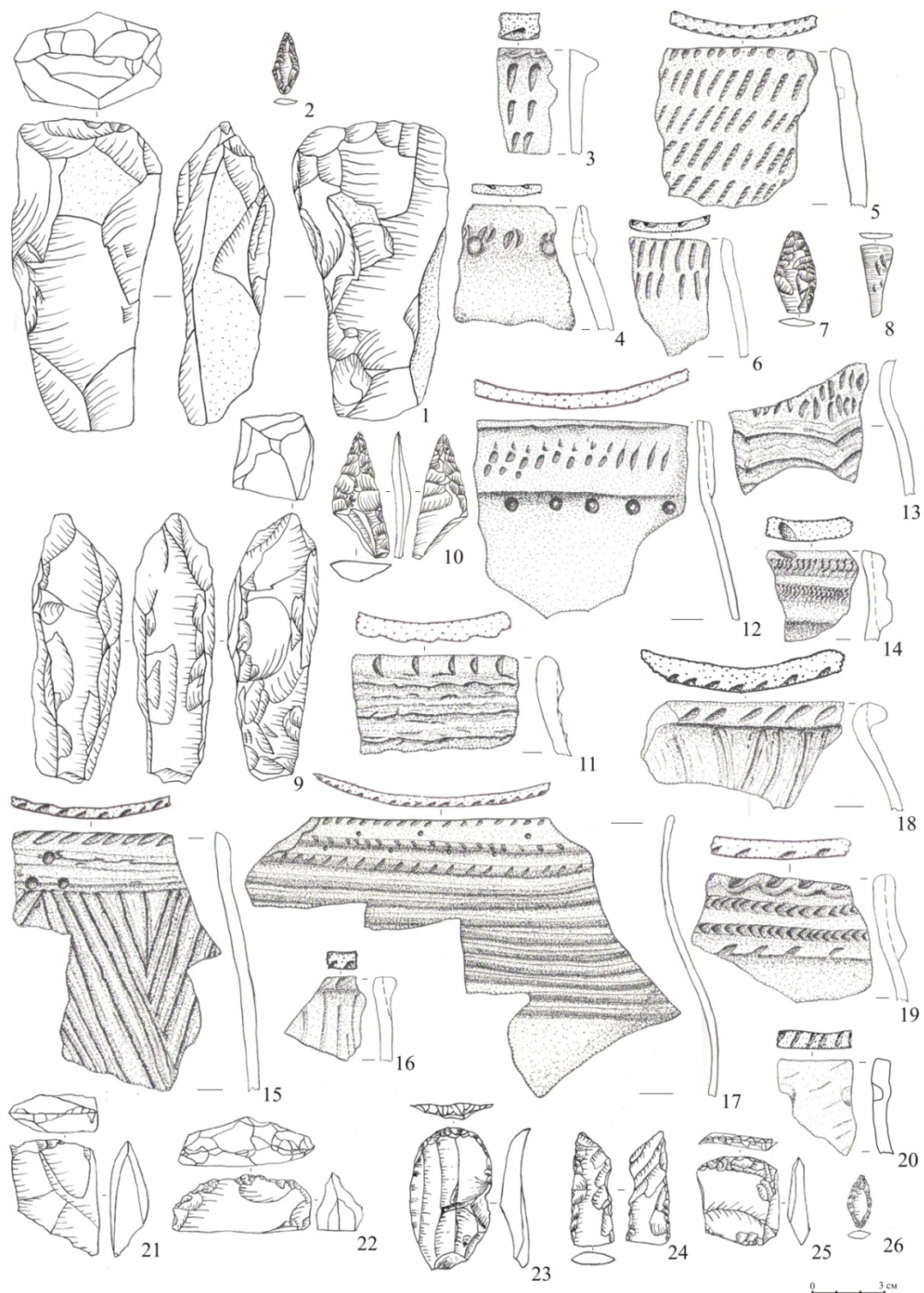

Рис. 1. Предметы, найденные на ангарских береговых террасах в 2007–2009 гг.:
 1–3 – Абакан-6; 4–6, 9 – Абакан-7; 7, 8, 10 – Абакан-8; 11–13, 15 – Ангарский мыс – 4;
 14 – Ангарский мыс – 2; 16, 18 – Пинчуга-5; 17 – Кача-1; 19 – Артюгино-3;
 20 – 22 – Ангарский-6; 23 – Гремучий-2; 24 – Гремучий-4; 25, 26 – Гремучий-6
 (1, 2, 7–10, 21–26 – камень; остальное – керамика)

фрагменты керамики еще от одного сосуда. Он закрытой формы с прямой шейкой, со скошенным наружу обрезом (рис. 1 – 5). Венчик с обеих сторон рассечен прямыми насечками. Сосуд орнаментирован рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа, дополненных поясом «жемчужин». Найденная на этом пункте сбора керамика близка находкам из третьего культурного слоя поселения Шилка-9, который датируется началом – концом I тыс. н. э. [Мандрыка, 2005, с. 177]. Каменные орудия должны быть отнесены к более раннему времени.

Пункт сбора Абакан-8 отмечен в 50 м к западу от предыдущего пункта, вблизи геодезического знака. Среди подъемного материала каменная заготовка (?) наконечника стрелы треугольной формы, оформленная бифасиальной ретушью (рис. 1 – 10), заготовка черешкового наконечника стрелы, пластинки и отщепы. На обочине дороги зафиксированы фрагменты стенок сосуда с обмазочными валиками.

Для привязки находок к слою был заложен шурф. В нем артефакты были отмечены на глубине 20–25 см, на границе светло-бурого и бурого песка. Среди находок каменные бесчерешковый наконечник стрелы с пером пятиугольной формы (рис. 1 – 7), миниатюрное теслецо с зауженным обушком и шлифованным выпуклым лезвием (рис. 1 – 8),

отщепы и фрагмент керамики без орнамента.

Пункт сбора Абакан-9 находится в 300 м к западу от предыдущего пункта на гриве, между двумя логами. Здесь обнаружен фрагмент керамики без орнамента и каменные отщепы.

Пункт сбора Абакан-10 расположен в 100 м к западу от предыдущего пункта, на участке между двумя логами. Находки были собраны на обочине дороги. Среди них фрагмент «рубчатой» керамики. Сосуд закрытой формы, шейка прямая, обрез скошен наружу. Под краем расположен пояс «жемчужин». Здесь же были отмечены черепки без орнамента и каменные отщепы.

Пункт сбора Абакан-11 отмечен в 100 м к западу от предыдущего пункта на гриве, между двумя логами. Находки немногочисленны, среди них каменные отщепы, скол, фрагмент керамики без орнамента и черепок с прочерченной линией.

Пункт сбора Абакан-12 зафиксирован в 100 м к западу от предыдущего пункта. Здесь на обочине дороги подняты три каменных отщепа с краевой ретушью, округлая галька со следами забитости на торце и отщепы без вторичной обработки.

Пункт сбора Абакан-13 расположен в 100 м к западу от предыдущего пункта. На краю террасы обнаружен

каменный отщеп и фрагмент керамики без орнамента. Здесь же прослежены остатки железоплавильного горна.

Пункт сбора Абакан-14 находится в 100 м к западу от предыдущего пункта. С дорожных отвалов на обочине собраны каменные отщепы и фрагменты керамики без орнамента.

Пункт сбора Абакан-15 выявлен в 100 м к западу от предыдущего пункта. Фрагмент керамики без орнамента был обнаружен на краю пожарозащитной полосы.

Пункт сбора Абакан-16 зафиксирован в 100 м к западу от предыдущего пункта, в 0,6 км восточнее п. Старый Абакан. На обочине дороги, вблизи одиночно стоящей усадьбы, собраны каменные отщепы.

Пункт сбора Абакан-17 находится в 300 м к западу от стоянки Абакан-1 (от территории верхнего склада и п. Старый Абакан) и в 200 м восточнее стоянки Абакан-2. С поверхности террасы собраны пять фрагментов тонкостенной керамики без орнамента.

Пункт сбора Абакан-18 выделен в 100–200 м к западу от стоянки Абакан-3, в 1,3–1,4 км к западу от п. Старый Абакан. С нарушенных участков поверхности 12-метровой террасы была собрана коллекция из 389 предметов, включающих каменные изделия и фрагменты керамических сосудов (подробнее

см. статью П. О. Сенотрусовой в настоящем сборнике).

В итоге на обозначенных пунктах сбора выявлено значительное количество материала, который распространяется на протяжении 3,3 км вдоль первой ангарской террасы. Объекты могут быть датированы от неолита до раннего Средневековья. Для всего комплекса характерно типичное для Приангарья компактное залегание разновременных находок в верхнем уровне покровных отложений. Дальнейшее изучение территории комплекса раскопками позволит локализовать площадки с разновременными и разнокультурными материалами.

Разведочные работы от п. Ангарский до п. Артюгино. В 2008 г. отрядом под руководством П. О. Сенотрусовой была проведена пешая археологическая разведка по правому берегу р. Ангара от п. Ангарский до п. Артюгино, в ходе которой были осмотрены уже известные объекты и выявлены новые. Первые археологические стоянки на этом участке были открыты еще в 1937 г., когда А. П. Окладников отметил материал в устье р. Иркиннеева. В 1982 г. на этом участке ангарской долины проводились исследования отрядом Красноярского краеведческого музея под руководством Н. П. Макарова. На правом берегу р. Ангара, напротив устья р. Карабула, были открыты стоян-

ки Пинчуга-1 и Пинчуга-2 [Макаров, 1983, с. 216]. В 1986 и 1991 гг. здесь работал отряд по паспортизации археологических памятников КАЭ КГПИ. Исследователями было открыто несколько памятников выше и ниже п. Ангарский и п. Пинчуга. На местонахождении Ангарский (в 4 км выше одноименного поселка) зафиксирован материал неолитического облика, а на местонахождении Ангарский-1 (в 2 км ниже поселка) были собраны разновременные артефакты, среди которых янусовидная рыбка-приманка и фрагменты сосуда с «жемчужником» и косыми насечками [Леонтьев, 1987, с. 116; Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989, с. 206]. Летом 2006 г. Д. Н. Лысенко провел разведку выше п. Ангарский, в ходе которой были открыты памятники Ангарский-2, Ангарский-2а, Ангарский-3 [Лысенко, 2007, с. 605]. На следующий год экспедицией под руководством И. А. Грачева объекты, попадающие в зону строительства моста через р. Ангара, были раскопаны в ходе проведения спасательных работ. Через четыре года после нашей разведки, в 2012 г., сотрудниками ООО «Красноярская геоархеология» в данном районе проводились землеотводные работы. Были выявлены поселение русского времени Мунтуль-1, многослойная стоянка Ельчимо-3, местонахождения Ельчимо 4–11 [Новые объекты..., 2013].

В следующем году на стоянке Ельчимо-3 ими проводились стационарные раскопки, результаты которых еще не опубликованы.

Высота ангарских террас на участке от п. Ангарский и до устья р. Иркинеева небольшая, составляет 6–10 м от уреза воды. Приустьевые иркинеевские террасы существенно выше (до 18 м). Памятники, расположенные ниже п. Артюгино, были отмечены на террасах высотой 20–25 м. На участке, где проходила разведка, покровные отложения террас сложены из супесчаных и песчаных почв, на поверхности повсеместно произрастает сосновый лес.

Местонахождение Ангарский мыс – 1. Расположено в 4,6 км к западу от п. Ангарский и в 2,6 км западнее известного местонахождения Ангарский-1. В районе памятника река поворачивает в юго-западном направлении, и эту местность жители п. Ангарский называют Мыс. Поверхность террасы относительно ровная, постепенно повышается в северном направлении. С восточной стороны площадь памятника ограничена небольшим логом. В ходе хозяйственной вырубki леса поверхность террасы была повреждена, глубина почвенных нарушений не превышает 15–20 см. Верхние почвенные горизонты, где был собран материал, представлены супесью светло-коричневого цвета, дерновый слой развит слабо.

Среди находок здесь отмечены фрагменты керамики с тонкими обмазочными валиками, оттисками гребенки, черепки без орнамента и каменные отщепы.

Местонахождение Ангарский мыс – 2. Находится в 5,3 км к западу от п. Ангарский. Поверхность террасы изрыта гусеничной техникой, очевидно, при вывозе леса. В западном направлении терраса резко понижается, в северном – повышается, а в восточном – ограничивается логом. По поверхности проходит грунтовая дорога, на которой и был собран подъемный материал.

Среди находок фрагмент венчика сосуда закрытой формы с утолщенным краем. Обрез оформлен овальными вдавлениями. С внешнего борта по наклепной ленте нанесены полосы из отступающих оттисков скобковидного орнамента (рис. 1 – 14). Здесь же вместе с каменными отщепами и керамикой без орнамента отмечены черепки, украшенные наклепными обмазочными и жгутиковыми валиками, рассеченными округло-приостреленными наколами. Находки позволяют датировать памятник ранним железным веком.

Местонахождение Ангарский мыс – 3. Материал был собран в 6,6 км к западу от п. Ангарский в нарушениях на поверхности террасы. С северо-запада территория местонахождения ограничи-

вается гривой, с юга – спуском к реке. Здесь отмечен каменный отщеп и черепок без орнамента.

Стоянка Ангарский мыс – 4. Находится в 6,9 км к западу от п. Ангарский. Терраса разрезана небольшими логами, по ней проходит лесная дорога, на ее поверхности и были обнаружены первые находки. В восточном направлении терраса постепенно понижается. В этой низине проводились вырубка и пожар леса, культурный слой здесь оказался сильно поврежден, материал находился прямо на поверхности.

Среди сборов отмечены фрагменты венчиков от трех сосудов. Первый сосуд закрытой баночной формы, без выделенной шейки (рис. 1 – 15). Венчик рассечен косыми насечками. На внутренней поверхности стенок заметны следы замывки, с внешней стороны они покрыты слоем тонкодисперсной обмазки. На шейке сосуда из этой обмазки оформлены два горизонтальных валика, дополненные тремя ямками, расположенными треугольником. Тулово сосуда украшено обмазочными валиками, которые строятся в мотив «шеврон». Второй сосуд горшковидной формы с каплевидным в сечении венчиком и слабо выраженной шейкой. С внешней стороны венчик орнаментирован ногтевыми наколами, а шейка

украшена горизонтальными обмазочными валиками (рис. 1 – 11). Третий сосуд также горшковидной формы, но с ярко выраженной шейкой. Его венчик оформлен насечками. В коллекции есть фрагмент профилированной шейки сосуда, украшенной рядами пальцевых защипов, ниже которых нанесены тонкие обмазочные валики, строящиеся в арочный мотив (рис. 1 – 13). Кроме этого, с нарушенных участков на поверхности террасы подняты черепки с отпечатками лопатки, обмотанной перекрученным шнуром, а также фрагменты с пальцевыми наколами, с разнотипными наlepными валиками и без орнамента. В отдельных местах подняты каменные отщепы и железные шлаки.

В заложенном шурфе археологический материал был найден на глубине 3–10 см и приурочен к светло-серой супеси. В слое зафиксировано скопление фрагментов горшка с прямой шейкой и слабовыраженными плечиками (рис. 1 – 12). Край сосуда утолщен наlepной лентой, которая участками орнаментирована отпечатками трезубой гребенки. Такими же отпечатками оформлена внутренняя сторона под краем венчика. Под лентой на шейке нанесен ряд ямок. На стенках сосуда читаются заглаженные оттиски «вафельной» колотушки.

Сосуды, украшенные тонкими наlepными валиками, можно сопоста-

вить с керамикой усть-ковинского типа [Бирюлева, 2013, с. 84]. Сосуду из шурфа по «вафельным» оттискам, наlepной ленте с отпечатками гребенки и поясом ямок на шейке находятся аналогии в материалах шепиловской культуры бронзового века (XIV–VIII вв. до н. э.), и он может быть отнесен к заостровскому типу [Мандрыка, 2008а, рис. 1].

Местонахождение Ангарский мыс – 5. Материал был собран в 8,9 км к западу от п. Ангарский в переотложенной почве возле спуска к реке, срезавшего край террасы. Подняты черепок без орнамента и каменный отщеп, а также обломки кости лошади¹.

Стоянка Кача-1. Находится напротив устья р. Карабула, в 9,6 км к западу от п. Ангарский. Памятник открыт в 1982 г. Н. П. Макаровым и был назван Пинчуга-1 [Макаров, 1983, с. 216]. На осыпях террасы были найдены каменный топор, отщепы и фрагменты керамики с наlepными валиками. В зачистке борта террасы на глубине 70–72 см был отмечен культурный слой, предварительно отнесенный к железному веку [Там же]. В 1991 г. в ходе разведочных работ АЭ КГПУ В. И. Макуловым такое же название было присвоено другой стоянке, выявленной западнее

¹ Определения проводились Н. Д. Овдовым, за что авторы выражают ему особую благодарность.

п. Пинчуга². На нее был составлен паспорт, и она была поставлена на государственную охрану. Чтобы устранить образовавшуюся накладку в названиях, нами было решено переименовать открытый Н. П. Макаровым объект в стоянку «Кача-1», по названию расположенного неподалеку ручья.

При нашем осмотре склона террасы обнаружен фрагмент керамики без орнамента. В этом месте был заложен шурф, в котором на глубине 25–30 см в темно-бурой супесчаной почве с включениями мелких угольков было найдено скопление фрагментов горшка с профилированной шейкой (рис. 1 – 17). Венчик с внешнего края оформлен наклонными насечками. Остальная поверхность покрыта горизонтальными валиками, из которых два верхних рассечены насечками. Здесь же под венчиком в шахматном порядке нанесены сквозные отверстия. Среди других находок на памятнике стоит отметить обломок плитки песчаника, камень с прикипевшим железным шлаком и куски железных шлаков. Эти находки могут быть датированы I тысячелетием н. э. [Мандрыка, Бирюлева, 2012; Бирюлева, 2013; Титова, 2013], и они демонстрируют совершенно

другой хронологический комплекс, отличный от ранее известного, неолитического.

Стоянка Пинчуга-3. Находится в 14,5 км к западу от п. Ангарский и в 17,5 км к востоку от д. Иркинеево. В 30 м к северу от края берега начинаются покосные поля. Стоянка открыта Н. П. Макаровым в 1982 г. и была названа Пинчуга-2, на ней были собраны куски железных шлаков и фрагмент керамики с налепными валиками [Макаров, 1983, с. 216]. Такое же название в 1991 г. получает очередная новая стоянка, открытая В. И. Макуловым в 1 км западнее п. Пинчуга. Она ставится на государственную охрану, и это вынуждает нас вновь переименовывать ранее открытый Н.П. Макаровым памятник.

В 2008 г. на стоянке Пинчуга-3 растительность была выжжена пожаром. На открытой поверхности склона и террасы были найдены фрагменты керамики без орнамента. В зачистке борта террасы такие же фрагменты были зафиксированы на глубине 30 см.

Местонахождение Пинчуга-4. Материал был найден в осыпи небольшого котлована, в 15,8 км к западу от п. Ангарский и в 16,2 км к востоку от д. Иркинеево, напротив п. Пинчуга. Покровные отложения на поверхности террасы здесь нарушены, найденный материал переотложен. На местонахожде-

² Макулов В. И. Отчет о полевых исследованиях в Тунгусо-Чунском районе Эвенкийского автономного округа, Богучанском и Большемурутинском районах Красноярского края в 1991 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 16098. 166 л.

нии собраны фрагменты керамики без орнамента и овальная галька со следами забитости на торце.

Местонахождение Пинчуга-5.

Расположено в 0,8 км к западу от предыдущего пункта. Поверхность памятника сnivelирована тяжелой техникой при расчистке поймы под покос, материал переотложен.

С поверхности террасы подняты фрагменты венчиков от двух сосудов. Первый из них горшок с «карнизиком» на венчике, который рассечен глубокими косыми насечками. Шейка украшена наклонными обмазочными валиками (рис. 1 – 18). Венчик от второго сосуда также оформлен рассеченным «карнизиком». Но шейка его украшена вертикальными обмазочными валиками (рис. 1 – 16). Оба сосуда могут быть отнесены к усть-ковинскому типу и датированы второй половиной I тыс. н. э.

Стоянка Ельчимо-1. Расположена в 5,9 км восточнее д. Иркиннеево, в 3,9 км к востоку от ручья Ельчимо, напротив о. Иркиннеева. Материал был собран как на поверхности террасы, так и на ее задернованном склоне.

Среди каменных артефактов, найденных на памятнике, необходимо отметить отщеп с ретушью, пластинки, отщепы и сколы без вторичной обработки. Керамика разнотипна, были отмечены фрагменты с оттисками трех- и мно-

гозубой гребенки, с горизонтальными рядами овальных оттисков, с отпечатками сетки-плетенки, без орнамента.

В заложенном шурфе зафиксировано два культурных слоя. Первый из них располагался на глубине 25–30 см и приурочен к слою бурого песка. Второй слой залегал на глубине 65–70 см в красноватобурой почве с включением линз угля.

В первом слое найдены фрагменты венчика от одного сосуда с рядами ногтевых защипов (рис. 2 – 9). Аналогии этой керамике находим в материалах поселения Айканка I–IV вв. н. э. [Мандрыка, 1997, с. 213]. Во втором культурном слое был найден каменный отщеп с ретушью, сколы и отщеп без вторичной обработки.

Стоянка Ельчимо-2. Расположена в 5,3 км к востоку от д. Иркиннеево, напротив восточной оконечности о. Безымянного. Подъемный материал располагался в выдувах возле корней деревьев и в обнажениях борта террасы. В двух местах концентрация находок была особенно высокой.

Один пункт сбора находится в западной части памятника; здесь были найдены каменные отщепы, скол с фронтальной части нуклеуса, железные шлаки. Здесь же обнаружен фрагмент профилированного венчика с рассеченным обрезом, фрагменты стенок сосудов с горизонтальными рядами оттисков

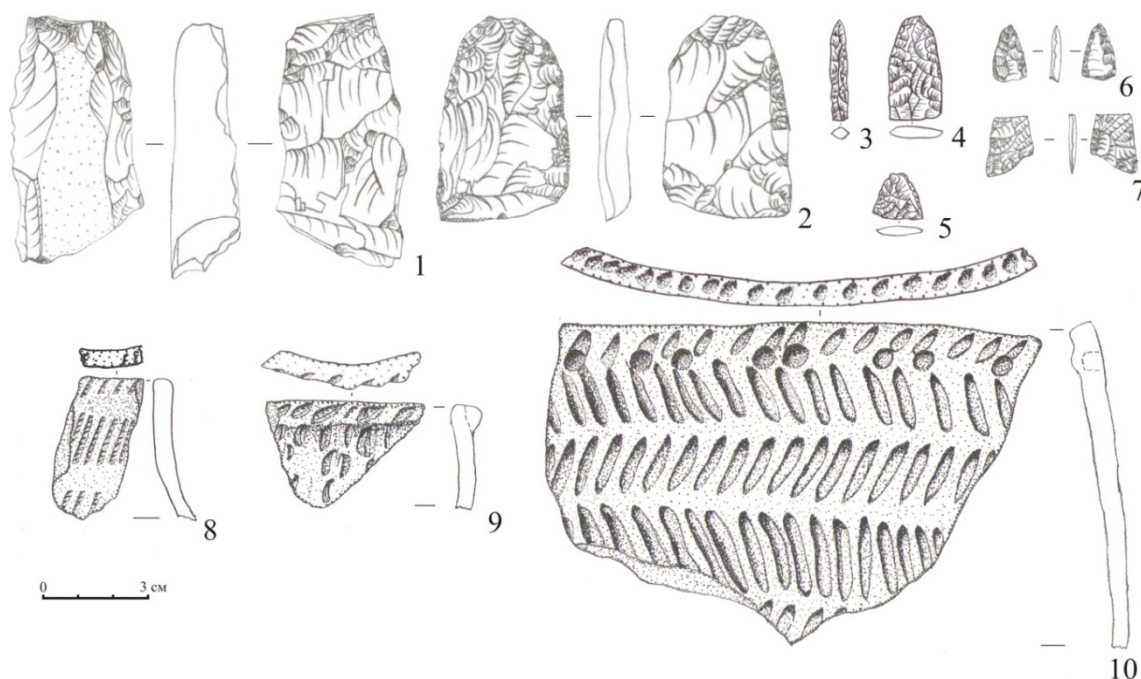

Рис. 2. Предметы, найдены на ангарских береговых террасах в 2007–2009 гг.

9 – Ельчимо-1; остальное – Ельчимо-2. 1–7 – камень; 8–10 – керамика

прямоугольного штампа, гребенки, с отпечатками сетки-плетенки.

Другой пункт сбора расположен в восточной части памятника, недалеко от лога. Здесь собраны два каменных отщепа с краевой ретушью и обломок каменного наконечника стрелы. Керамика представлена разнообразными черепками с наlepными рассеченными жгутиковыми валиками, с обмазочными волнистыми валиками, с рядами гребенчатых оттисков.

В зачистке борта террасы на глубине 24–25 см в светло-серой песчаной почве найдено несколько фрагментов керамики лесосибирского типа с гребенчатыми оттисками (рис. 2 – 8) [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013].

В глубине террасы был заложен шурф. В нем выявлен культурный слой

мощностью до 22 см, который приурочен к горизонту красновато-бурого песка. Находки располагались на глубине 45–70 см. Найдены каменные ножи-вкладыши с ретушью (рис. 2 – 2, 4, 5), три обломка разнотипных наконечников стрел (рис. 2 – 6, 7), обломок заготовки тесла (?) (рис. 2 – 1), проколка вытянутой формы ромбического сечения (рис. 2 – 3). Здесь же отмечены отщепы с краевой ретушью, микропластинка с ретушью, отходы первичного расщепления камня. Керамика представлена фрагментами от нескольких сосудов открытой формы. Они орнаментированы рядами разнонаправленных оттисков гладкого или «личиночного» штампа. Орнамент дополнен под краем поясом ямок (рис. 2 – 10). Также были найдены фраг-

менты керамики без орнамента и украшенные рядами отступающего орнамента, различного гребенчатого штампа. Представленную керамику можно сопоставить с посудой усть-бельского типа (6600–4100 л. н.) [Бердников, 2013, с. 215]. Такой дате не противоречат найденные в шурфе каменные орудия. Часть предметов из сборов может быть датирована неолитом, бронзовым веком, Средневековьем.

Стоянка Усть-Иркинеева. Находится на левобережной приустьевой террасе р. Иркинеева. Стоянка почти полностью разрушена деревней, возникшей в конце XVII в. Памятник открыт А. П. Окладниковым в 1937 г., после чего неоднократно осматривался сотрудниками КГПУ [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 17].

Нами был проведен сбор материала по осыпи террасы, с западной стороны яра. Среди находок обломков кованого гвоздя и фрагменты русской керамики. Неолитической эпохой датируются изделия из камня: обломки разнотипных наконечников стрел, концевой и боковой скребки, сколы и отщепы с краевой ретушью, пластинки и отщепы без вторичной обработки. Собранная керамика разнотипна, есть черепки с обмазочными валиками, оттисками овального штампа и без орнамента. В зачистке борта террасы на глубине 35–40 см в слое

бурой супесчаной почвы с включениями угольков были найдены отщеп с краевой ретушью, фронтальный скол с нуклеуса, пластинки и первичные отщепы. Работы показали присутствие материалов неолитической эпохи, Средневековья и русского времени.

Местонахождение Артюгино-1.

Расположено в районе базы ГСМ п. Артюгино, в 1,3 км к западу от жилой части поселка. С восточной и западной сторон терраса резко понижается. По ней проходит грунтовая дорога, на обочине которой были собраны каменные отщепы и фрагменты керамики без орнамента.

Стоянка «265 км». Находится в 265 км от устья р. Ангара, в 2 км западнее п. Артюгино. С западной стороны памятника терраса прорезана узким глубоким логом. Стоянка открыта отрядом по паспортизации памятников археологии КАЭ КГПИ в 1986 г. Культурный слой был зафиксирован на глубине 20–25 см [Дроздов, Макулов, Ермолаев 1989, с. 208].

Нами артефакты были обнаружены в небольшом обнажении террасы. Они представлены каменными отщепами, фрагментами керамики без орнамента и обломками жженных костей.

Стоянка Артюгино-2. Расположена в 2,5 км к западу от п. Артюгино. С западной стороны терраса ограничивается глубоким логом, в северном

направлении она постепенно повышается. Артефакты были собраны с тропы, проходящей по террасе, и с обнажений. Подняты каменные отщепы, пластинка, колотая галька, а также фрагменты разнотипной керамики. Один сосуд каменско-маковского типа, украшен по наклепной ленте рядами отступающих оттисков гладкого орнамента (рис. 1 – 19), другой сосуд оформлен овално-приостренными насечками по венчику. В зачистке борта террасы на глубине 15–20 см в светло-бурой песчаной почве прослежен культурный слой с фрагментами керамики без орнамента, каменными пластиной, отщепами и жжеными обломками костей. Керамика, найденная на памятнике, датируется серединой – концом I тыс. до н. э. [Мандрыка, 2008б, с. 164].

Разведочные работы от п. Ангарский до п. Гремучий. На этом участке в 2007 г. было выявлено 13 новых пунктов сбора археологического материала (информация о ранее известных памятниках на этом участке приведена выше).

Пункт сбора Ангарский-4. Расположен на поверхности 20-метровой террасы р. Ангара, в 10 м восточнее крайнего дома поселка. Терраса здесь повышается в восточном направлении. В обнажениях собраны черепки, украшенные оттисками гребенки, и фрагменты керамики без орнамента. В зачистке борта террасы в бурой супесчаной почве на

глубине 27–32 см отмечена линза прокаленной почвы с включением жженных рыбьих костей.

Пункт сбора Ангарский-5. Зафиксирован на высокой 40-метровой террасе р. Ангара, в 1,5 км к востоку от п. Ангарский. С восточной и западной сторон местонахождение ограничено логами, склон со стороны реки задернован. Несколько восточнее памятника находятся картофельные поля. На самой высокой точке террасы с поверхности лесной дороги были подняты два черепка с обмазочными валиками.

Пункт сбора Ангарский-6. Материал был отмечен на 15-метровой ангарской террасе, в 2,15 км восточнее п. Ангарский. Объект располагается над поймой, которую местные жители называют Поповым лугом. Материал отмечен в обнажениях, выявлено два места сбора.

На первом – в восточной части стоянки – найдены обломок каменного скребка, отщепы и керамика карабульского типа, которая была широко распространена в Приангарье в скифское время [Леонтьев, Герман, 2013, с. 58]. В 70 м к западу от этого места сбора, вблизи небольшого овражка, зафиксирован второй пункт с концентрацией материала. Здесь найдены обломки лезвий двух каменных тесел (рис. 1 – 21, 22), отщепы с ретушью и фрагменты венчиков с «рубчатыми» оттисками на по-

верхности и поясом «жемчужин» под краем (рис. 1 – 20), а также фрагменты с обмазочными валиками и оттисками гребенчатого штампа. Памятник содержит разновременные материалы бронзового, раннего железного века и Средневековья.

Пункт сбора Ангарский-7. Находится на 17-метровой террасе р. Ангара, в 3,5 км восточнее п. Ангарский и в 0,5 км восточнее «стоянки Ангарский», открытой в 1986 г. сотрудниками КАЭ КГПУ. В восточном направлении терраса постепенно повышается. На обочине лесной дороги найден фрагмент керамики без орнамента.

Пункт сбора Гремучий-1. Находится на 30-метровой ангарской террасе, в 4,2 км к западу от п. Гремучий, в 11,3 км восточнее п. Ангарский и восточнее вышки ВЛ. В восточном направлении терраса постепенно повышается, на лесной дороге, идущей по ее краю, были собраны каменные отщепы.

Пункт сбора Гремучий-2. Расположен на 20-метровой террасе р. Ангара, в 4,1 км к западу от п. Гремучий. По террасе проходит грунтовая автомобильная дорога к п. Гремучий, от нее еще одна дорога спускается к реке. Высота обнажений по бортам этой дороги, прорезающей террасу, достигает 3 м. В этих обнажениях был найден концевой скребок на отщепе (рис. 1 – 23). На поверх-

ности террасы зафиксирована каменная кладка трапецевидной формы из 4 крупных камней.

Пункт сбора Гремучий-3. Находится на 22-метровой ангарской террасе, в 3,8 км к западу от п. Гремучий, восточнее лога. По террасе проходит автомобильная дорога к поселку. Материал был обнаружен в выемке от ковша экскаватора, располагающейся возле южной обочины дороги. Здесь отмечены фрагменты керамики без орнамента.

Пункт сбора Гремучий-4. Находится на склоне 16-метровой террасы р. Ангара, в 3,4 км к западу от п. Гремучий, возле перекрестка двух дорог – грунтовой, ведущей к поселку, и спуска к Ангаре. Материал собран на поверхности террасы и на обочине дороги. Среди находок каменные концевой скребок на отщепе, нож на пластине с бифасиальной ретушью по двум краям (рис. 1 – 24), пластинки, отщепы и скол с нуклеуса. Из керамики найдены фрагменты с тонкими обмазочными валиками, с рядами оттисков гребенки и без орнамента.

Пункт сбора Гремучий-5. Дислоцируется на 12-метровой террасе р. Ангара, в 3,3 км к западу от п. Гремучий. Находки зафиксированы на склоне и на тропе, проходящей по террасе. Материал представлен каменными отщепами, обломком тесла и фрагментами керамики без орнамента.

Пункт сбора Гремучий-6. Расположен на 20-метровой террасе р. Ангара, в 1,6 км к западу от п. Гремучий. Материал был обнаружен в обнажениях и на склоне террасы. Найдены каменные листовидный наконечник стрелы (рис. 1 – 26), обломок пера наконечника стрелы, двулезвийный скребок на отщепе (рис. 1 – 25), концевой короткий скребок на отщепе, пластины и отщеп с ретушью, сколы и отщепы без вторичной обработки. Здесь же поднят фрагмент венчика сосуда открытой формы, с оттисками сетки-плетенки на поверхности и рядом «жемчужин» под обрезом. Из других фрагментов керамики встречены черепки с оттисками сетки-плетенки, с рядами наклонных гладких оттисков. Памятник датируется неолитом.

Пункт сбора Гремучий-7. Зафиксирован на 20-метровой террасе р. Ангара, в 1,3 км к западу от п. Гремучий. В обнажениях террасы найдены каменные отщепы. С осыпи собраны куски обожженной глины, камни с термическими трещинами, железные шлаки. Эти находки указывают на развал железоплавильной печи.

Пункт сбора Гремучий-8. Расположен на 15-метровой террасе р. Ангара

в 1,0 км к западу от п. Гремучий. Материал зафиксирован в обнажениях террасы. Найдены каменный концевой скребок, скол и отщеп.

Пункт сбора Гремучий-9. Находится на 15-метровой террасе Ангара, в 0,7 км к западу от п. Гремучий. В восточном направлении уровень террасы постепенно повышается, ее поверхность частично повреждена спуском к реке. Материал обнаружен как на поверхности террасы, так и в обнажениях по бортам спуска к реке. Находки представлены каменными пластинками и отщепами.

Таким образом, пешие разведки по ангарским береговым террасам позволяют выявить распространение археологического материала практически на всем их протяжении. Выделенные отдельные пункты сборов (памятники) указывают на локализацию разных культурно-хронологических и/или стояночных комплексов на отдельных участках ангарских берегов. Многие из найденных объектов имеют хорошую сохранность и при проведении на них раскопок дадут новые материалы о древних культурах Нижнего Приангарья.

Список литературы

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия ИГУ. – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

Бирюлева К. В. Морфологический анализ тонковаликовой керамики поселения Проспихинская Шивера – IV // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: СФУ, 2013. – Вып. VI. – С. 75–85.

Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

Дроздов Н. И., Макулов В. И., Ермолаев А. В. Археологическая карта Нижнего течения реки Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – Вып. I. – С. 190–203.

Леонтьев В. П. Разведка в низовьях Ангары и среднем течении Енисея // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1987. – С. 116–117.

Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамика раннего железного века стоянки Сергушкин 1 // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: СФУ, 2013. – Вып. VI. – С. 58–67.

Лысенко Д. Н. Разведочные работы в Емельяновском и Богучанском районах Красноярского края // Археологические открытия 2006 года. – М.: Наука, 2007. – С. 604–605.

Макаров Н. П. Работы на Среднем Енисее и Нижней Ангаре // Археологические открытия 1982 года. – М.: Наука, 1983. – С. 215–216.

Мандрыка П. В. К вопросу о выделении новой культуры бронзового века в тайге Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы Западно-Сибирской археолого-географической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2008а. – С. 140–145.

Мандрыка П. В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Тр. II (XVIII) Всеросс. археолог. съезда в Суздале. – Т. II. – М.: ИА РАН, 2008б. – С. 162–164.

Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Вып. 3. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 172–185.

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В. Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера – I // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 50–61.

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера – IV в Нижнем Приангарье // Вестник ТГУ. История. – 2013. – № 2. – С. 67–71.

Мандрыка П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка, или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. – С. 209–217.

Новые объекты археологического наследия Богучанского района Красноярского края / А. В. Веженко, Д. Н. Лысенко, В. Е. Матвеев, Н. С. Муратов, А. Л. Заика // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. – Владивосток: Издат. дом Дальневост. федер. ун-та, 2013. – С. 389–391.

Сенотрусова П. О. Результаты археологических разведок в Нижнем течении реки Ангары // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы, методы). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – С. 25–27.

Титова Ю. А. Технологические аспекты изготовления валиковой керамики поселения Проспихинская Шивера – IV // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. VI. – С. 86–89.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет.

АИАЭТ СО РАН – архив Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

БогАЭ – Богучанская археологическая экспедиция.

ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел русского географического общества.

ГРСУ – Российский государственный социальный университет.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества.

ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

ИГУ – Иркутский государственный университет.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.

КАЭ – Комплексная археологическая экспедиция.

КГПИ – Красноярский государственный педагогический институт.

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

КГУ – Красноярский государственный университет.

КемГУ – Кемеровский государственный университет.

КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

ЛА СФУ – Лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири Сибирского федерального университета.

ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.

МГУ – Московский государственный университет.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НА КККМ – научный архив Красноярского краевого краеведческого музея

НГУ – Новосибирский государственный университет.

ОАН – Объект археологического наследия.

ОмГУ – Омский государственный университет.

ООСА ИАЭТ СО РАН – отдел охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН.

ОПИ ГИМ – отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

РА – журнал «Российская археология».

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

РКСИВА – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии.

РОБХУ – рукописный отдел библиотеки Хельсинкского университета.

СА – журнал «Советская археология».

САРО КАЭ ИГУ – Средне-Ангарский разведочный отряд комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова.

СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР.

СФУ – Сибирский федеральный университет.

ТГУ – Томский государственный университет.

SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki.

Научное издание

Древности Приенисейской Сибири

Сборник научных трудов
Выпуск VII

Редакционная коллегия:

Павел Владимирович Мандрыка (ответственный редактор)

Ксения Викторовна Бирюлева

Полина Олеговна Сенотрусова

Елена Васильевна Акимова

Редактор Л. Ф. Калашник

Корректор Л. А. Киселева

Компьютерная верстка И. В. Гревцовой

На обложке:

бронзовое антропоморфное изображение
из комплекса Проспихинская Шивера – IV
(Кежемский район Красноярского края)

Подписано в печать 20.10.2015. Печать плоская
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 26,0
Тираж 500 экз. Заказ № 2996

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru